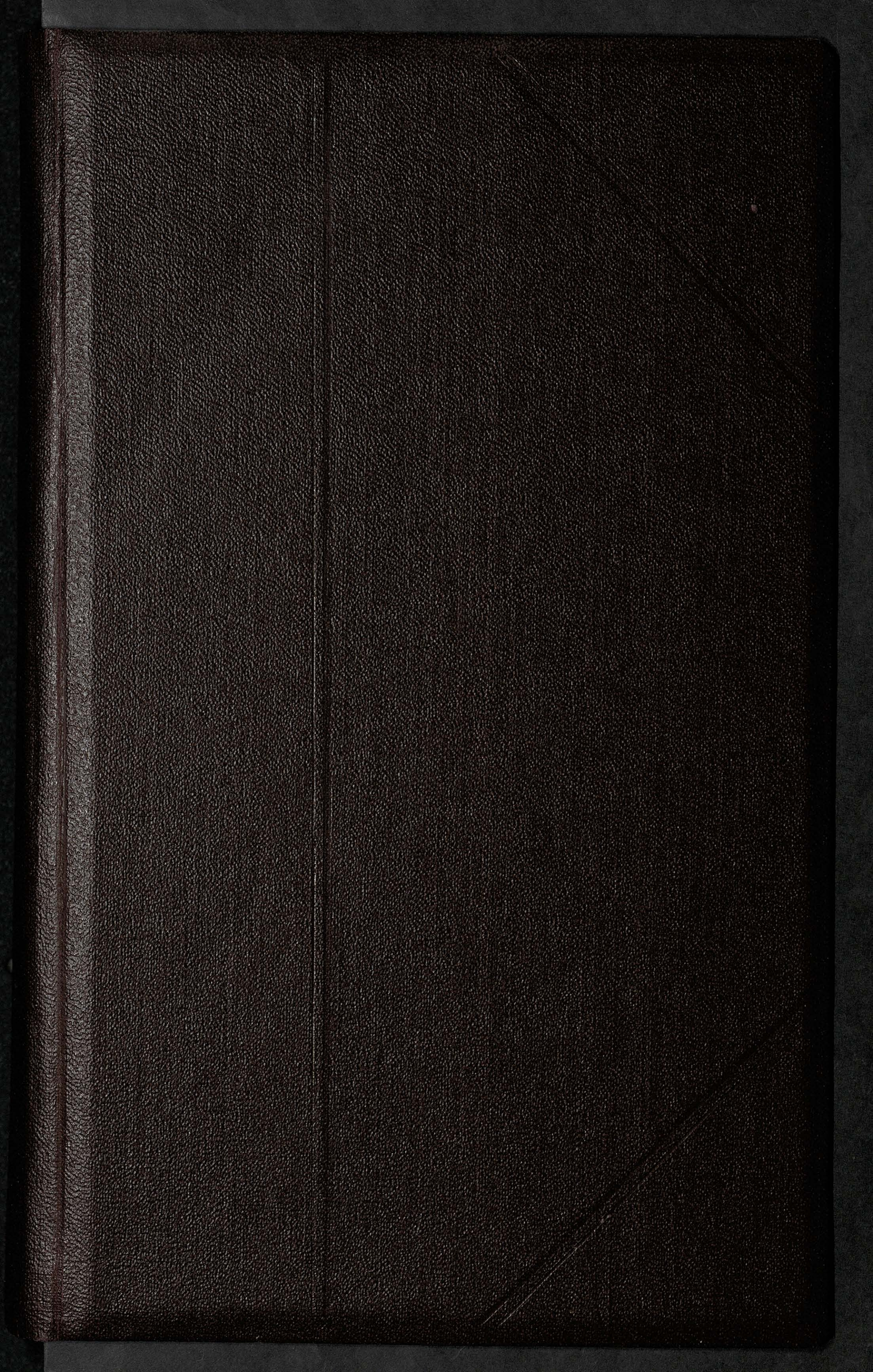
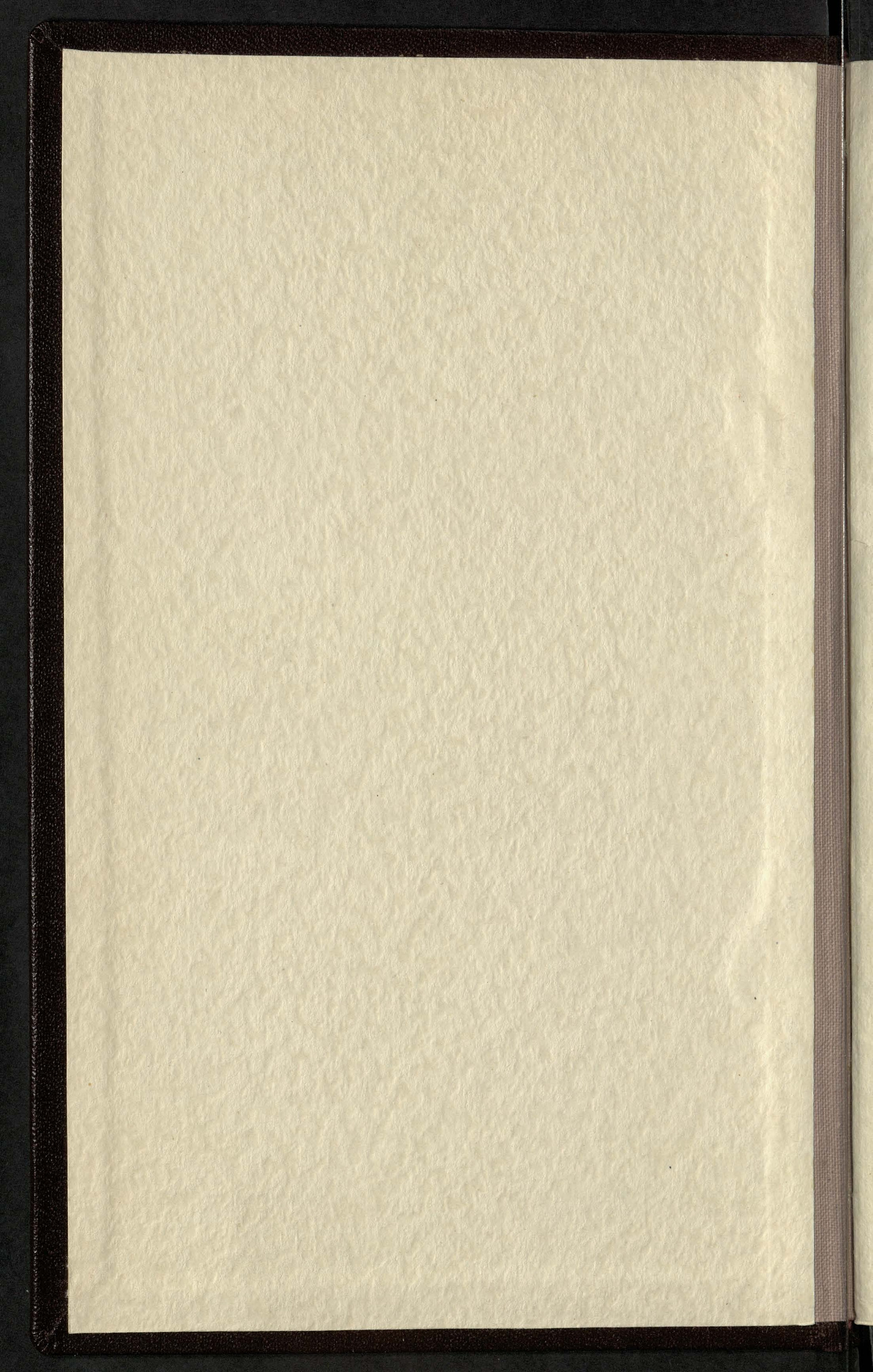
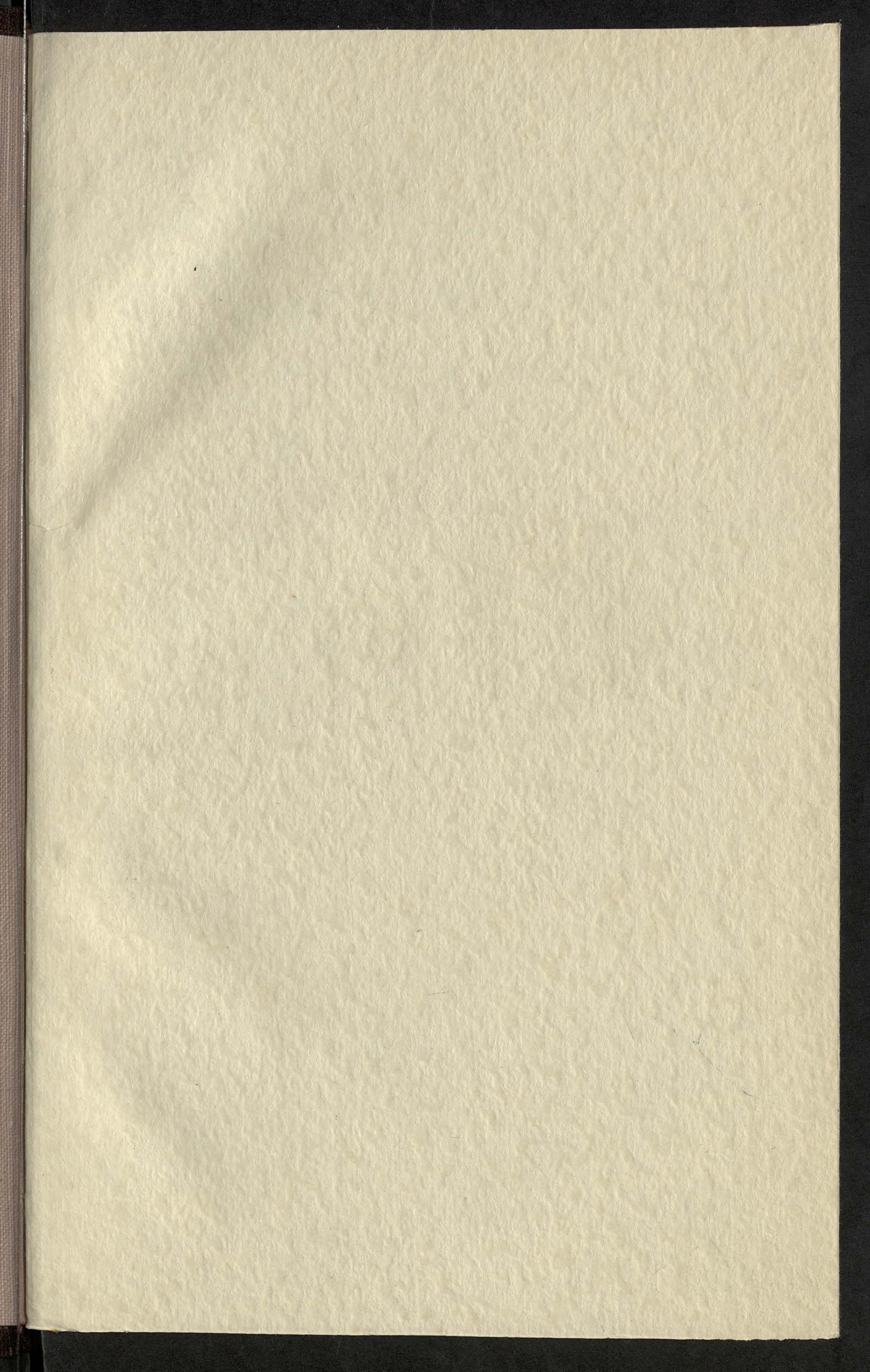
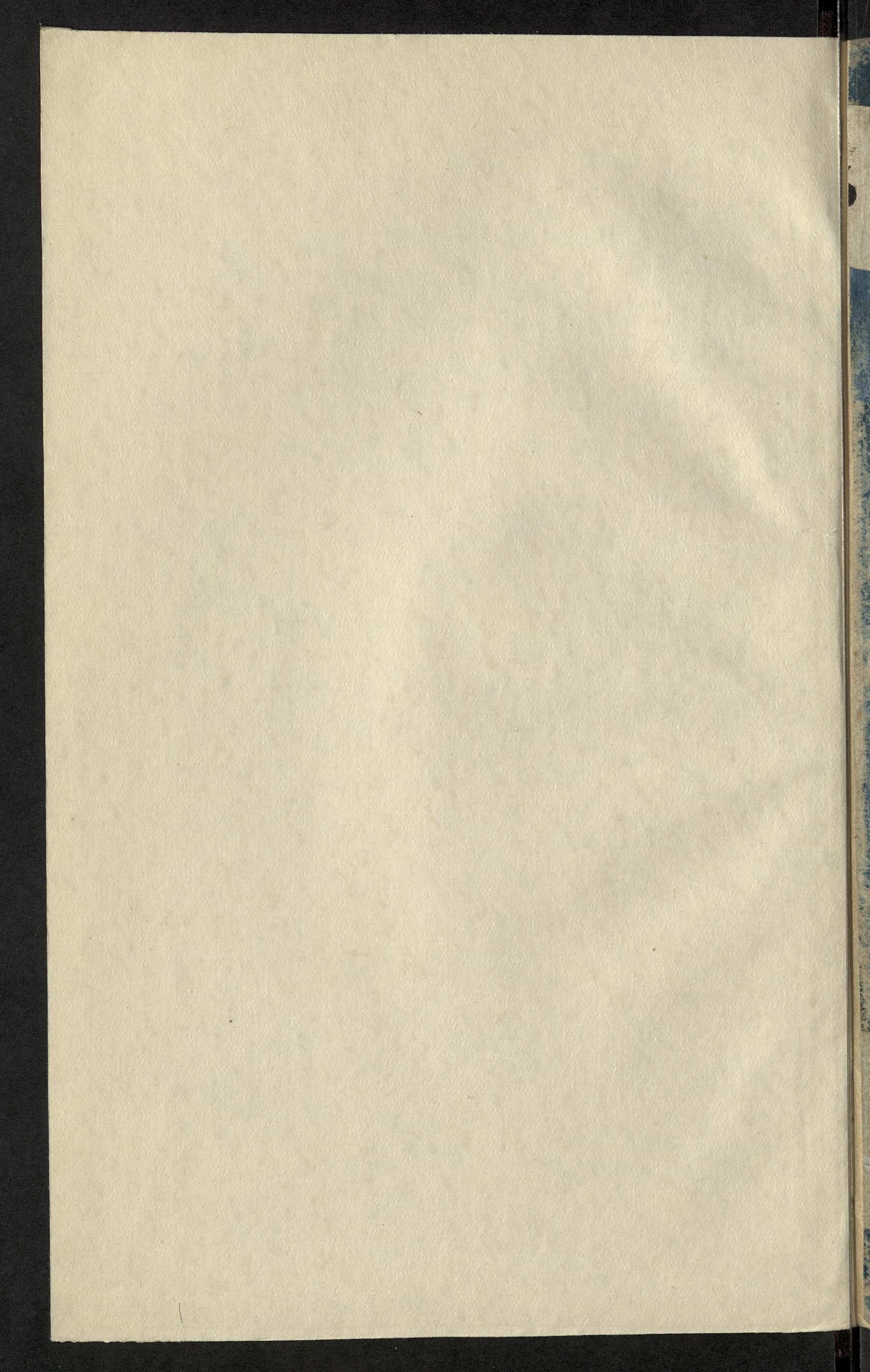
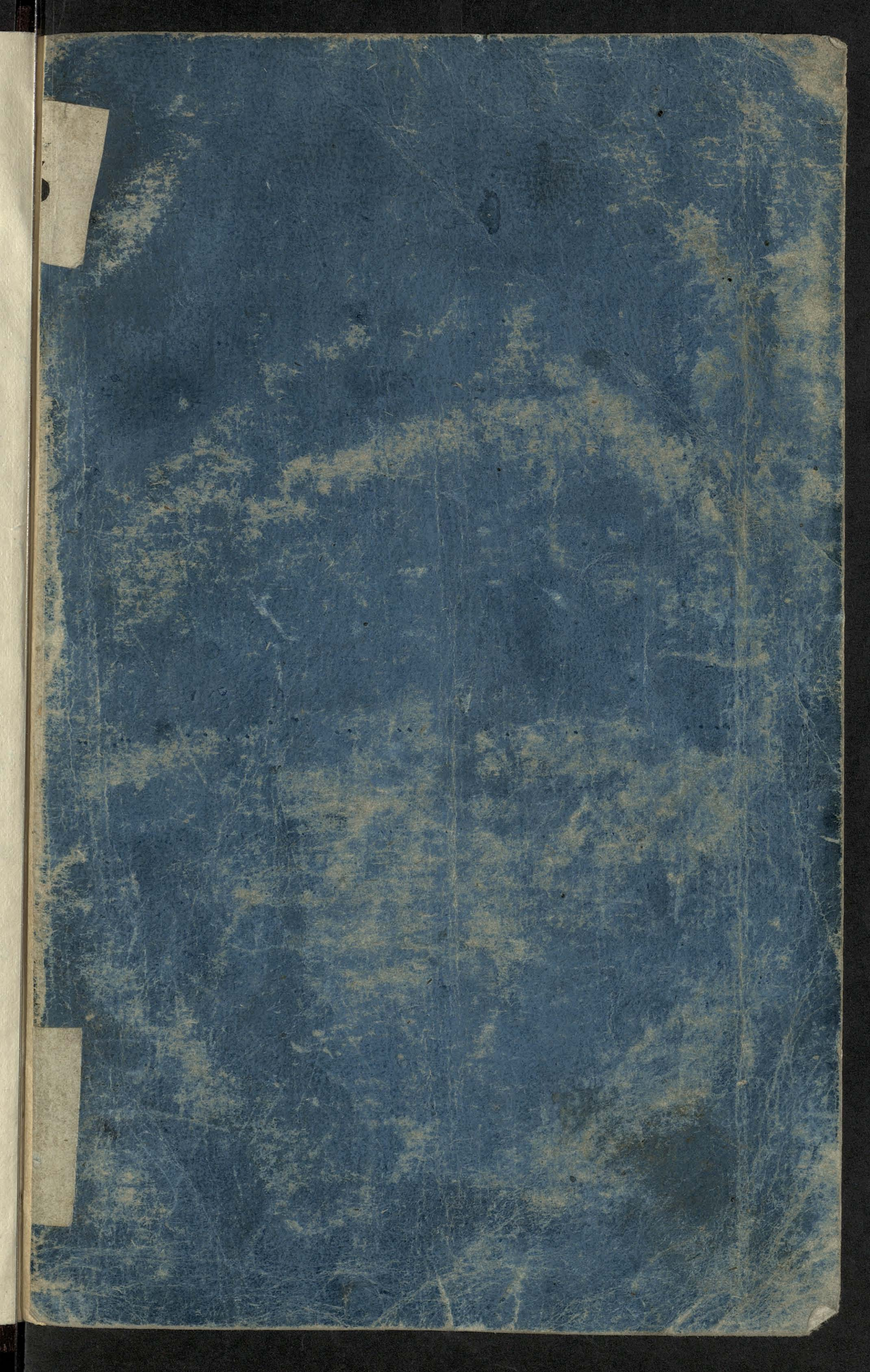

СТЕЛЛИНО,

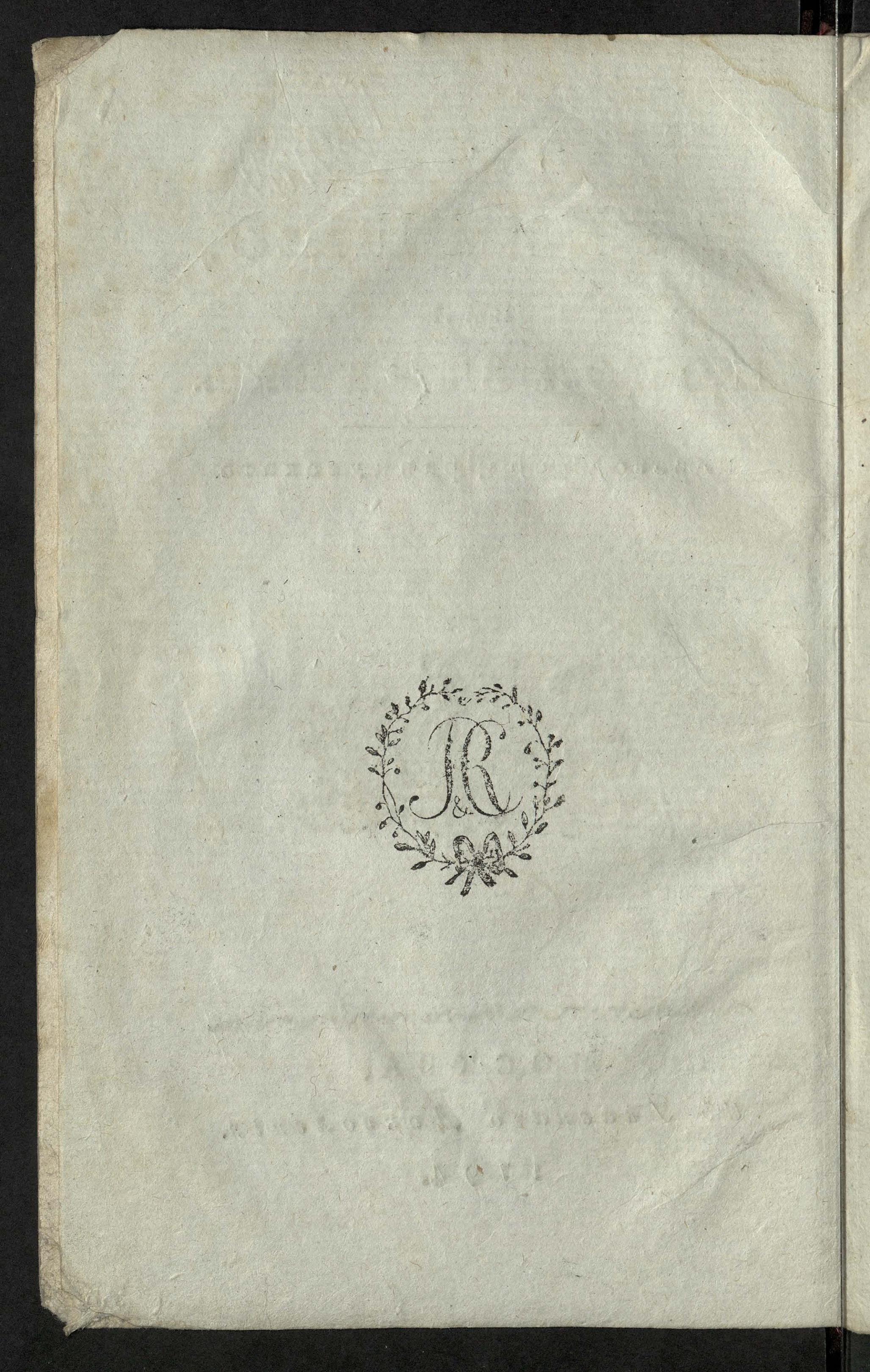
или

НОВОЙ ВЕРТЕРЪ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Съ Указнаго Дозволенія.
1794.

СТЕЛЛИНО
или
НОВОЙ ВЕРТЕРЪ.

Часть Первая.

ПИСЬМО I.

Римъ.

Любезный Фабій!

Завтра отправлюсь я въ Бононію, откуда намѣренъ ѣхать въ Венецію, чтобъ посмотрѣть тамъ славную церемонію, отправляемую при вѣнчаніи Дожа съ Адріатическимъ моремъ. Сожалѣніе, смѣшенное съ тѣмъ удовольствіемъ, которое доставляетъ мнѣ сіе путешествіе, имѣю я только о томъ, что поѣду, не подержавъ ни единой минуты въ объятіяхъ наилучшаго изъ друзей моихъ — Но не должно больше о томъ думать — Ты вознамѣрился препровождать все лѣто въ прекрасномъ

твоемъ уединеніи Тиволи (*). Въ самомъ дѣлѣ, любезный Фабій, я не могу не похвалить сего намѣренія твоего; оно принадлежитъ къ роду упражненія, которому ты всего себя посвятилъ. Ахъ, любезный мой! гдѣ бы ты нашелъ природу столь богатою, столь прекрасною, столь разновидною, столь многими красками расписанною и столь наконецъ свойственною къ начертанію ея точнѣйшими и нѣжнѣйшими кистьми, естьли не на очаровывающихъ берегахъ рѣки Аніо? Увы! для чего она вмѣшала въ плачевной союзъ моихъ органовъ то тайное безпокойствіе, то существованія желаніе, котораго я теперь не имѣю, то суетное и нещастное желаніе, которое меня повсюду преслѣдуетъ и мучитъ

(*) Прежде называлося Тивуръ; сей древній городъ сохраняетъ еще и теперь нѣкоторые остатки древняго своего великолѣпія. Онъ лежитъ въ шести миляхъ отъ Рима. Пороги, которые рѣка Аніо (нынѣ Теверонъ) составляетъ въ низу города, съ великимъ стремленіемъ падая съ вершины горъ, на которыхъ онъ построенъ, дѣлаютъ окружности Италіи весьма пріятными какъ по разновиднымъ картинамъ, представляющимся глазу путешественника, такъ и по прохладѣ разливающейся отъ пріятныхъ водъ ея.

читъ безпрестанно? Фабій! я желаю: но чего я желаю? совсѢмъ того не понимаю. Одно путешествіе доставляетъ сей глупости (ибо это есть глупость) нѢкоторое облегченіе. Сто разъ покушался я искать въ разновидности, бываемой во время путешествія, лѢкарства отъ сей безчувственности, растворяющей мученіемъ дни мои, и приводящей такъ сказать въ омерзѢніе наипріятнѢйшія минуты моего существованія. Но увы! я весьма опасаюсь... — Прощай, любезный Фабій! чрезъ нѢсколько часовъ буду отъ тебя далеко.

ПИСЬМО II.

Терни.

Прекрасной твой портретъ получилъ я въ ту самую минуту, какъ садился въ карету. Любезный Фабій! какое удовольствіе сдѢлалъ мнѢ сей подарокъ! Ты не можешь себѢ его вообразить, да и я бы не могъ столько его тебѢ доставить. Я повѢсилъ его съ великимъ раченіемъ во внутренности кареты передъ собою, чтобы безпрестанно имѢть его предъ моими

глазами, дабы тѣмъ больше утвердить себя противъ безразсудности домашнихъ моихъ. Ты поразителенъ; такъ, это твои черты? Разсматривая ихъ, я узнаю даже и ту пріятную улыбку, съ которою ты подавалъ мнѣ совѣты, кои внушала въ тебя твоя ко мнѣ дружба. Чистое и нѣжнѣйшее чувствованіе! можетъ ли чте нибудь съ твоимъ сравниться? Но увы! то время, когда тебѣ сооружали жертвенники, уже протекло; и ежели бы оно не прошло, тобы надлежало того желать для того единственно, чтобъ совсѣмъ не было видно воспоминающихъ твое имя и изъясняющихъ тайные изгибы твоего сердца!

Мы пріѣхали въ Терни очень рано. Товарищь мой, Агличанинъ, которой любопытство и все вниманіе свое обращаетъ болѣе на игры и пуншъ, нежели на произведенія премудрой Природы (*), просилъ меня отложить путешествіе къ порогамъ до завтрашняго дня. Я

(*) Попрекъ, сдѣланной здѣсь Аглинскимъ путешественникамъ, къ нещастію и справедливъ и доказателенъ. Винкелманнъ Баретти и другіе премногіе то же о семъ говорятъ.

Я на то согласился, только право съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Впрочемъ признаться надобно, что онъ почесться может весьма любезнымъ человѣкомъ, выключая того, что не столько любопытенъ, сколько Г. Беркъ.

ПИСЬМО III.

Терни.

Говорятъ, что такой-то человѣкъ имѣлъ о томъ нѣкоторое предчувствіе. —

Мы теперь идемъ смотрѣть пороги. Идучи по льду, покрывающему гору, откуда падаетъ рѣка, я поскользнулся; нога моя согнулась подо мною, и я, ослабѣвши отъ чрезмѣрной боли, упалъ въ двухъ шагахъ отъ пропасти — Меня по томъ несли даже до подошвы горы, гдѣ лошади наши стояли въ готовности къ отъѣзду. Пришедши въ себя, почувствовалъ я въ колѣнкѣ сильную боль, которая однако, надѣюсь, не воспрепятствуетъ мнѣ продолжать путешествіе.

„Римлянинъ, сказалъ я господину „Беркъ, не сталъ бы продолжать путе-

„ шествія, начавшагося подъ столь не „ щастливыми знаками!„

Сіе путешествіе подало мнѣ случай разсудить о тѣхъ чудесныхъ дѣйствіяхъ воображенія, которыя названы *предчувствіями*. Товарищь мой, человѣкъ совершенныхъ лѣтъ, вспылчивой, и сверьхъ всего сего на морѣ такъ сказать взростшій, едва не выкололъ мнѣ глаза за то, что я вздумалъ спросить его (хотя впрочемъ гораздо менѣе тому вѣрилъ, нежели онъ): „Вѣрилъ ли когда нибудь онъ, „ что сіи роды откровенія возможны?„ Фабій! какъ ты о семъ думаешь? Что до меня касается, то признаюсь, что не очень люблю сихъ такъ называемыхъ сильныхъ умовъ, коихъ вся мудрость ограничивается пересмѣяніемъ вдоль и поперегъ предразсужденій предковъ нашихъ часто бываемыхъ дѣтскими, но нерѣдко и основательными. — Мудрость? но можно ли назвать это мудростію? Увы! любезный Фабій, не во всякомъ ли возрастѣ есть свои сборища, чародѣи и призраки, т. е. глупости? Бѣдные человѣки! сколь вы слѣпы! Вы безпрестанно смѣетесь надъ вашими отцами, не раз-

разсуждая, что ваши чада также вамъ нѣкогда будутъ смѣяться! — Фабій! еще тебѣ скажу, что я столько же не люблю презрителей, сколько и лгуновъ, и признаюсь, что въ юности моей сто разъ слыхалъ отъ бабки моей смѣшныя и глупыя повѣсти такъ однако, что ни однажды не пришло мнѣ на мысль посмѣяться или надъ ними, или надъ разсказательницею ихъ.

ПИСЬМО IV.

Сіена.

Городъ сей въ самомъ дѣлѣ показался мнѣ стоющимъ тѣхъ похвалъ, какія прежде сего я объ немъ слышалъ. Мы пріѣхали въ него около шести часовъ вечера. Ѣдучи подъ вечеръ были сопровождаемы нѣсколько миль толпою пляшущихъ мущинъ и женщинъ, возвращающихся съ полей. Сіе зрѣлище меня весьма поразило. Походъ открылся толпою, состоящею изъ 20 молодыхъ дѣвицъ, коихъ нравы, движеніе и поступки представляли мнѣ живой образецъ столь прославляемой въ древности красоты Аѳинъ и Греціи, когда еще въ первыя времена ихъ

славы, величества и простоты; Герои воздѣлывали землю, а жены ихъ упражнялись въ самыхъ мѣльчайшихъ домашнихъ рукодѣліяхъ. Впереди сея толпы шла одна прекрасная молодая дѣвица, которая будучи легка, какъ вѣтерокъ по видимому ея несшій, съ распущенными по плечамъ власами наподобіе Бахантъ (*), и имѣя глаза одушевленные скорымъ и проворнымъ движеніемъ своего тѣла, плясала при звукѣ барабана, которой держала въ рукахъ между тѣмъ, какъ подруги ея, внимая болѣе словамъ своихъ любовниковъ, нежели сему несогласію звука, несли на главахъ своихъ прекрасныя коробочки сплѣтенныя изъ тростника и наполненныя разныхъ родовъ плодами. — Мы вмѣстѣ съ ними вѣѣхали въ городъ, которой или по самой истиннѣ, или по ложному привидѣнію, показался мнѣ столько прекраснымъ, что я подобнаго ему нигдѣ и никогда еще не видывалъ.

Фабій! я незнаю, имѣлъ ли ты когда нибудь такое же чувствованіе? Сіе

(*) Баханты назывались Бахусовы жрицы, и также тѣ бабы, кои на праздникъ Бахусовъ пьянствовали и бѣсились какъ сумасшедшія.

Сіе можетъ быть почитается глупостію, ребячествомъ, и наконецъ слабостію: однако оно стоитъ моего почтенія.

Часто я замѣчалъ удивительную разность бывающую въ разсказаніяхъ путешествователей. Ты, равно и я вѣдаемъ, сколь много укоризнъ и насмѣшекъ заставляетъ ихъ сносить сіе видимое несходство. Но признаюсь тебѣ, что я не есть изъ числа такихъ ругателей; ибо будучи весьма далекъ отъ того, чтобъ удивляться разности ихъ разсказаній, удивляюсь я напротивъ того тому, какъ они это дѣлаютъ? Путешествователь, старающійся отдавать вѣрной отчетъ въ тѣхъ вещахъ, которыя глаза его поразили, не можетъ ихъ описывать въ другомъ какомъ ни есть видѣ, какъ развѣ въ томъ, въ какомъ онѣ ему представились. Безъ сего повѣсть его, не имѣя никакой остроты, составляющей всю ея пріятность, сдѣлалась бы суха и смѣшна по мѣрѣ той, какъ бы близко подходила къ смѣшной подробности. Я знаю, что великаго требуется искуства избирать точную средину между излишнею сухостію

штиля и чрезмѣрною вольностію въ вѣрности повѣствованія. Фабіи! сей даръ не всѣ люди имѣютъ; все то, что превышаетъ общее понятіе людей, предоставлено однимъ такъ сказать привилегированнымъ умамъ; и мало найдешь такихъ, которые бы такъ, какъ славный Винкелманнъ (*), умѣли разливать въ простѣйшихъ подробностяхъ источникъ чистаго и высокаго краснорѣчія, заставляющаго позабывать трудъ и познанія такія, коихъ должно ожидать отъ тончайшихъ изслѣдованій.

Какъ я отъ солнечнаго зноя и отъ далекаго пути чрезвычайно усталъ: то зашелъ въ кофейной домъ напиться шеколаду, которой, къ щастію мо-

(*) Винкелманнъ есть одинъ изъ славнѣйшихъ древнихъ писателей, какіе только въ то время были. Онъ издалъ въ свѣтъ много сочиненій, кои пріобрѣли ему великую славу. Между прочимъ Исторія его de l'art chéz les anciens (о наукахъ, какія были у древнихъ народовъ) останется вѣчнымъ памятникомъ его ума. Онъ убитъ въ Тріестѣ, на возвратѣ въ свое отечество, Германію, однимъ нищимъ, которой вонзилъ ему въ самое горло кинжалъ въ то самое время, когда онъ искалъ въ мѣшкѣ своемъ старинной камень, и хотѣлъ ему его показать.

моему, нашелъ тутъ столь же хорошимъ, какъ и въ Римѣ, или лучше сказать, какъ въ самомъ Неаполѣ. Содержатель сего дома есть Французъ, недавно пріѣхавшій въ сей городъ. Черты лица его мнѣ съ перваго взгляду очень понравились. Мало найдешь такихъ, которые бы превосходили его въ оныхъ. Онъ привлекаетъ на себя вниманіе каждаго. Однако я изключаю отсюда тѣ грубыя и многокровныя существа, которыя никогда не обращаютъ глазъ своихъ съ учтивостію на неизвѣстнаго имъ человѣка. — Такимъ образомъ (не упоминая о его благосклонности, какую я усмотрѣлъ изъ его обращенія) зачалъ съ нимъ разговариватъ о переселеніи его изъ Франціи въ сей городъ, о щастіи и о супругѣ его; и когда спросилъ: „женатъ ли онъ;„ то покатились изъ глазъ его слезы. Я узналъ, что сіи слова мои тронули въ немъ жилку, которой трясеніе коснулось его сердца. По томъ старался я перемѣнить матерію разговоровъ, но уже поздо. Стучалъ ногою объ полъ, кусалъ губы, качался на стулѣ, однако все сіе никакой перемѣны въ немъ не произвело.

вело. Наконецъ не находя другаго средства къ заглажденію моей неосторожности, кромѣ того, что надобно узнать причину слезъ ліющихся по лицу его, спросилъ его объ оной. Разсказываніе его тотчасъ исторгнуло и изъ моихъ очей слезы. Оно есть слѣдующее: „Какъ скоро, говорилъ
„онъ, женился я на женѣ моей, ко-
„торую обожалъ, то она отъ меня
„бѣжала съ однимъ бѣднымъ чело-
„вѣкомъ, похитя у меня все то,
„что я въ теченіи десяти лѣтъ
„пріобрѣлъ ежедневными и неусыпны-
„ми трудами. Надѣяся ее гдѣ нибудь
„сыскать (ибо не смотря на ея не-
„вѣрность, еще я ее любилъ), сѣлъ
„на корабль съ шестилѣтнимъ моимъ
„сыномъ, поплылъ въ Италію и по-
„селился въ семъ городѣ, гдѣ года
„съ два хотя благополучно жилъ въ
„одномъ скрытомъ мѣстѣ, однако,
„воспоминая объ ней, внутренно тер-
„зался безпрестанно.„ Фабій! признаюсь, что я съ нимъ разстался съ великимъ сожалѣніемъ. Нещастные такъ меня къ себѣ привлекаютъ, что я не могу изобразить того словами. Они производятъ на сердцѣ моемъ такое

же впечатлѣніе, какое видъ почтеннаго старца. И тотъ и другой имѣютъ нужду въ утѣшеніи и помощи, въ которой отказывать, по моему мнѣнію, есть самое варварское дѣло.

ПИСЬМО V.

Сіена.

Здѣсь говорятъ самымъ чистымъ Италіанскимъ языкомъ; особенно женщины имѣютъ столь пріятной и нѣжной голосъ, что тотъ, съ которымъ они разговариваютъ, кажется слушаетъ въ то время гусли ударяемыя перстами искуснаго игрока. Звукъ словъ ихъ проницаетъ даже въ глубину сердца, и возбуждаетъ въ немъ легкое трясеніе доставляющее безъ сомнѣнія болѣе тайнаго удовольствія, нежели того дѣйствія, какое расширеніе его производитъ на органы.

Я ходилъ прогуливаться на гульбище, которое не что иное есть, какъ пространная долина, раздѣленная на многія пріятнѣйшія алеи (дорожки). Въ срединѣ ея сдѣлана одна пресширокая дорога для тѣхъ, кои прогуливаются въ каретахъ (ибо въ Сіенѣ есть

есть кареты). Подъ вечеръ сіе гульбище есть безопаснѣйшее и весьма способное мѣсто для любовниковъ, которые пользуясь темнотою вечера и кривизною алей, ходятъ тайно и изъясняются въ своей страсти такъ, Фабій, что повсюду тогда (какъ случается ночью въ нѣкоторыхъ улицахъ въ Римѣ) слышны одни только или истинныя или ложныя клятвы и обѣщанія въ любви и постоянствѣ. Я завидовалъ ихъ такому щастію, и смотрѣлъ повсюду, не встрѣтится ли и со мною благопріятнѣйшій случай также кому нибудь.... поклясться. Но вотще дѣлалъ я нѣсколько оборотовъ по алеямъ. Ни единая Нимфа не встрѣтилась со мною такая, которая бы потребовала отъ меня жертвы. И такъ принужденъ былъ возвратиться домой на квартиру, проклиная нещастнѣйшій жребій свой, гдѣ нашелъ товарища моего упражняющимся въ опоражниваніи стакановъ съ полпивомъ и пуншемъ, и въ чтеніи какихъ-то старинныхъ вѣдомостей. Онъ съ часу на часъ дожидался меня, чтобъ по томъ продолжать наше путешествіе. Мы сѣли въ карету, и тотчасъ оставили

сей

сей городъ, онъ поя пѣсни, а я воздыхая. Фабій! кто былъ тогда изъ насъ умнѣе?

ПИСЬМО VI.

Бононія.

Любезный Фабій!

Путешествіе наше въ Бононію было щастливо и весьма весело; оно бы еще было веселѣе, естьли бы могъ я уговорить товарища моего остаться на нѣсколько дней во Флоренціи; но всѣ мои прозьбы и старанія были тщетны. — Человѣкъ сей чудной имѣетъ характеръ. *Лишь* только взошелъ въ галлерею великаго Герцога, и нѣсколько разъ по ней взадъ и впередъ прошелъ, то уже и сказалъ мнѣ, „что нашелъ ее не такою, какою „прежде сего ему описывали; что „строеніе не хорошо, картины поставлены не у мѣста, и тысячу другихъ подобныхъ симъ глупостей наговорилъ, кои заставили его сказать по томъ своему слугѣ, чтобъ онъ пошелъ и приготовилъ лошадей. Не могши снести того, что долго съ отвѣтомъ не возвращается, пошелъ за нимъ

нимъ самъ спустя одну только минуту, такъ что никакимъ образомъ не возможно мнѣ было заставить его еще подивиться художественнымъ работамъ достойнымъ безсмертія, коими зала преисполнена. Что до меня касается, то я послѣ него нѣсколько часовъ въ ней пробылъ, а по томъ отправились вмѣстѣ въ Бононію, куда щастливо пріѣхали вчерась. Сей городъ останется точкою нашего свиданія; ибо Г. Беркъ, насытившись познаніями, пріобрѣтенными имъ въ сей странѣ, договаривается теперь съ почталіономъ о цѣнѣ, разговариваетъ съ своимъ слугою и располагается ѣхать на горы, чтобъ, посмотрѣвши ихъ, возвратиться по томъ въ Англію. — Не льзя довольно надивиться той странѣ, въ которой мы теперь живемъ, выключая того, что она преизобилуетъ безчисленными, но весьма нехорошими художественными работами. — Изъ ста Аглинскихъ путешествователей девяносто восемь бываетъ такихъ, которые объѣжжая Европу по почтѣ, вывозятъ съ собою только самое основаніе презрѣнія, которое отъ природы имъ свойственно, совсѣмъ не вѣ-

вѣдая, для какой причины ругаются и насмѣхаются иногда болѣе, иногда менѣе остро и справедливо, смѣшнымъ обыкновеніямъ употребляемымъ какъ во всѣхъ другихъ націяхъ, такъ и у тѣхъ особенно народовъ, гдѣ ихъ употреблять больше всего любятъ.... Я увѣренъ, что во всякой націи есть разумные люди и просвѣщенные Испытатели Природы; а ежели въ которой не нахожу просвѣщенія, тамъ по крайней мѣрѣ сыскиваю разумъ. — Прощай Фабій! въ сію ночь поѣду я въ Венецію, куда надѣюсь пріѣхать въ два дни.

ПИСЬМО VII.

Венеція.

Я думаю, что ты не мало удивлялся моему молчанію; но вѣрь, что я чрезъ всѣ восемь дней пребыванія моего въ Венеціи столь часто былъ, такъ сказать, вытаскиваемъ изъ дому людьми, которымъ былъ рекомендованъ, что признаюсь, никогда еще не случалось мнѣ препровождать такой скучной недѣли. Я уже переступилъ... Это были приглашенія на

обѣды, гульбища и безпрестанные праздники. Въ самомъ дѣлѣ естьли бы я не почувствовалъ нужды принять въ разсужденіи сего другія мѣры, тобы навѣрное ослабъ подъ бременемъ почестей, какія сіи добрые Венеціане намѣревались мнѣ оказать. Богъ знаетъ, когда-то онѣ окончатся. — Впрочемъ я прямо отказался отъ ихъ намѣреній, и вотъ уже другой день, какъ выхожу изъ двора въ такіе только часы, въ которые бываетъ спектакль. По прошествіи праздника, которой продолжался два дни, сяду на корабль и поплыву въ Римъ, или лучше сказать, въ *Тиволи*. Фабій! сказать не можно, какъ я желаю тебя видѣть и прежде всѣхъ имѣть въ объятіяхъ моихъ, равно и провести нѣсколько дней съ тобою въ пріятнѣйшемъ уединеніи твоемъ щастливые дни, когда мы ихъ посвятимъ единственно на пріятности дружбы и труда! — Прощай, я не буду къ тебѣ болѣе писать по крайней мѣрѣ изъ сего города. Впрочемъ могу писать къ тебѣ изъ Бононіи, Флоренціи, или изъ какого нибудь другаго города.

ПИСЬ-

ПИСЬМО VIII.

Венеція.

Надлежитъ сперва сказать тебѣ, что я хотѣлъ было ѣхать отсюда въ Римъ, и что, ахъ Фабіи! она кажется обо мнѣ старается. О небо! когда бы это было въ самомъ дѣлѣ! но къ чему бы мнѣ оно послужило? ибо уже извѣстно, что я долженъ отсюда ѣхать, — что я того хочу — и что сему быть должно непремѣнно — увы! —

Мы были вверьху большаго канала, недалеко отъ того мѣста, гдѣ плавалъ Буцентавръ (*). — Гондолы наши плыли рядомъ; она открыла окошко своей гондолы, и съ намѣреніемъ ли, или отъ удивленія оставила его такимъ навсегда — Я могъ съ нею говорить: я ей сказалъ, что взоръ ея показался мнѣ гордымъ. Фабій! какъ я обманулся; ибо въ самомъ дѣлѣ не иначе думалъ о томъ, что около меня происходило, какъ что я находился въ то время въ Пекинѣ или Римѣ. И такъ весьма ма-

(*) Буцентавромъ въ Венеціи называютъ то судно, на которомъ Дожъ вѣнчается съ Адріатическимъ моремъ.

лое имѣя вниманіе на сію церемонію, совсѣмъ почти не примѣтилъ, что я проѣхалъ за нею сто миль. Будучи занятъ мысленно одною ею, не былъ я въ Венеціи — я былъ на небесахъ; душа моя, чувствуя пріятныя впечатлѣнія безподобной красоты ея, терялась съ ними въ тѣхъ невидимыхъ и щастливыхъ странахъ, гдѣ всякой вкушаетъ вѣчное благополучіе. — Она родомъ изъ Англіи. Какой бы смертной былъ не ревнивъ къ толикимъ прелестямъ, и могъ оставить ее на одну минуту! — Ахъ! желалъ бы я обладать подобнымъ ей твореніемъ. — Въ ту самую минуту, какъ церемонія окончилась, гондолы разсыпались по всѣмъ въ городѣ каналамъ. Я нѣсколько времени слѣдовалъ за ея гондолою, наконецъ совсѣмъ потерялъ ея изъ виду, такъ что никакимъ образомъ не могъ ее опять сыскать. Фабій! она удалилась! — Ахъ нещастный! но нѣтъ Фабій, я скоро возторжествую надъ симъ малымъ движеніемъ сердца; малымъ. Любезный другъ! скажи ты мнѣ, почитаешь ли ты его малымъ? — Поѣдемъ: завтра навѣрное выѣду я изъ сего города. — Такъ Фабій! завтра.

ПИСЬ-

ПИСЬМО IX.

Венеція.

Скоро исполнится восемь дней, считая съ того времени, какъ я хотѣлъ отъ нее бѣжать. Но подобно слабому любовнику Армиды, со стыдомъ лобызаю цѣпи наложенныя на меня къ моему спокойствію.

Фабій! сколь непостоянно человѣческое предвидѣніе! сколь тщетны наши намѣренія! сколь слабы наши силы! сколь жестоки мученія! — Я ее видѣлъ въ то время, когда видѣть ее совершенно не надѣялся. — Поклялся было отъ ней убѣгать, но не могъ того сдѣлать — я хотѣлъ изгнать ее изъ моего сердца; но всѣ мои о томъ старанія только лишь умножили во мнѣ любовь къ ней; и я, на щетъ нещастнаго, познаю теперь, что она не вольна погасить тотъ пожирающій меня пламень, которой сама она зажгла во внутренности моего сердца — она вышла за другаго; уже другой, а не я, ее обожаетъ; тотъ можетъ съ нею разговаривать, тотъ можетъ быть есть предметъ ея любви. Небеса! — ахъ желалъ бы я! — но увы чего бы я желалъ? совсѣмъ того

не понимаю. Фабій! одинъ взглядъ ея произвелъ во мнѣ удивительную перемѣну! — На мѣсто природной моей веселости, водворилось во мнѣ вдругъ глупое малодушіе. Съ того времени, какъ глаза мои увидѣли тѣ очи — тѣ нѣжныя и трогательныя очи, которыя кажется сотворены единственно для того, чтобъ внушать сладкое удовольствіе всякому, кто обращаетъ на нихъ свои взоры, и изъ которыхъ течетъ смертоносный ядъ во всѣ мои жилы, съ того, говорю, времени я не есть такой, какой былъ прежде. Спокойствіе и веселость совсѣмъ во мнѣ изчезли. Я всего лишился, лишился безъ возвраты. Небеса! Фабій! когда я, будучи въ горести, говорю самъ въ себѣ: „Она могла быть въ моихъ объ„ятіяхъ, она должна въ нихъ быть;„ и когда — извѣстность противнаго сему представляется въ душѣ моей: тогда чувствую въ сердцѣ моемъ страшное колебаніе ада; тогда примѣчаю въ себѣ ужасныя мученія *Иксіона*, *Сизифа* и *Тантала*, и готовъ бываю окончать нещастное существованіе мое единымъ ударомъ — Но увы! надежда, сіе жестокое и обманчивое боже-

божество, играющее по своему желанію слабостьми сердецъ человѣческихъ, удерживаетъ еще мою руку готовую произвесть сіе дѣйствіе! — Оружіе упадаетъ изъ дрожащей руки моей. Въ то время я, подобно тому нещастнѣйшему, которой оставляетъ сладкій сонъ смягчающій его мученія, пробуждаюсь, такъ сказать, отъ сна смерти, но увы! паки желая погрузиться въ него навсегда.

ПИСЬМО X.

Венеція.

Любезный другъ!

Совѣты твои есть совѣты мудраго человѣка: но чтобъ можно было мнѣ съ ними сообразоваться такъ, какъ ты думаешь, надлежитъ прежде уничтожить ужасное различіе находящееся между человѣкомъ живо чувствующимъ и тѣмъ, которой разсуждаетъ обо всемъ съ хладнокровіемъ.

Естьли бы ты зналъ тотъ день, ту минуту, то мгновеніе и ту наконецъ тысячную частицу мученія, подъ бременемъ котораго мои силы и разумъ ослабѣли, и совсѣмъ почти изне-

немогли: то бы ты сталЪ обо мнѢ сожалѢть, и не обвинялЪ бы меня вЪ нерѢшимости и слабости.

ВпрочемЪ съ того времени, какЪ я кЪ тебѢ пишу сіе письмо, щастіе мое перемѢнилось; но кЪ лучшему или кЪ худому? одно время сіе показать можетЪ. АхЪ! когда бы я имѢлЪ способность проникнуть непремѢняемыя опредѢленія судьбы: тогда бы одно слово и вЪ одно мгновеніе ока окончало мои мученія.

Я, говорю тебѢ, видѢлЪ ее вЪ театрѢ, вЪ публичномЪ мѢстѢ, вЪ собраніи, и вездѢ она была всѢхЪ прекраснѢе; взорЪ ея повсюду приводилЪ меня вЪ такое смущеніе, что я не могу тебѢ изобразить его словами. Но, Фабій! я не имѢю болѢе нужды ее видѢть для того, что она всегда пребываетЪ вЪ моемЪ воображеніи; такЪ, она тамЪ — вЪ моемЪ сердцѢ — предЪ моими глазами, — безпрестанно передо мною — съ того времени, какЪ я ее вЪ другой разЪ увидѢлЪ, начерталЪ ея портретЪ; но это не что иное есть, какЪ скорлупа безЪ ядра ничего нестоющая.

Про-

Прощай, любезный Фабій! удержитъ ли меня сія новая Цирцея хотя на малое время въ семъ городѣ? Однако судя по пріуготовленію къ отъѣзду, надѣюсь здѣсь получить отъ тебя отвѣтъ на сіе письмо.

ПИСЬМО XI.

Венеція.

Я ее видѣлъ; съ нею разговаривалъ: такъ, любезный мой! щастіе мнѣ послужило при семъ случаѣ: я съ нею говорилъ — меня звали на балъ къ Графинѣ Борсели; я съ великимъ трудомъ могъ рѣшиться туда итти — Какъ, Фабій! надлежало ли мнѣ сумнѣваться туда итти? Ахъ! сердце мое не могло ли мнѣ предсказать того щастія, которое меня тамъ ожидало? Наконецъ мнѣ сказываютъ: время итти; я прихожу и первый предметъ, поражающій мои взоры, представилась она — Любезный Фабій! казалось, что небо въ то время отверзлось передо мною, и я долгое время стоялъ неподвиженъ отъ несказаннаго удовольствія и удивленія. Фабій! естьли ты присоединишь къ тому, что происхо-

 дило

дило въ моемъ сердцѣ, естественную мою робость: то легко понять можешь, въ какомъ я тогда находился смущенiи. Но болѣе всего разумъ мой приводило въ заблужденiе то, что я примѣтилъ въ ней притворство, съ каковымъ она часто старалась заводить со мною разговоръ, яко съ такимъ человѣкомъ, которой ей уже извѣстенъ. Въ самомъ дѣлѣ, Фабiй, я ее нашелъ чрезмѣрно.... — Присутствiе мое, казалось, было ей прiятно; по крайней мѣрѣ душа моя, примѣчая малѣйшiя ея поступки и движенiя, и стараясь тайно проникнуть ея душу, примѣтила въ ту минуту надежду ее тронуть.

Собранiе состояло изъ пяти или изъ шести человѣкъ. Въ немъ говорено было о праздникѣ о томъ, какимъ образомъ онъ прошелъ, и о удивительномъ стеченiи чужестранцевъ, коихъ любопытство туда привлекло проч. Она говорила мало, но весьма разумно и остро. Будучи менѣе весела, нежели прочiя женщины составляющiя кампанiю, и которыя большею частiю были Венецiанки, заводила такiе разговоры, кои дышали простотою, прiятно-

ятностію и благопристойностію такою, какой не можно ожидать отъ природныхъ Венеціанокъ. Фабій! ты можетъ быть мнѣ скажешь, что сіе изрядное ея свойство зависитъ отъ всеобщаго характера націи, и что воспитаніе столько же имѣетъ вліянія на свойства Агличанокъ, сколько самая природа и климатъ: однако я не могу не дивиться ей, такъ какъ и видимымъ мною ея свойствамъ пріобрѣтеннымъ отъ обхожденія съ знатными людьми и отъ навыка разсужденія.

Я сѣлъ подлѣ ее и слушалъ въ молчаніи, ни мало не мѣшаясь въ пріятнѣйшіе ея разговоры, которые она имѣла въ защищеніе женщинъ своея страны и въ защищеніе притворства, которымъ всѣ почти вообще ихъ порицаютъ. Изъ числа сихъ порицателей былъ самой Агличанинъ, которой жестоко напалъ на нее словами. Но Фабій! бѣдный Лордъ, во всю жизнь свою ни о чемъ больше не говорившій, какъ только о верховыхъ ѣздахъ, каретахъ и жилетахъ, былъ примѣтнымъ образомъ слабъ въ защищеніи себя отъ такой соперницы его мыслей:

„Сія

„Сія укоризна, Милордъ, прервала
„Лади Петерсбій, приводитъ меня
„тѣмъ въ большее удивленіе, что
„происходитъ она не изъ устъ кого
„нибудь другаго, а изъ твоихъ. Я
„буду отвѣчать тебѣ на то такъ,
„чтобы отмстить моимъ соотече-
„ственницамъ за то безчестіе, какое
„ты имъ нанесъ въ присутствіи та-
„кихъ людей, кои бы могли о томъ
„разсудить и безъ тебя. Милордъ!
„ты безъ сомнѣнія весьма много ѣж-
„жалъ по почтѣ; естьли не хочешь
„въономъ признаться, то всякой
„легко видѣть сіе можетъ изъ кучи
„словъ и странныхъ выраженій, упо-
„требляемыхъ въ твоихъ разгово-
„рахъ. Ахъ Милордъ! находилъ ли
„ты въ какой нибудь странѣ такую
„строгость и такую жестокость, съ
„какою мы въ Англіи были воспита-
„ны? И такъ весьма бы было неспра-
„ведливо, естьли бы кто захотѣлъ
„насъ обличать въ наружной осторож-
„ности; ибо не стараясь защищать
„началъ нашего воспитанія, не ясно
„ли видно, что обыкновеніе наложило
„на насъ сей законъ? И такъ сей
„страхъ мало помалу перемѣняется
„въ

„ въ свойство, и какъ самая веселая,
„ такъ равно и грубая женщина, при-
„ нимаютъ противъ своей воли, и не
„ стараясь къ тому себя принудить,
„ такой видъ, въ какомъ ты ихъ об-
„ виняешь, т. е. будто бы онѣ весьма
„ легко могутъ притворяться.„

Все собранiе, особенно женщины, ко-
ихъ она защищала, держали ея сторону.
Бѣдный Лордъ имѣетъ съ своей сторо-
ны одного только Венгерскаго Капита-
на, которой съ такимъ же успѣхомъ за-
щищался, какъ и онъ самъ. И такъ
не находя другаго средства къ пода-
нiю помощи своему защитнику, смѣшно
и непорядочно произнесшему нѣкото-
рое выраженiе, половину на Нѣмец-
комъ, а другую на Италiянскомъ язы-
кахъ, провозгласилъ наконецъ компа-
нiи: „что онъ получилъ подъ ве-
„ черъ письмо отъ своего интендан-
„ та, которой увѣдомилъ его, что ло-
„ шадь его Малбругъ выиграла на бѣ-
„ гу Аскотскомъ.„ Сiя важная но-
вость вдругъ перемѣнила образъ раз-
говоровъ, которые по томъ въ са-
момъ дѣлѣ стали быть важны. Лордъ,
будучи доволенъ какъ симъ, по его
мнѣнiю, острымъ изреченiемъ, такъ
равно

равно и своею лошадью, обратилъ голову налѣво сдѣлавъ странное кривлянье, сопровождаемое по томъ долговременнымъ зѣваніемъ.

Едва только вышли изъ удивленія причиненнаго смѣшною новостію сего подлинника, какъ нѣкто сказалъ *Лордъ Петерсбій*. Сіе имя произвело во мнѣ такое движеніе, что я съ трудомъ могъ встать со стула и его поздравить. Я чувствовалъ въ то время, что ноги подо мною тряслися. — Что касается до его супруги, то она мгновенно вставши со стула начала говорить о чемъ-то съ одною госпожею. Я стоялъ отъ нее очень далеко. Къ щастію моему *Лордъ* за мною не примѣчалъ ничего; да и большая часть людей вскорѣ послѣ того пришедшихъ очень много благопріятствовали мнѣ къ сокрытію смущенія. Сей человѣкъ весьма ревнивъ къ своей супругѣ. Онъ во время бала не покидалъ ее ни на одну минуту, и глаза его безпрестанно устремлены были на одну ее. Что касается до нее, то она смотрѣла на меня поминутно, и по видимому просила меня не безпокоиться о его подозрѣніяхъ. Какъ! уже ли она отгадала, что

что ея спокойствіе служитъ къ моему спокойствію? О прекрасное твореніе! не опасайся ничего отъ человѣка, ревностно старающагося о твоемъ благополучіи, и жертвующаго для него своею любовію, щастіемъ и самою жизнію — Ахъ Фабій! я весьма опасаюсь, чтобы будущность не пріуготовила мнѣ величайшихъ нещастій.

ПИСЬМО XII.

Венеція.

Любезный Фабій!

Позволь мнѣ пролить слезы въ твое обьятіе, орошающія обьятіе нещастнаго Стеллино. Она уѣхала въ ту самую ночь, въ которую видѣлъ я ее у Графинѣ Борсели. Она уѣхала! она могла уѣхать! вотъ тѣ слова, которыя печаль моя позволяетъ мнѣ только произносить съ извѣстнаго часу. Уже прошло тритцать шесть часовъ, какъ она отъ меня удалилась, и я еще не полетѣлъ въ слѣдъ по стопамъ ея, еще не полетѣлъ... — О небо! ты видишь мое нещастіе, ты и конецъ ему положишь. Она уже

уже весьма далеко будетъ на твердой землѣ (*). Сверьхъ сего кто мнѣ скажетъ, по какой дорогѣ за нею слѣдовать? Но никакое препятствіе, никакая трудность не могутъ удержать меня въ слѣдъ за нею ѣхать. Я отъѣзжаю, слуга мой останется здѣсь, ожидая дальнѣйшихъ отъ меня приказаній. Тебѣ, говорю, Фабій! я отъѣзжаю не взявъ съ собою ничего, кромѣ любезнаго ея изображенія. — Шлюбка, на которой должно мнѣ ѣхать, уже готова. Я приближаюсь къ берегу; смущеніе и нетерпѣливость суть одни мои товарищи — Погода ужасная, по крайней мѣрѣ такою она мнѣ представляется. Кажется, самое море раздѣляетъ со мною колеблющее меня смущеніе. Оно вдали шумитъ, однако я не имѣю надежды быть поглощенъ свирѣпыми ея волнами — Какъ неправо обьвиняю я небо! оно можетъ быть ведетъ къ лучшему мои намѣренія — ибо кто лучше его можетъ знать то, при какой находится точкѣ нещастіе и печаль слѣпаго смерт-

(*) Отъ Венеціи до Фучины, небольшаго города Венеціанской Республики, лежащаго на твердой землѣ (sur le continent), 5 миль.

смертнаго? Оно безпрестанно благодѣтельствуетъ и тѣмъ неблагодарнымъ, которые его поносятъ, имѣя весьма слабыя на то причины.

ПИСЬМО XIII.

Фучина.

Нѣтъ, я не имѣлъ намѣренія обвинять небо! Теперь изъ шкюбли выхожу на берегъ, и въ одно мгновеніе прибѣгаю на три или четыре постоялые двора, ища того, откуда они отправились. Наконецъ мнѣ одинъ изъ нихъ указали; приходитъ ко мнѣ заикающаяся и любящая много говорить женщина съ отвѣтами на мои вопросы; она мучитъ меня почти до смерти ровно четыре часа комплементами и прерывающимися словами, и оканчиваетъ тѣмъ, что Лордъ съ супругою проѣхали мимо города, не сказавъ того, куда именно поѣхали. Впрочемъ остается мнѣ послѣдняя еще надежда. Я приказываю отвести меня на почтовой дворъ; тогда былъ уже часъ утра; тамъ я спрашиваю; заклинаю, собираю весь городъ, и узнаю наконецъ, что они поѣхали въ шесть

лошадей. Но по какой дорогѢ? сего еще никто мнѢ сказать не можетЪ. ПочталіонЪ, которой сЪ ними поѢхалЪ, еще не возвратился; я его ожидалЪ часЪ и другой; наконецЪ не дождавшись и вышедши изЪ терпѢнія, потребовалЪ кареты, и отЪѢзжаю теперь самЪ не зная куда. — Полагаясь на случай, поѢду вЪ МиланЪ, гдѢ надѢюсь обстоятельнѢе обЪ отЪѢздѢ ихЪ увѢдомиться. Прощай, карета готова, и я горю желаніемЪ поскорѢе выѢхать изЪ сего скучнаго города.

ПИСЬМО XIV.

МиланЪ.

Сто двацать миль переѢхалЪ я меньше, нежели вЪ 20 часовЪ, не останавливаясь притомЪ ни за чѢмЪ, какЪ развѢ для перемѢны лошадей. ПріѢзжаю вЪ МиланЪ; но отЪ сего скораго пути такЪ я усталЪ, что при всей своей нетерпѢливости принужденнымЪ нахожу себя пробыть здѢсь весь завтрешній день. Кровь во мнѢ взволновалась, жилы распухли и артеріи бьются сЪ невѢроятною силою — При выходѢ изЪ кареты хозяй-

зяйка постоялаго двора, показавшаяся мнѣ отъ 30 до 36 лѣтъ, и имѣющая физiогномiю довольно недурную, спросила меня: не былъ ли я боленъ? Какъ я ее за то поблагодарилъ, спрашивая причины сего вопроса: то она мнѣ отвѣчала, что смотря на обыкновенное бiенiе артерiй подумала, что я былъ . . . . не осмѣлилась сказать, ядомъ отравленъ, но замученъ коликою. Ахъ Фабiй! женщина сiя имѣла довольную причину мнѣ оказать сie. — Я дѣйствительно отравленъ — нѣкоторой смертоносный и проницательнѣйшiй ядъ смѣшался съ моею кровiю, и острота его мало помалу угрожаетъ мнѣ истребленiемъ началъ моего существованiя.

Новая моя Аретуза здѣсь не остановилась. И такъ завтра, будучи нетерпѣливъ и столько же нещастливъ, какъ самой Алфей, опять полечу въ слѣдъ по стопамъ ея.

ПИСЬМО XV.

Бононiя.

„Итакъ есть смертные, которые „раждаются къ претерпѣнiю не-

„ щастій „ сказалЪ одинЪ Французскій стихотворецЪ. ТакЪ, Фабій! вЪ самой вещи, есть ихЪ много. Увы! другЪ твой испытываетЪ сіе на себѢ самомЪ. Знаешь ли ты мою судьбу, мое нещастіе, мою звѢзду, подЪ которой родился, или, какЪ тебѢ угодно назвать, того злаго духа, которой меня повсюду преслѢдуетЪ? — Глупая мысль, мысль вселенная самимЪ діаволомЪ, безЪ сомнѢнія она заставила меня проѢхать сто девяносто двѢ мили все понапрасну, понапрасну! Что я говорю! сія медленность, сіе чрезвычайное удаленіе отЪ той дороги, по которой было надобно мнѢ Ѣхать, можетЪ быть лишитЪ меня всей возможности когда либо ее увидѢть, и тогда... — Но начто спѢшить принимать лѢкарство отЪ тѢхЪ трудовЪ и нещастій, какія будущность для меня готовитЪ? Поздо ли, рано ли, только непремѢнно настанетЪ то время, когда надобно будетЪ искать кЪ тому противнѢйшаго лѢкарства.

ПИСЬ-

ПИСЬМО XVI.

Бононія.

Какъ скоро узналъ я объ отъѣздѣ ея изъ Венецiи, то кажется писалъ къ тебѣ, что мнѣ представилось, будто она прямо поѣхала въ *Лондонъ*, и что сіе предувѣреніе побудило меня приказать моему слугѣ, чтобъ онъ перевелъ вѣксель, по которому долженъ я получить деньги въ Венецiи, на *Лондонъ*. О когда бы сія разумная предосторожность сберегла мнѣ хотя одинъ штиверъ къ тому времени, когда я возымѣю въ деньгахъ нужду, будучи въ тѣсныхъ обстоятельствахъ! Впрочемъ я могъ бы прибѣгнуть къ тебѣ, ибо не хочу, чтобъ матушка моя, когда буду просить у ней денегъ, могла подозрѣвать причину столь долгаго моего отсутствія. Въ сію ночь отъѣзжаю въ Туринъ. Въ самомъ дѣлѣ, не возможно, чтобъ она, доѣхавши до средней Италiи, не поѣхала къ Сѣверу.

ПИСЬМО XVII.

Туринъ.

Любезнѣйшій Фабій!

Я теперь подобенъ тому человѣку, которой вдругъ лишился чести, щастія, или любезной супруги. Смущенная душа моя погружена въ мрачную печаль; пріятнѣйшаго чувствія удовольствій я уже болѣе не имѣю. Богъ печали безпрестанно и вездѣ слѣдуетъ за мною въ сопровожденіи воздыханій и слезъ; предшествующая ему нужда возлагаетъ металлическую свою руку на ослабѣвшую главу мою, и вонзаетъ страшные свои пальцы во внутренность стенающаго и насильствіями раздирающагося моего сердца — Всѣ смертные чувствуютъ нѣкоторое облегченіе въ своихъ нещастіяхъ. Кормщикъ, избавившись страха смерти, которою ему вѣроломная стихія, смѣющаяся его слабости, угрожаетъ. Едва приплываетъ въ пристанъ, какъ уже позабываетъ минувшія опасности, заглушаемыя чистосердечными ласками дѣтей своихъ — Путешествователь, странствуя по песчанымъ степямъ въ мрачной Либіи, находитъ наконецъ сладкій источникъ. Онъ за

сіе

сіе благодаритъ небу, спѣшитъ утолить жажду его мучащую, и находитъ конецъ всѣмъ нещастіямъ своимъ въ сей прохладной водѣ, которую пьетъ съ несказаннымъ удовольствіемъ — но меня, увы! неутолимая жажда совсѣмъ пожираетъ, и засохшія послѣ теченія слезъ уста мои никогда ничего не находятъ, кромѣ горестной чаши нещастія.

ПИСЬМО XVIII.

Туринъ.

Наконецъ узналъ я, что она поѣхала въ Англію, куда и я за ней слѣдовать рѣшился, какъ скоро слуга мой сюда пріѣдетъ.

Прощай, Фабій! желаю, чтобъ ты лучше обо мнѣ сожалѣлъ, нежели дѣлалъ столь строгіе выговоры, коихъ весьма опасаюсь. — *Любезный другъ!* не видишь ли ты во мнѣ человѣка, насильственно слѣпою страстію зараженнаго и слѣдующаго безумію, которое жестокость жребія заставило его называть своимъ благополучіемъ? Ахъ! можно ли сыскать такого человѣка, которой бы столько былъ не-

справедливъ, чтобъ сталъ обвинять съ хладнокровіемъ мой поступокъ? Что я сдѣлалъ? какое мое намѣреніе? — Ахъ, нещастный! и ты еще осмѣливаешься себя о томъ спрашивать? и ты не боишься мученій собственной твоей совѣсти? — Увы! весьма справедливо, что угрызеніе совѣсти и страхъ безпрестанно раздираютъ сердце виноватаго человѣка. *Виноватаго?* но вить я еще не виноватъ; я еще могу возвратиться назадъ — могу отстать — отстать отъ тебя, прелестнѣйшая женщина! отъ тебя? — Нѣтъ, Фабій, никогда! — тебѣ говорю, Фабій! *никогда отъ нее не отстану.* Такое намѣреніе было бы опредѣленіемъ моей смерти; еще ли ты станешь мнѣ о томъ совѣтовать?

ПИСЬМО XIX.

Туринъ.

Будучи готовъ оставить, можетъ быть навсегда, блаженное то мѣсто, гдѣ мирно и тихо препровождалъ я юношество, чувствую теперь во внутренности моего сердца смущеніе, коего не думалъ чувствовать, все-

всегда надѣясь увидѣть ту, которая одна въ состояніи заставить меня любить жизнь. — Я такъ слабъ, какъ женщина — О Фабій! ты бы засмѣялся; что я говорю? Ты бы возстеналъ, когда бы меня увидѣлъ, каковъ я теперь; глаза мои опухли отъ слезъ, текущихъ во время ночи, и языкъ махинально произноситъ ея имя въ ту самую минуту, въ которую къ тебѣ пишу сіе письмо. Увы! какъ удивительною кажется теперь мнѣ судьба наша! Человѣкъ раждается со слезами, существуетъ одну минуту, но и ту въ нещастіи, и наконецъ составъ тѣла его разрушается, оставя послѣ себя другихъ нещастныхъ плакать, сожалѣть о его жребіи и позабывать такъ сказать того, которой ихъ оставилъ. Не меньше ли тотъ достоинъ сожалѣнія, коего они оплакиваютъ, нежели они сами? — Однако я всегда возвращаюсь, хотя противъ моей воли, къ мрачнымъ понятіямъ. Прощай, мой любезный! Писалъ я письмо къ моей матушкѣ. Постарайся содержать ее въ томъ еще степени увѣренія, въ какомъ я ее оставилъ, т. е. что я остался въ Венеціи для нѣкоторыхъ

 дѣлъ,

дѣлъ. Побывай у ней, когда тебѣ за благо разсудится; ей извѣстна между нами искренняя дружба; присутствіе твое будетъ для нее, яко ея сына, о которомъ она совсѣмъ не думаетъ, чтобъ онъ, увы! былъ столько нещастливъ.

ПИСЬМО XX.

Парижъ.

Весьма подобенъ я тѣмъ древнимъ рыцарямъ, кои безъ всякой другой причины и намѣренія, какъ чтобы пріобрѣсть славу и найти щастіе, безразсудно оставляли спокойное и мирное свое отечество, и то поражая другихъ, то сами будучи поражаемы мечемъ, повергали свои лавры предъ стопы какой нибудь красавицы, которая, весьма часто случалось, существовала только въ разгоряченномъ мозгу ихъ. — Любезный Фабій! я уже въ Парижѣ, въ томъ городѣ, которой, равно и его великолѣпіе, давно желалъ видѣть; но о которомъ можно теперь сказать то же, что и о Карѳагенѣ, извѣстномъ только по своимъ развалинамъ — Прощай, любезный Фабій!

за-

завтра очень рано отъѣжжаю, чтобъ дышать лучшимъ и чистѣйшимъ воздухомъ..!

ПИСЬМО XXI.

Кале (*) (Кало).

Фабій! чрезъ нѣсколько часовъ Океанъ отдѣлитъ меня отъ земли тобою обитаемой. Я весьма радъ, что знаю тотъ языкъ, безъ употребленія котораго чужестранецъ мало долженъ надѣяться успѣховъ въ такой странѣ, гдѣ все то почитается за маловажное, что до нее не принадлежитъ. Поѣдемъ — уже поздо возвращаться назадъ. Дѣла мои зачаты, и къ отъѣзду ожидаемъ только прилива.

Когда я спрашиваю у самаго себя: какая цѣль моего путешествія и какая надежда: тогда дѣлаюся неподвижнымъ и бываю пораженъ собственною неизвѣстностію. — Фабій! я ѣду посредѣ неизвѣстной мнѣ степи (**) безъ проводника, и не имѣя никакого познанія о дорогѣ; при каждомъ шагѣ

(*) Французской городъ въ Пикардіи.
(**) Степь значитъ здѣсь море.

гдѣ могу заблудиться, не имѣя надежды ее сыскать; при каждомъ шагѣ сокрытая отъ очей моихъ пропасть (*) можетъ разтвориться вдругъ и меня поглотить. — Я не знаю, какой долженъ быть конецъ многотруднаго пути моего; неизвѣстность въ тысячу кратъ мучительнѣйшая, нежели самое зло, слѣдуетъ по моимъ пятамъ и даже смущаетъ, увы! спокойствіе сна моего.

ПИСЬМО XXII.

Во время продолженія пути.

Фабій! письмо сіе пишу къ тебѣ изъ внутренности каюты, гдѣ часа съ два сижу согнувшись, не осмѣляся съ нею завести разговоръ — О Фабій! вѣришь ли ты сему? она здѣсь, здѣсь она! — Естьли бы сія тонинькая дощечка не раздѣлила меня съ нею, тогда бы прекрасная глава ея съ удовольствіемъ покоилась въ моемъ объятіи — Она воздыхаетъ; она плачетъ; я нахожусь подлѣ ее, но не осмѣлива-

(*) Вода морская, которая ему сидящему во внутренности пакетбота не была видна.

ваюсь ... Послушай, любезный другъ! сіе путешествіе опишу я тебѣ нѣсколько яснѣе. Не зналъ я, что за люди были тѣ, кои должны были сѣсть вмѣстѣ со мною на корабль. Глаза мои тогда уже ее примѣтили, когда сошелъ я подъ берегъ — Милордъ вездѣ находился съ нею; опасался быть имъ узнанъ, не смотря на краткость времени и мѣсто, гдѣ онъ меня видѣлъ, накрылъ я голову свою плащемъ и бѣгомъ вбѣжалъ въ каюту, будучи упоенъ любовію, удовольствіемъ и сопровождаемъ страхомъ. Тамъ легъ я на ту кровать, которая сперва со мною встрѣтилась; двѣ минуты спустя послѣ того услышалъ голосъ прекрасной Лади Петерсбій Она по случаю, за которой я благодарю небо, избрала кровать стоящую надъ моею. Едва прошла по томъ одна минута, какъ взошелъ ко мнѣ Лордъ. Онъ обманувшись отдернулъ занавѣсъ моей постели, и почитая меня за свою супругу, сказалъ мнѣ: какъ вы находитесь, любезная Лора? Къ щастію моему языкъ его, будучи мнѣ незнакомъ, перемѣнилъ и мой голосъ: увидѣвъ свою ошибку, онъ передо

мною

мною извинился и пошелъ прочь. Послѣ того любопытный Лордъ спросилъ обо мнѣ Капитана такимъ образомъ: „Откуда тотъ чужестранецъ, „коего я видѣлъ на берегу„? „Онъ „Италіанецъ, „ отвѣтствовалъ Капитанъ. „ „Италіанецъ, вскричалъ Лордъ! „ — „Такъ онъ безъ сомнѣнія музыкантъ? „ и не дожидаяся отвѣта на сіе отъ Капитана, которой узнавши обо мнѣ можетъ быть отъ болтливаго слуги моего, разсказалъ ему слово до слова, кто я такой, возвратился опять ко мнѣ и спросилъ меня по Италіански: „Не боленъ ли „я?„ Не было въ то время никакого мнѣ средства къ избѣжанію того, чтобъ не отвѣчать ему на Италіанскомъ языкѣ. Я его за сіе поблагодарилъ, и чтобъ лучше скрыть собственной мой голосъ, употреблялъ въ словахъ удареніе Неаполитанское. Сей человѣкъ кажется путешествовалъ съ большимъ плодомъ, нежели его соотечественники; ибо съ перваго слова, какъ я ему отвѣчалъ на семъ діалектѣ, спросилъ меня: не бывалъ ли я въ Неаполѣ? Я отвѣчалъ ему, что въ самомъ дѣлѣ тамъ былъ. Послѣ

того скоро примѣтилъ, что сіе притворство мое совсѣмъ не послужило мнѣ въ пользу для того, что онъ совершенно позабылъ, что видѣлъ меня въ Венеціи. И такъ разсуждая, что страхъ съ сей стороны былъ во мнѣ напрасенъ, повысилъ я голосъ во время разговоровъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прекрасная Лора выслушала каждое слово моего романа, и чтобы наконецъ, узнавши меня, могла предостеречь себя отъ своего супруга.

Наконецъ Лордъ вышелъ изъ каюты на бордъ; а скоро по томъ услышалъ я, что и она готовилась итти туда же. Я однимъ взглядомъ обозрѣлъ ихъ кровати; и увѣрившись, что мы одни въ каютахъ, выскочилъ изъ моей, спѣша подать ей руку для вспомоществованія ей къ выходу вонъ. — Удивленіе ея было чрезвычайное. Не давая ей времени говорить, упалъ я предъ ея ногами, начавъ самъ говорить такимъ образомъ: „ О Лора! сжалься надо мною нещастнымъ, котораго волны поглотятъ предъ твоими „ глазами, естьли откажешь ему въ „ любви съ презрѣніемъ. „ Фабій! въ сіе мгновеніе море дало такой ужасной

ной ударъ нашему кораблю, что оно по видимому согласилось со мною умножать страхъ, какой произношеніе мое словъ, мѣсто, смущенной взоръ мой, а особливо угрожающія сіи слова вперили въ нѣжную и чувствительную ея душу — она стояла неподвижна отъ страха и удивленія цѣлую минуту; глаза ея попеременно устремлялись то на меня, то на двери каюты; я лежалъ при ея ногахъ; но тотчасъ отгадавъ причину ея замѣшательства, всталъ и посадилъ подлѣ себя такимъ образомъ, что никто не могъ взойти къ намъ такъ, чтобъ мы прежде его не усмотрѣли. Такая предосторожность показалась ей пріятна. Успокойся, сказала по томъ мнѣ голосомъ въ тысячу кратъ болѣе прерывающимся, нежели мой: „ Ахъ Стел„ лино, продолжала она, испустивъ нѣ„ сколько капель слезъ; чего ты отъ „ меня надѣешься, и что я могу тебѣ „ обѣщать? „ Лишь только хотѣлъ я ей отвѣчать, какъ по топанію ногъ, сдѣлавшемуся на поверхности борда, узнали мы, что находимся уже въ виду Дувра. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ по томъ Лордъ Петерсбій взошелъ въ ка-

каюту, чтобъ взять ее и проводить до лодки, въ которой должны мы были переѣхать на берегъ. Море было весьма мятежно; лодка сильно ударялась о корабль; шумъ, волны, которыя ее туда и сюда покачивали, и даже наполняли хладною и горькою водою, ужасной наводили страхъ женщинѣ. Я первой вскочилъ въ лодку, и прося Лорда ввѣрить мнѣ на одну минуту его супругу, распростеръ свои руки; прижавъ нѣжно сей драгоцѣнный залогъ къ моему трепещущему отъ величайшаго удовольствія сердцу, посадилъ ее въ самое безопасное на лодкѣ мѣсто, на которое по крайней мѣрѣ волны не такъ сильно устремлялись. Тотчасъ сѣлъ съ нами Милордъ, и меня крайне благодарилъ. Фабій! пріемля сей знакъ благодарности, которую я столь мало заслужилъ, почелъ себѣ внутренно за награжденіе — Я смотрѣлъ на Лору, и видѣлъ ее краснѣющеюся. Сей знакъ ея не исцѣлилъ во мнѣ раны. Вѣришь ли ты сему? Фабій! наступила та минута, въ которую я съ нею разстался такъ притомъ, что она не имѣла времени сказать мнѣ, куда поѣдетъ, и я крайне

 без-

безпокоился, что не спросилЪ ее самЪ о томЪ, отЪ чего зависѢло благополучіе и спокойствіе моей жизни. Увы! для чего я не осмѢлился спросить Лорда, которой бы навѢрное мнѢ сказалЪ о томЪ. Благодарность его сдѢлала меня весьма низкимЪ и крайне несмѢлымЪ. — Тогда вЪ первой еще разЪ почувствовалЪ я, сколько-то бываетЪ тотЪ недостаточенЪ и робокЪ, которой вѢдаетЪ за собою какую нибудь вину; ужели никакая мысль не могла меня заставить, чтобЪ взять смѢлость спросить его обЪ ономЪ? — То только я узналЪ, что они будутЪ жить вЪ ДуврѢ, вЪ замкѢ ІоркЪ, и что МилордЪ намѢренЪ Ѣхать туда завтра вЪ десять часовЪ. Я спросилЪ его наконецЪ: хорошЪ ли сей замокЪ, и на отвѢтЪ, что онЪ самой лучшій вЪ городѢ, сказалЪ ему, что и я туда же поѢду.

ПИСЬМО XXIII.

ДуврЪ.

Фабій! нещастные смертные, на которыхЪ природа наложила при самомЪ ихЪ рожденіи строгій законЪ не-

нещастія, походятъ на тѣ Сѣвернѣйшие народы, коихъ солнце освѣщаетъ не всегда, но только нѣсколько дней: подобнымъ образомъ щастіе, такъ какъ солнце, показывается глазамъ ихъ на одну минуту.

Я всталъ въ четыре часа, и разсуждая о томъ, какія должно предпріять далѣе мѣры, ходилъ по горницѣ большими шагами, говоря самому себѣ: „За нею ли слѣдовать, или впе„редъ ее отправиться?„ Неизвѣстность, сомнѣніе и безпокойство представляли мнѣ дорогу весьма трудною. Я видѣлъ причины съ обѣихъ сторонъ равными, которыя утверждали и отрицали равно сіи два предложенія, и окончилъ бы можетъ быть избраніемъ меньшаго добра, естьли бы не увидѣлъ ее, какъ она сѣла въ карету съ своимъ супругомъ, и поѣхали съ невѣроятною скоростію — Будучи погруженъ въ бездну размышленій, упалъ я на стулъ, которой къ щастію моему въ то время стоялъ не далеко отъ меня. Карета сія увезла съ собою то, что мнѣ было любезнѣйшее во всемъ свѣтѣ такъ, что я совершенно не былъ въ состояніи за нею

слѣдовать, и даже знать, куда она поѣхала. Я ослабъ подъ бременемъ сихъ печальныхъ размышленій — вскорѣ по томъ ударилъ меня такой сильной обморокъ, что, думалъ, я умру; собравъ послѣдніи мои силы, потащился, опираясь объ стѣну горницы, къ тому столу, на которомъ вчерась подъ вечеръ оставилъ — любезное изображеніе той, которую лишился надежды опять увидѣть! Но дотащившись до него, не могъ болѣе стоять; ноги подо мною согнулись, и я посколзнувшись немного, упалъ на испещренный полъ, устремивъ глаза свои на прекраснѣйшую *Лору*, которую уста мои еще лобызали — наконецъ *лишился вдругъ* разума, и до тѣхъ поръ находился въ такомъ положеніи, пока мальчикъ не принесъ мнѣ чаю. Онъ, увидѣвъ меня, мгновенно побѣжалъ искать какихъ-то *спиритуозныхъ* солей, коихъ Агличане имѣютъ въ великомъ изобиліи, и такимъ образомъ привелъ меня посредствомъ ихъ въ чувство.

Едва только я опамятовался, какъ взошелъ ко мнѣ слуга *Лади Петерсбій*, которой пожелавъ мнѣ добраго здоровья отъ имени своей госпожи, вру-

чилъ

чилъ мнѣ письмо, и возвратился по томъ назадъ съ такою скоростію, что я не имѣлъ времени дать ему и одной гвинеи. Любезный Фабій! сіе столь драгоцѣнное сердцу моему письмо едва не повергло меня въ прежнее состояніе. При распечатываніи его рука моя дрожала, и не взирая на предосторожность взятую мною для того, чтобъ ближе сѣсть къ окошку, съ трудомъ могъ его прочитать.

Лора Петерсбій Стеллино з. желаетъ.

„Безъ сомнѣнія, весьма я винова„*та*, *Стеллино*, что пишу къ тебѣ „сіе письмо. Но ежели бы тотъ, ко„го я оскорбляю, зналъ невинность „моего сердца: то бы онъ можетъ „быть простилъ мнѣ сію слабость, „которой ты одинъ соотвѣтствовать „въ состояніи — Что ты сдѣлалъ, „безразсудный юноша! и какая могла „бы быть твоя надежда? Ты гово„ришь, что меня любишь; но развѣ „позабылъ, что питать такую въ „себѣ надежду, есть уже преступленіе „обвиняющее меня противъ моего же„ланія? Ты говоришь еще, что меня

 „по-

„почитаешь; но первое дѣло, какое „ты меня заставляешь дѣлать, не „есть ли во зло употреблять, или прикрывать погрѣшность моего супруга? — Бѣги отъ меня, Стеллино; „честь, религія, благопристойность, „непорочность, самая любовь, такъ, „любовь, какую ты имѣешь къ нещастной женщинѣ, немогущей тебѣ „отвѣтствовать на нее, все сіе, говорю, обязываетъ тебя, или лучше „сказать, есть тебѣ законъ. . . — Я „знаю, что ежели бы не полагалась „на благороднѣйшія чувствованія души твоея, то бы безполезно старалась скрывать отъ тебя мѣсто, куда я поѣду съ тѣмъ, съ которымъ „щастіе соединило меня навсегда. „Имя его весьма извѣстно въ Лондонѣ, куда ѣду нарочно для того, чтобы тамъ не столь легко было мнѣ „тебя видѣть. Убѣгай отъ меня, „Стеллино, убѣгай; ты долженъ. . . — „Такъ сему быть должно, увы! вотъ „одна тебѣ отъ меня милость, какую я буду тебѣ дѣлать, когда ты „станешь просить отъ меня ее на имя „твоего и моего спокойствія.„

Лора Петерсбій.

П. П. Фабій! она хочетъ и заклинаетъ, чтобъ я ее убѣгалъ для моего и ея спокойствія! — Но какъ ты думаешь, могу ли я на сіе рѣшиться? — Увы — я не знаю — мнѣ кажется, что сіе письмо ея, столь строгое и съ толикимъ хладнокровіемъ писанное, какое только быть можетъ, заставляетъ вникать въ нѣкоторыя выраженія и въ нѣкоторые извѣстные знаки того пламени, которой она старается потушить, и проч... — Фабій! какъ бы то ни было, только я не хочу ей повиноваться! Кто? я? отъ нее удаляться? — Но увы! представилаль она, что усиліе такое превосходитъ мои силы? — Убѣгать ее! позабыть навсегда? — отъ одного воображенія зубы у меня трясутся — Нѣтъ, Фабій! не ожидай отъ меня такой слабости! я или преодолѣю гоненія нещастія, или нещастіе обратитъ меня въ ничтожество.

ПИСЬМО XXIV.

Лондонъ.

Такъ я въ лицѣ перемѣнился, что слуга мой съ трудомъ могъ меня

 уз-

узнать; легко статься можетъ, что я поблѣднѣлъ! — Фабій! и ты бы самъ меня не узналъ; щеки впали, цвѣтъ на лицѣ ужасной, глаза завсегда кровавы отъ влажности слезъ, весьма часто изъ нихъ истекающихъ — Естьли бы я былъ въ состоянiи теперь что нибудь дѣлать, то бы начертилъ тебѣ теперешнюю фигуру лица моего, и показалъ бы тебѣ ее для смѣху, или для того, чтобъ ты заплакалъ.

ПИСЬМО XXV.

Лондонъ.

Вчерась видѣлъ я ее въ оперѣ, и съ той минуты я никого, кромѣ ее, не видалъ. Два раза глаза ея на меня устремлялись! Какъ! два раза! жестокая! Въ то время, какъ я своихъ не спускалъ съ нее ни на одну минуту, и какъ уже пришелъ самъ въ себя, примѣтилъ, что они были красны и пламенны по причинѣ безпрестаннаго напряженiя.

ПИСЬ-

ПИСЬМО XXVI.

Лондонъ.

Любезный Фабій!

Ты имѣешь довольную причину сказать мнѣ, что я подобенъ страждущему лихорадкою, которой съ презрѣніемъ отвергаетъ то лѣкарство, помощію коего можетъ выздоровѣть, единственно для того, чтобъ принимать такое, которое должно прекратить дни жизни его. Каждой день увеличиваю зло, медленно угрожающее мнѣ смертію. Всякой, смотря на ревнованіе, съ какимъ я стараюсь сыскать случай ее увидѣть, сказалъ бы, что стараюсь я возбудить силу жестокаго яда, раздирающаго мою грудь. — Часто самъ себѣ говорю: „Слабой че„ловѣкъ! уже ли ты не можешь пре„кратить свои нещастія единымъ „ударомъ?„ Вчерась подъ вечеръ, когда я былъ у одного знакомаго мнѣ молодаго человѣка, и когда онъ на минуту изъ горницы вышелъ, печальная картина моего существованія столь живо представилась мысленнымъ очамъ моимъ, что я, подобно бѣшеному, вдругъ бросившись къ его пистолетамъ, лежавшимъ на столѣ,

взялЪ изЪ нихЪ одинЪ, и приставивЪ ко лбу, изЪ него выстрѣлилЪ. — ДругЪ мой вЪ сію минуту взошелЪ вЪ горницу, и думая, что я зналЪ, что оружія сіи были не заряжены, почелЪ сіе мое дѣйствіе за простую шутку — Я оставилЪ его вЪ сихЪ ложныхЪ мысляхЪ, проклиная внутренно нещастнѣйшій жребій свой.

ПИСЬМО XXVII.

ЛондонЪ.

Фабій! я начинаю вѣрить, что щастіе мнѣ благопріятствуетЪ, и естьли оно продолжится, то по примѣру Овидія, смѣло могу обожать того, коего злословить прежде имѣлЪ, по мнѣнію моему, довольную причину.

Любезный другЪ! вчерась соскучившись стукомЪ каретЪ ЛондонскихЪ, вышелЪ я изЪ города сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ, чтобЪ вЪ него не возвращаться до самой ночи; ноги мои понесли меня кЪ той сторонѣ, гдѣ лежитЪ ГидпаркЪ. Не нужно говорить тебѣ о томЪ, что великолѣпный домЪ Лади Петерсбій находится отЪ онаго не вЪ дальнемЪ разстояніи. КакЪ скоро, иду-

идучи мимо его, подошелЪ я кЪ воротамЪ, то увидѢлЪ, что карета ея остановилась. Тогда было восемь часовЪ утра. По видимому она (*) не для посѢщенія кого нибудь выѢзжала. Считая, что уже все то исполнила, что могла сдѢлать, взошелЪ я вЪ ГидпаркЪ вмѢстѢ того, чтобЪ вытти изЪ Лондона, какЪ было прежде мнѢ желалось, и сіе сдѢлалЪ я весьма хорошо.

Любезный другЪ! ГидпаркЪ сей по справедливости есть самое веселое изЪ извѢстныхЪ мнѢ гульбище. ОнЪ лежитЪ при концѢ города; пространство его нарочито велико, а расположеніе мѢста весьма выгодно для гуляющихЪ вЪ каретахЪ и пѢшкомЪ приходящихЪ туда каждой день отЪ двухЪ до пяти часовЪ. ВЪ сію минуту не видалЪ я еще ничего, что бы мнѢ нравилось.

Прогуливаяся нѢсколько времени, пришелЪ я наконецЪ кЪ одному великолѢпному саду, обнесенному широкимЪ и глубокимЪ рвомЪ. Я обошелЪ его почти кругомЪ вЪ надеждѢ, чтобЪ най-

(*) Т. е. Лора.

найти такое мѣсто, гдѣ бы могъ въ него взойти; и дѣйствительно по томъ примѣтилъ полуотворенную калитку, при которой стоялъ нищій, прося по видимому милостыни у сострадательныхъ людей, входящихъ въ садъ гулять. Я подалъ ему копѣйку; онъ объявилъ мнѣ свое имя и сказалъ, что въ саду всякой можетъ прогуливаться. Едва только я въ него взошелъ, какъ пришло мнѣ на мысль, что я за увѣдомленіе его, безъ всякой о томъ моей прозьбы, а особливо за то, что онъ призналъ во мнѣ, по произношенію словъ, чужестранца, заплатилъ ему мало: чего ради возвратился назадъ, и кромѣ того, что изъ сожалѣнія къ человѣчеству далъ ему прежде, прибавилъ, естьли не обманываюсь, шесть су. Но, любезный другъ! не можешь ты себѣ вообразить, какую онъ мнѣ воздалъ благодарность за сіе небольшое подаяніе! — какими сопроводилъ меня благословеніями! Онъ еще и теперь въ памяти моей хранятся, растворяютъ сердце мое сладостнымъ чувствованіемъ, и безъ сомнѣнія (смѣйся, какъ угодно, простосердечію моему), весьма мно-

го

го способствовали къ благополучію дня сего — Между тѣмъ, Фабій! я не могу смотрѣть безъ тайнаго сердца движенія на сего нещастнаго человѣка, удивившагося тому, что подвигль на милосердіе сердце богатаго человѣка. И такъ противъ моего желанія взошло мнѣ въ голову понятіе обидное тому народу, у котораго часто бываетъ сіе постыдное свидѣтельство бѣдности однихъ и нечувствованія другихъ.

Предавшись размышленіямъ, по случаю сего замѣчанія со мною встрѣтившимся, выбралъ я, совсѣмъ прежде не думая о томъ, самую уединенную въ саду дорожку. Высокія дерева, коихъ посредственная единообразность въ смѣшномъ ихъ разсаживаніи, еще никогда не поражала гордую и вольнодумную голову; одна пріятная дорога, гордо прорѣзныя фигуры, разновидность мѣстоположенія, все сіе, Фабій! столь хорошо благопріятствовало мнѣ строить воздушныя міры, что я до тѣхъ поръ тутъ гулялъ, пока не пришло время выходить вонъ. Едва только успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ къ той самой калиткѣ, посред-

средствомъ которой взошелъ въ садъ, какъ увидѣлъ передъ ногами женскую перчатку по видимому недавно еще потерянную. Я ее поднялъ, и ища глазами ея хозяйку, увидѣлъ наконецъ одну женщину возвращающуюся назадъ какъ бы за тѣмъ, чтобъ сыскать потерянную вещь. И такъ я не имѣлъ нужды спѣшить къ ней на встрѣчу и вручить потерянную перчатку съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ. Когда сія женщина сняла съ лица покрывало: въ то время я отъ удивленія сдѣлался неподвиженъ, потому что узналъ въ ней прекраснѣйшую *Лади Петерсбій* — О Фабій! сіе превосходнѣйшее твореніе, казалось, было живо тронуто удовольствіемъ и замѣшательствомъ, въ какое одинъ взоръ ея меня привелъ. О другъ мой! смотря на меня, и съ благосклонностію слушая, безъ сомнѣнія, странныя выраженія, какія тогда страсть моя въ меня внушала, и изъ которыхъ уста мои произносили одну только половину, два раза краснѣла. — Что я ей говорилъ? совсѣмъ того не помню. Ахъ! какъ я могу привести себѣ на память тотъ часъ, ежели не по-

помню того, о чемъ съ нею въ то время разговаривалъ? — Фабій! Фабій! — ты видишь? — я теперь весьма далекъ отъ того, чтобъ проклинать жребій свой — Она заставила меня себя слушать; она мнѣ сказала: „ что ей весь„ма чувствительно мое угожденіе ея „ желаніямъ, и что она по нуждѣ, „ прибавила къ сему, просила меня, „ убѣгать себя. Болѣе пятнатцати „ дней, присоединила она, бросивъ на „ щастливаго Стеллино взглядъ, напол„ненной любовію и сожалѣніемъ, бо„лѣе пятнатцати дней прошло, какъ „ мы живемъ въ *Лондонѣ*, и сія ми„нута..! — *И сія минута*, прервалъ „ я съ жаромъ, сія минута есть од„на такая, въ которую глаза мои ис„пускали только слезы радости и удо„вольствія. „ Какъ скоро я пересталъ говорить, то она отошедъ въ сторону стала утирать слезы, покатившіяся, подобно градѣ, изъ глазъ ея; послѣ того пожала мою руку съ знакомъ, столь меня тронувшимъ, что я въ одно мгновеніе упалъ къ ея ногамъ. Наконецъ, Фабій! сіе прекрасное твореніе, подобно языческимъ божествамъ, единымъ словомъ исполняющимъ

ющимъ желанія своихъ обожателей, весьма ласково со мною поступала. Она велѣла мнѣ ходить къ ней въ домъ, подъ видомъ какого нибудь купца, увѣривъ притомъ, что супругъ ея не вспомнитъ, что видѣлъ меня у Графини Борсели. Въ добавокъ къ своимъ ласкамъ и моему благополучію, оставила меня подозрѣвать, что сей способъ видѣть ее, столько же ей пріятенъ, какъ и самому мнѣ.

ПИСЬМО XXVIII.

Лондонъ.

Съ сей минуты я перемѣнился. Мѣста, люди, или, лучше сказать, самыя мысли мои переиначились, все глазамъ моимъ представляется въ другомъ видѣ. Фабій! такъ путешествователь, странствующій по горячимъ pескамъ, при солнечномъ знoѣ, въ пустой Аравіи считаетъ себя уже въ царствѣ мертвыхъ, какъ небо, невидимо покровительствуя просящему у него помощи, наконецъ стопы его направляетъ къ Щастливой Аравіи. Когда я, лишенный всякой надежды, хотѣлъ итти въ невыходимый лабиринтъ

ринтъ нещастія: въ то время судьба заставила меня слѣдовать по новой и благовонными цвѣтами усыпанной дорогѣ. Спасительное благовоніе надежды по всѣмъ утомленнымъ членамъ моимъ разлилося, и укрѣпило ослабѣвшія мои силы. Фабій! я сидѣлъ вчерась въ пространной долинѣ, близь тихаго стремленія источника. Тамъ омочивши руки мои въ прохладной и кристалловидной водѣ для омытія поту, выступившаго на челѣ моемъ отъ труда печали, воздѣлъ ихъ къ небу, и принесши ему жертву благодарности за ниспосланіе конца моему путешествію, мало помалу заснулъ въ объятіяхъ надежды удовольствія при журчаніи медленно внизъ стремящейся воды и при пѣніи птицъ пархающихъ туда и сюда.

ПИСЬМО XXIX.

Лондонъ.

Любезный Фабій!

Сколь благополучно препроводилъ я ночь сію! Глаза мои давно не сжимались такъ плотно, и сердце давно не было такъ спокойно, какъ нынѣ

поутру. Какое живительное лѣкарство разлила она по моимъ ранамъ! Я былъ слабъ и удрученъ подъ бременемъ печали; но теперь чувствую въ себѣ новыя силы, и кажется преодолѣваю нещастіе. Какъ человѣкъ, лежавши долгое время на одрѣ болѣзни, когда еще въ первой разъ послѣ оной хочетъ ѣсть, отвѣдываетъ пищу съ величайшимъ удовольствіемъ: подобно и я поднимаю отягченную печалію грудь мою, и дышу съ удовольствіемъ свѣжимъ и самымъ чистымъ утреннимъ воздухомъ — Небо да благословитъ тебя, прекраснѣйшее твореніе, изторгнувшее меня изъ рукъ смерти для того, чтобъ показать предъ моими глазами, поврежденными отъ слезъ, утѣшительную картину щастливой будущности.

Фабій! вотъ уже два дни протекло, какъ сердце мое никакихъ не чувствуетъ безпокойствій; грудь не отягчается вздохами; одни только веселыя мысли увеселяютъ мой сладкій сонъ, и руки не простираются къ жилищу Всевышняго, какъ развѣ для приношенія Ему жертвы благодарности за Его благость! вотъ уже, говорю, два дни,

дни, какъ другъ твой наслаждается совершеннѣйшимъ благополучіемъ, какое только есть въ жизни сей.

ПИСЬМО XXX.

Лондонъ.

Вчерась я пришелъ къ Лорду Петерсбій съ Графомъ С. Собраніе у него было многочисленное. Естественная моя робость, соединившись съ смущеніемъ, причиненнымъ любезною Лади, сдѣлала фигуру мою чрезвычайно смѣшною — Когда мой руководитель представилъ меня Лорду, то сей подошелъ ко мнѣ, и какъ бы почитая за стариннаго знакомца, весьма ласково и честно принялъ. Что касается до прекраснѣйшей Лоры, то не льзя изобразить того словами, о чемъ она мнѣ говорила. Звукъ ея голоса и пріятное помаваніе глазъ доводили меня до такой точки смущенія, что я съ трудомъ могъ сдѣлать обыкновенное привѣтствіе. Къ щастію моему, новопришедшій одинъ гость отвратилъ безразсудное любопытство компаніи смѣющейся, безъ сумнѣнія, моему замѣшательству, и погрузившей меня

 вдругъ

вдругъ въ совершенное и щастливое для меня, и могу сказать, для нее забвенiе.

Когда гости всѣ собрались, то есть, когда пространная зала наполнилась ими такъ, что всѣ мѣста, подобно въ публичномъ театрѣ, были заняты: тогда слуги принесли столъ, на которомъ все нужное къ питью чая находилось. А какъ я еще въ первои разъ былъ за столомъ такого рода, и какъ, сидя очень далеко отъ любезной моей Лади, не могъ видѣть, по причинѣ слабости глазъ моихъ, всѣ ея въ разсужденiи меня поступки: то рѣшился внутренно примѣчать внимательнѣе разные обряды, употребляемые при сей церемонiи.

Слуги, поставивъ столъ передъ хозяйкою дома, отступили нѣсколько на средину круга, описываемаго гостями, и стоя въ молчанiи дожидались, какъ любезная моя Лади приготовитъ чай. Надлежитъ тебѣ знать, что кипящая вода налита была въ пространной и широкой цилиндрѣ, постановленной посредѣ стола, и что нещастная Лади принуждена была во все продолженiе сего времени глотать дымъ,

дымЪ, изЪ оной изходящій, которой соединясь сЪ чрезмѣрною теплотою горницы, равно и сЪ тѣмЪ жаромЪ, какой происходилЪ вЪ залѣ отЪ множества гостей, долженЪ быть особенно для нее весьма скученЪ. Я сердечно обЪ ней сожалѣлЪ, и желалЪ освободить ее отЪ такого труда, отвращаясь всего того, что употребляется при сей церемоніи — КакЪ скоро наливала она чашку, то подходилЪ кЪ столу слуга, поставлялЪ ее на небольшой серебреной подносЪ, и относилЪ кЪ тому, кому она назначалась; такЪ, любезный другЪ, что хотя насЪ было по крайней мѣрѣ около тритцати человѣкЪ, бѣдная Лади должна была исправно знать всѣ наши имена, и что сія ея служба показалась мнѣ игралищемЪ ея памяти и терпѣнія.

Сколь ни смѣшна такая вЪ АглицанахЪ услужливость, однако разумнѣйшіе изЪ нихЪ доказывали мнѣ ея надобность (ибо веселаго они ничего не говорили). „Сіе бываетЪ по той „единственно причинѣ, говорили они, „что такое употребленіе столь же „давно у нихЪ ведется, какЪ и упо„требленіе между простымЪ народомЪ,

 „пить

„ пить изъ одного стакана.„ Но видно они не разсудили того, что народъ имѣетъ побудительною къ тому причиною по крайней мѣрѣ нужду экономіи, а можетъ быть и самое доброжелательство, но дворянство ихъ ничего изъ всего сего въ оправданіе свое привесть не можетъ. Самая лучшая причина, которая можетъ служить въ ихъ пользу, есть та, что знатные люди не вникаютъ въ глупыя свои увеселенія и въ ужасную нечувственность души. Но имъ я скажу: „Ты, „ которому жребій ввѣрилъ плачевной „ даръ высокаго достоинства и неиз„ мѣримаго богатства, оставь хотя „ на одну минуту безразсудную и вред„ ную пышность, въ которую ты по„ гребенъ со дня твоего рожденія, и не „ обвиняя болѣе природу доселѣ еще „ тебѣ неизвѣстную, ищи удоволь„ ствія въ пріятнѣйшихъ и мирныхъ „ поляхъ: тамъ ты можешь ее познать; „ тамъ ты переродишься, тамъ яс„ нѣйшій день блеснетъ въ твои очи, „ безпрестанно ослѣпляемыя слабымъ „ и ложнымъ свѣтомъ, а не тамъ, „ гдѣ душа твоя погружается въ глу„ бокой сонъ, и гдѣ она занимается

„ со-

„собраніями , балами, концертами.
„Не вѣчное отступленіе отъ твоихъ
„забавъ и увеселеній здѣсь тебѣ я
„предлагаю, но только говорю о ихъ
„разнообразіи. А какимъ образомъ
„достигнуть до того, чтобъ могъ
„ты наслаждаться пріятностями по-
„лей, и чтобъ зрѣлище природы мог-
„ло плѣнить твою еще сомнѣніями
„колеблющуюся душу: то оставь ве-
„ликолѣпіе твоихъ чертоговъ, лож-
„ную и въ подражаніе премудрой при-
„родѣ сдѣланную красоту твоихъ са-
„довъ. Слѣдуй за мною въ щастливѣй-
„шую подъ небесами *Италію*; тамъ
„ты найдешь неизчерпаемый источ-
„никъ удовольствія и просвѣщенія,
„которое можешь пріобрѣсть единымъ
„твоимъ размышленіемъ — Посмотри
„на сію рѣку, которая по каменно-
„му слою медленно и величественно
„падаетъ съ несклоняемой вершины
„горы: неопытность твоя, подобная
„тѣмъ удовольствіямъ, какія міръ
„и источникъ безпокойствія тебѣ обѣ-
„щаютъ, смѣло бы повѣрила обман-
„чивой ея тишинѣ; но подойди къ
„краю бездны, которую она сама ма-
„ло помалу ископала, то увидишь

 „ее

„ее падающую съ величайшею быстро-
„тою во глубину — Посмотри на ея
„воды по видимому тихія и без-
„опасныя, соединенныя невѣроятною
„силою, какъ онѣ шумятъ, и стре-
„мяся вонъ изъ своихъ предѣловъ па-
„даютъ въ ужасную сію пропасть и
„навсегда въ ней остаются. — Между
„тѣмъ вышедшая изъ того же источ-
„ника рѣчка, слѣдующая за нею до
„самаго конца бездны, и по томъ
„отъ ней отклоняясь, тихо проте-
„каетъ пространнѣйшую долину, нѣ-
„сколько уже лѣтъ ею орошаемую,
„и наконецъ теряется въ нѣдрѣ зе-
„мли, которую еще и по уничтоже-
„ніи своемъ дѣлаетъ плодоносною.„

Кажется, что я весьма далеко отъ-
ступилъ отъ моего намѣренія, и на-
чинаю краснѣть особенно передъ то-
бою, Фабій, которому извѣстна склон-
ность моя къ философіи. Однако,
любезный другъ, ты знаешь, что я
люблю поблажать сей слабости толь-
ко въ небольшомъ и изъ нѣсколькихъ
друговъ состоящемъ обществѣ; а впро-
чемъ желательно бы было, чтобъ при-
нялись разсматривать страсти чело-
вѣческія, и предписывать лучшія и
на-

надежнѣйшія средства къ истребленію ихъ и приведенію въ лучшее состояніе.

П. П. я распечатываю мое письмо, чтобъ обьявить тебѣ, что *Лордъ* Петерсбій отъѣжжаетъ завтра въ деревню со всею своею фамиліею, и просилъ меня съ нимъ ѣхать для компаніи. Фабій! онъ просилъ меня о томъ съ такимъ усердіемъ, что я хотя и чувствовалъ въ то время нѣкоторой тайной страхъ, раздирающій мою внутренность, однако принужденнымъ себя нашелъ согласиться на его прозьбу. *Любезный* другъ! не почти ты сіе за шутку; клянусь тебѣ, что сердце мое обливалось кровію тогда, когда я давалъ ему на то мое согласіе.

ПИСЬМО XXXI.

Олд-кастлъ.

Уже протекло нѣсколько дней, какъ мы живемъ въ деревнѣ *Лорда* Петерсбія. Справедливо названа она замкомъ; ибо не мало служитъ къ чести ея и то, что прошло болѣе четырехъ вѣковъ отъ ея построенія. Принадлежащія къ ней строенія очень велико-

лѣпны; и ежели бы въ самой вещи возможно было, чтобъ какое нибудь мѣсто, въ которомъ прекрасная Лади не всегда жила, могло также мнѣ понравиться: то бы я ничего не сталъ просить отъ неба, какъ чтобы оно благоволило мнѣ препровождать въ немъ жизнь.

Домъ стоитъ въ срединѣ долины, окруженъ высокими горами, увѣнчанными деревами, которыхъ стволья весьма толсты и кривы, а вершины вмѣстѣ взятыя густы и высоки — Я уже пробѣжалъ все наше теперешнее жилище, т. е. пересмотрѣлъ уже и всѣ его окольности. Впрочемъ что касается до дома, то ни его внутренность, украшенная мебелями въ самомъ новѣйшемъ вкусѣ, ни искусно разсаженной садъ, ни мосты, ни водовороты, ни возобновленные древнїе храмы, ни конюшни, ни псарни, ни садки съ рыбою, въ которыхъ Лордъ вмѣстѣ съ своею бабкою часто забавляется ловлею рыбы, и такимъ образомъ наноситъ скуку всей компанїи, все сїе, говорю, ни мало не привлекаетъ на себя моего вниманїя. Напротивъ того нашелъ я для себя столь уединенное, тем-

темное и столь прекрасное мѣсто, что, могу сказать, природа оставила его нарочно для моего удовольствія, и для того, чтобъ ему завсегда я удивлялся. Это есть хорошо разчищенной лѣсокъ, въ которой однако рѣдко ходятъ люди, живущіе въ замкѣ. Домъ стоитъ при концѣ большаго пруда, которой снабжаетъ его водою, и на которой дщери кухни иногда ходятъ за нею, не останавливаяся однако тамъ никогда. Лѣсокъ простирается почти до самаго берега пруда. Когда я еще въ первой разъ туда пришелъ, то увидѣлъ двухъ молодыхъ козъ, приходившихъ на прудъ пить воду, но, увидя меня, мгновенно удалившихся. Подавшись нѣсколько въ средину лѣса, нашелъ я весьма пріятное мѣстечко, которое по томъ избралъ я мѣстомъ разогнанія моей скуки. Я ходилъ туда всякой день послѣ обѣда, также и въ свободное время подъ вечеръ, когда Петерсбій не принуждалъ меня послѣ ужина играть въ шахматы или въ бильярдъ. Мѣсто сіе самое уединеннѣйшее и окружено густымъ бѣлымъ буковникомъ, закрывающимъ меня отъ глазъ людей

въ

вѣ замкѣ живущихѣ. Нагнутый стволѣ дерева служитѣ мнѣ простымѣ, но чрезвычайно покойнымѣ стуломѣ. Вѣтви его поддерживаютѣ мою книгу, а листвіе ихѣ, откуда то и дѣло слетаютѣ цѣлыми стадами птички, закрываетѣ меня отѣ солнечнаго зноя; ибо лучи солнечные останавливаются на сей колеблющейся и естественной кровлѣ. Вѣ семѣ-то мѣстѣ, Фабій, вѣ семѣ-то темномѣ мѣстѣ часто и сѣ удовольствіемѣ разговариваю сѣ нею хотя сѣ отсутствующею, и скрываю отѣ глазѣ человѣческихѣ тайное чувствованіе болѣе и болѣе раздирающее мое сердце. *Любезный* Фабій! кѣ щастію моему я такимѣ образомѣ избѣгаю насмѣхающагося любопытства тѣхѣ хладнокровныхѣ и жестокосердыхѣ существѣ, коихѣ душа, лишенная всякаго рода сострадательности и жалости, отвергаетѣ несказанное удовольствіе открывать сердце свое горькимѣ слезамѣ нещастной дружбы.

ПИСЬ-

ПИСЬМО XXXII.

Олд-Кастль.

О Фабій! когда я предаюсь мрачнымъ размышленіямъ, безпрестанно обременяющимъ мой заблудшій разумъ, въ то время сія великая истина: „Человѣческое благополучіе состоитъ въ „дѣятельной добродѣтели,„ приходитъ мнѣ на память, и тогда входя въ самаго себя, и бросая свирѣпый взоръ на тотъ конецъ, какой я себѣ предполагаю, вижу.... — Фабій! я ослабѣлъ отъ тайнаго угрызенія собственной моей совѣсти, и пишу къ тебѣ сіе письмо въ горести моего сердца. „*О небо! отними у меня жизнь,* „*которая теперь стала быть мнѣ въ* „тягость, и которую я не могу болѣе продолжать; поелику извѣстно, „что долженъ ее очернить беззаконі„емъ.„ Фабій! я нахожусь предъ ея глазами; но видно такъ угодно правосудію небесъ, чтобъ жизнь виноватаго безпрестанно находилась въ волненіи и сопровождаема была нещастіями и жесточайшими совѣсти угрызеніями.

ПИСЬМО XXXIII.

Олд-Кастль.

Любезный другЪ!

Такъ чтожЪ есть человѣческое сердце? — увы! для чего такЪ бываетЪ, что то, чего оно сЪ жадностію ищетЪ, и что *по видимому* обѣщаетЪ ему величайшее *благополучіе, тотчас*Ъ превращается вЪ источникЪ его горестей? Признаюсь тебѣ, любезный Фабій, никогда существованіе мое не было мнѣ столько тягостно, никогда понятіе и желаніе преобратиться вЪ ничтожество столь часто мнѣ на мысль не приходило, какЪ нынѣ! Сіето одно заставляетЪ меня отрещись поздо ли рано ли отЪ сей *тягостной* для меня жизни. Не давно отдалЪ я все мое имѣніе единственно для того, чтобЪ какЪ нибудь ее увидѣть и поговорить сЪ нею наединѣ; но теперь, хотя лежу при ея ногахЪ, стенаю; грудь моя поднимается и испускаетЪ тяжкіе вздохи. О Фабій! я тебѣ о томЪ повторяю: „что есть человѣческое сердце?„

ПИСЬ-

ПИСЬМО XXXIV.

Олд-Кастлъ.

Безъ сей мысли безпрестанно меня мучащей: „Поздо ли рано ли Лордъ „Петерсбій проникнетъ въ мои мысли, „которыя, увы! повергаютъ меня къ „ея стопамъ; поздо ли, рано ли, дол„жно только непремѣнно ее оставить„ наслаждался бы здѣсь совершеннымъ благополучіемъ. Поздо ли, рано ли..! — Но, о судьба человѣческая! для чего ты стараешься такимъ образомъ пріуготовлять себѣ мученія? для чего ты хочешь предупреждать опредѣленія премудраго Провидѣнія, которое налагаетъ на глаза человѣковъ непроницаемую завѣсу, закрывающую настоящее и будущее? не для чего инаго, какъ чтобы усладить ихъ горесть и не обременять ихъ тяжестію толико воставшихъ противъ ихъ нещастій. Нещастный Стеллино! сдѣлайся, естьли можешь, хотя одинъ разъ въ жизни умнымъ; пріими съ благодарностію ту утѣшительную чашу, которую само небо низпосылаетъ нынѣ жаждущей душѣ твоей; вкушай въ веселіи сердца благополучіе, коимъ ты наслаждаться можешь, и не безпо-

покойся о тѣхъ часахъ, кои еще не пришли.

ПИСЬМО XXXV.

Олд-Кастль.

Здѣсь живетъ извѣстный Г. Нортъ, коего поступки начинаютъ меня безпокоить. Фабій! я примѣчаю, что любовь моя къ ней стала ему подозрительна. — Кажется, что сей человѣкъ, отгадавши причину побудившую меня скрыть, безъ всякой пользы, имя и отечество мое предъ Лордомъ, смѣется сему случаю на мой щетъ. — Вчерась говорилъ онъ о Неаполѣ; и какъ жилъ въ немъ пять или шесть дней, то хитрыми своими вопросами привелъ меня въ величайшее замѣшательство. Онъ говорилъ о дворѣ и городѣ; къ великому удивленію моему не упомянулъ ни объ одномъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я, будучи тамъ, короткое свелъ знакомство. Сверьхъ сего, любезный другъ, его голосъ, ироническіе вздохи, съ которыми онъ предлагалъ мнѣ каждой вопросъ, и которые какъ бы явно говорили: „Мы знаемъ, что онъ больше не будетъ

со-

соотвѣтствовать какъ именно сей, такъ и всѣмъ другимъ„; такъ меня смущали, что Петерсбій, присутствовавшій при нашемъ разговорѣ, не могъ не примѣтить моего замѣшательства. Бѣдная Лади по видимому столько же сожалѣла о семъ, сколько и я самъ. Два раза старалась она прервать слова сего наглаго Норта, и два раза онъ по томъ снова мнѣ дѣлалъ вопросы. По чести сказать, сей негодной человѣкъ находилъ удовольствіе въ слушаніи именъ тѣхъ людей, о которыхъ онъ меня спрашивалъ, и о которыхъ я никогда и ни отъ кого, кромѣ его, не слыхалъ.

Сей нечаянной случай омерзилъ мнѣ навсегда ролю бродяги и лжеца. Любезный другъ! въ добавокъ къ его наглости сказать можно и то, что онъ наконецъ обратилъ разговоры свои прямо на тѣ глупыя басенки, кои всякой путешественникъ, подобной ему, разсказываетъ въ удовольствіе любопытства своихъ слушателей, и извлекая изъ нихъ доказательство на свое предложеніе, разсказалъ намъ слѣдующую басню: „Однажды обѣдая въ „трактирѣ, во Флоренціи, завелъ онъ

„ разговорЪ о томЪ, что видѣлЪ до-
„ стойнаго примѣчанія вЪ Венеціи. ВЪ
„ то время нѣкто чужестранецЪ
„ вдругЪ разговорЪ его перервалЪ, чтобЪ
„ поправить его вЪ томЪ, о чемЪ
„ по мнѣнію его былЪ онЪ столько свѣ-
„ дущь, что предлагалЪ ему биться
„ обЪ закладЪ на сто фунтовЪ стер-
„ линговЪ, нежели уступить, что ска-
„ занное имЪ есть несправедливо; но
„ что будто бы чужестранецЪ, не хотя
„ биться обЪ закладЪ, признался, что
„ онЪ не такЪ вѣрно знаетЪ то дѣ-
„ ло, чтобы могЪ защищать себя
„ столь знатнымЪ закладомЪ, и что
„ онЪ вЪ Венеціи былЪ столько време-
„ ни, сколько потребно для перемѣ-
„ ны лошадей. „

Любезный Фабій! я оставляю на твое разсужденіе то, что сравненіе сіе не клонилось ли на меня? Я былЪ тогда внѣ себя, и ежели бы не было тутЪ прекрасной Лоры, то бы безЪ сомнѣнія отразилЪ ему сіе гораздо лучшимЪ образомЪ. Но одинЪ ея взорЪ заставилЪ меня молчать. О Фабій! никогда еще она столь самовластно надо мною не владычествовала. Сію исторійку, которая вЪ самой вещи ни-

никакого не имѣла ко мнѣ отношенія, окончилъ я, такъ какъ и всѣ прочія, смѣхомъ.

ПИСЬМО XXXVI.

Олд-Кастлъ.

Лордъ Петерсбій есть человѣкъ очень простой и весьма недальняго ума — Я обманулся въ мысляхъ, какія объ немъ возымѣлъ прежде Сіи большіе господа столь свободно и много говорятъ, что приписывая сіе ихъ природѣ, и слушая разговоры ихъ, кои можно принимать на обѣ стороны, легко можно ошибиться и почесть за разумныхъ людей. — Хотя прошло только два или три дни, какъ я сталъ знать его покороче: однако довольно кажется для того, чтобъ узнать свойство и характеръ его сердца и разума, и вотъ что особенно могу объ немъ сказать.

Любезный Фабій! въ городѣ былъ онъ уменъ и сносенъ въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда кто разговариваетъ съ нимъ о вещахъ полезныхъ: но здѣсь, въ вотчинѣ своей, онъ не слушаетъ тѣхъ

 раз-

разговоровъ, кои не относятся къ звѣриной ловлѣ. Ты знаешь, что мнѣ извѣстно только одно имя сеи науки, и что однако я, сколько можно, стараюсь угодить во всемъ на его вкусъ. Чего ради разговоры наши какъ для него, такъ и для меня весьма маловажны. Я предчувствую, что ежели не привыкну убивать, такъ какъ онъ, по сту животныхъ на день, изъ коихъ ни единая не сдѣлала мнѣ никакого зла: то мы скоро съ нимъ поразмолвимъ. И ежели, не упоминая о началахъ моего существованія, найду я довольно бодрости къ исполненію сего дѣиствія: то буду тогда безъ сомнѣнія одно изъ тѣхъ существъ, коему любовь ввѣритъ еще какое нибудь худшее и полезнѣйшее дѣиствіе.

Онъ хочетъ меня выучить, какъ ловить звѣрей, и уже сего дня поутру началъ преподавать мнѣ то, что обыкновенно называется *начальными основаніями*. По чести скажу тебѣ, что я не стараюсь ихъ перенимать; напротивъ того онъ думаетъ, что я имѣю къ тому великую охоту, и ласкалъ меня надеждою, что по прошествіи нѣскольких дней буду

уби-

убивать въ одно утро по 10 животныхъ.

Я уже болѣе теперь чувствителенъ, или, какъ тебѣ угодно назвать, не болѣе слабъ, какъ и кто нибудь другой. Не взирая на уваженіе, какое я отдаю всему, что называется истребленіемъ, по мнѣнію моему, весьма исправно исполняю мою должность, возложенную на меня противъ непріятелей страны моей. Но смотри, Фабій, какъ сердце мое отвращается отъ кроваваго сего удовольствія. Сіе чувствіе столь глубоко вкоренилось въ душѣ моей, что я никогда не могу слушать безъ тайнаго страха разсказываніе *того* человѣка, которой для своего удовольствія умертвилъ слабыя и невинныя существа. Фабій! я довольно разумѣю, и весьма увѣренъ въ томъ, что сіе жестокое и варварское увеселеніе бываетъ безъ всякаго разсужденія; и къ нещастію, весьма часто я знаю, что добродѣтельный и чувствительный отецъ, хватая въ руки оружіе, не говоритъ: „Я надѣюсь сего дня „истребить мирную фамилію, надѣ„юсь лишить жизни дѣтей предъ гла„зами издыхающей ихъ матери, ко-

 „то-

„ торая ихъ столько же любитъ, сколь-
„ ко я люблю своихъ, и которыхъ су-
„ ществованіе столь же драгоцѣнно,
„ какъ и мое, въ глазахъ того, ко-
„ торой не для того насъ сотво-
„ рилъ, чтобъ ихъ такимъ образомъ
„ лишить жизни.„ Желательно, чтобъ
разумъ и истинная Философія, хотя
однажды, озарили своими лучами сіе
заблужденіе достойное наказанія, и
принудили бы людей отрещись отъ
безполезной праздности, покупаемой
кровію премногихъ невинныхъ живот-
ныхъ, убиваемыхъ не для нужды, а
для одного токмо удовольствія и за-
бавы.

ПИСЬМО XXXVII.

Слд-Кастль.

Любезный Фабій!

Сумнѣваюсь и крайне опасаюсь, бу-
детъ ли бѣдная Лали жить щаст-
ливо съ человѣкомъ столько вспыльчи-
вымъ и имѣющимъ нравы совсѣмъ
противные, нежели какіе у ней.

Вчерась взошелъ я въ залу въ ту
самую минуту, когда въ ней происхо-
дила нѣкоторая сцена. Слезы, ко-
то-

торыя она старалась удержать в моемъ присутствіи, дали мнѣ знать, сколь много она претерпѣла отъ его жестокости. Я было сперва не хотѣлъ взойти въ залу, но разсудилъ, что мое пришествіе положитъ конецъ ихъ ссорѣ. О любезный другъ! какъ можетъ сей человѣкъ дѣлать ее нещастною! Какъ онъ осмѣлился такъ скоро позабыть ея слабость и красоту, во зло употребляя право, которое природа и законъ дали ему надъ нею! — Фабій! — Фабій! — онъ болѣе и болѣе становится предъ глазами моими гнуснымъ, и кажется, что я не не буду его ненавидѣть.

ПИСЬМО XXXVIII.

Олд-Кастль.

Она не есть изъ числа тѣхъ существъ, коихъ свойство и характеръ души узнать весьма трудно. Ея прекрасная душа изображается во всѣхъ ея поступкахъ и дѣйствіяхъ. — Слова ея, подобно свѣту разлившемусу по *призмѣ*, представляютъ глазамъ разные оттѣнки чувствованій и страсти ея колеблющей.

ПИСЬМО XXXIX.

Сла-Кастль.

Сего дня поутру Милордъ оставилъ меня свободнымъ, то есть я не имѣлъ удовольствія ходить съ нимъ на охоту; и вотъ какая тому причина:

Вчерась ходили мы на охоту. Едва только прошли двадцать шаговъ по долинѣ, какъ увидѣли зайца, которой пробѣжалъ почти между ногъ моихъ. Петерсбій велѣлъ мнѣ по немъ выстрѣлить. Я сколь ни худо выстрѣлилъ, однако попалъ въ него и ранилъ. По томъ бросивъ ружье на землю, побѣжалъ за нимъ въ слѣдъ. Какъ скоро, догнавши его, хотѣлъ взять въ руки, чтобъ сколько возможно полѣчить его рану: то Петерсбій, толкуя въ разныя стороны сей поступокъ мой, прибѣжалъ ко мнѣ, и своимъ ружьемъ конечно бы постарался довершить смерть сего нещастнаго животнаго, естьли бы я въ то мгновеніе, въ которое онъ хотѣлъ сіе учинить, не удержалъ его руки и не лишилъ его сей жертвы. Возвратившись въ замокъ, онъ не пре-

преминулЪ разсказать всѢмЪ приключившееся. Г. НортЪ какЪ изЪ угожденія ему, такЪ и отЪ радости, что нашелЪ столь хорошій случай посмѢяться на мой щетЪ, поздравилЪ меня первой сЪ симЪ прекраснымЪ поступкомЪ, наименовавЪ его ироническисовершенно *человѢческимЪ*. ОнЪ долгое время надо мною смѢялся, и я ничего ему не отвѢчалЪ. Но наконецЪ видя, что онЪ вЪ шуткахЪ своихЪ сталЪ выступать изЪ границЪ благопристойности, и будучи раздраженЪ, что служу ему игралищемЪ, коротко и сЪ хладнокровіемЪ сказалЪ, устремивЪ глаза прямо на него: „КакЪ угодно, называй сей поступокЪ мой, „только покорно прошу освободить „меня отЪ такихЪ умныхЪ разсужденій.„ ПослѢ того онЪ, сколько впрочемЪ взорЪ мой ни былЪ для него страшенЪ, только повернулся на сторону, давЪ чрезЪ то мнѢ знать, что не примѢчаетЪ важности словЪ моихЪ. — Фабіи! я весьма мало удовольствованЪ за насмѢшки Норта, видя глаза чувствительной Лоры потемненные слезами! — ДрагоцѢнныя слезы!

ПИСЬМО XL.

Олд-Кастль.

Я занимаю здѣсь весьма хорошую комнату въ одномъ флигелѣ замка, въ которомъ къ щастію моему никто не живетъ. И такъ, любезный другъ, когда ее не вижу, то начинаю бѣгать по всѣмъ комнатамъ, хочу, иду, восхожу на верьхъ, схожу внизъ, такъ, Фабій, что когда настанетъ ночь и покроетъ шаръ земной глубокимъ мракомъ: то меня бѣгающаго по длиннымъ коридорамъ почесть можно въ то время за одно изъ тѣхъ духовъ, кои, какъ баснословятъ, въ древнія времена шатались точно въ самую полночь, таща за собою большую цѣпь, которую хотя никто не видывалъ, но всякой слыхалъ стукъ отъ нее происходящій, которой старухамъ крайній наводилъ ужасъ.

Безъ всякихъ шутокъ, мѣсто сіе кажется нарочно для меня сдѣлано. Это есть большія высокія и чрезвычайно темныя комнаты, коихъ все украшеніе, почти подобное тѣмъ, какія употреблялись еще сначала сотворенія міра (что доказываетъ умѣренность и простоту нашихъ предковъ)

ковЪ), состоятЪ вЪ небольшихЪ зеркалахЪ, искусно вставленныхЪ вЪ большія рамы; вЪ нѣсколькихЪ картинахЪ, представляющихЪ ту фамилію, которую добродѣтельные предки наши особенно любили, и наконецЪ вЪ нѣкоторомЪ количествѣ большихЪ креселЪ (хотя не очень искусно сдѣланныхЪ, однако весьма покойныхЪ) тѣхЪ, говорю, креселЪ, коихЪ задняя часть выдалась назадЪ, и которыя имѣютЪ по двѣ ручьки искусно выработанныя, и вЪ такомЪ, Өабій, вкусѣ, вЪ какомЪ сдѣланы креслы у моего дяди, служащія ему послѣ обѣда вмѣсто постели.

Я самЪ ихЪ перенесЪ вЪ мою комнату, и хотя не думаю, чтобЪ кто нибудь могЪ у меня ихЪ отсюда похитить, однако опасаюсь, дабы кому нибудь изЪ слугЪ не пришло на мысль, изЪ зависти сказать, что они остались тутЪ по забвенію, и дабы онЪ вмѣсто ихЪ не далЪ мнѣ другихЪ. Чего ради, когда выхожу изЪ комнаты вонЪ, запираю ее ключемЪ, и оной беру сЪ собою вЪ карманЪ. Весьма умная предосторожность!

Лю-

Любезный Фабій! желалъ бы я, чтобъ ты посмотрѣлъ на меня въ то время, когда я подъ вечеръ, удалившись въ мою комнату, сижу въ большихъ креслахъ съ удовольствіемъ и съ нѣкоторымъ священнымъ благоговѣніемъ къ высочайшему Существу: тогда, о Фабіи! оставляя мрачныя мысли, часто меня занимающія, сердце мое расширяется, и я дышу съ удовольствіемъ здоровымъ и освѣжившимся отъ ночи воздухомъ, вкушая пріятнѣйшее благовоніе луговъ, кои мнѣ видны изъ окошка. — Въ то время, пришедши самъ въ себя, наслаждаюсь къ несказанному моему удовольствію спокойствіемъ; я чувствую тогда, что кровь въ жилахъ моихъ течетъ самая чистѣйшая. Послѣ того предавшись слѣпому, но пріятному воображенію моего ума, такъ сказать, окружаюсь небольшимъ числомъ существъ и вещей споспѣшествовавшихъ и служившихъ прежде къ пріумноженію моего благополучія. — Мысли за мыслями, воспоминанія за воспоминаніями приходятъ въ мою голову. Разумъ летаетъ повсюду и переноситъ меня въ одно мгновеніе изъ средины

сего

сего печальнаго мѣста въ нѣдро моей фамиліи, гдѣ я жилъ наслаждаяся спокойствіемъ и благополучіемъ. Самой простой и почти ничего незначущій случай бываетъ вдругъ по неизъяснимому соединенію нашихъ органовъ началомъ или источникомъ тысящи воспоминаніи столь же сладкихъ, сколько и пріятныхъ въ разговорахъ. — Опрусь ли я рукою на рукоятку сихъ креслъ? тотчасъ привожу себѣ на память тѣ жалобы, кои дядя мой произносилъ каждой день предъ моею матушкою, какъ скоро садился въ свои кресла, которыя очень подобны симъ, которыхъ выпуклость и шероховатость на углахъ причиняли ему несносную боль. — Устремлю ли глаза на величественное свѣтило ночи? тотчасъ, о Фабій! пріятнѣйшее напоминаніе начинаетъ колебать мою внутренность, и сокращая неизмѣримое пространство насъ раздѣляющее, переноситъ меня въ одно мгновеніе ока, къ тебѣ, къ тебѣ, о наилучшій изъ друзей моихъ! — Почти при самыхъ малѣйшихъ случаяхъ тотчасъ привожу себѣ на память тѣ ночныя прогулки, которыя мы съ тобою часто

сто имѣли на берегахъ моря въ томъ единственно намѣреніи, чтобы удивляться неподражаемой картинѣ стихіи то яростной, то тихой и спокойной, и чтобъ посмотрѣть лучи сребровидной луны, по видимому теряющіеся въ зеленовидныхъ волнахъ подобно трости сокрушающейся въ водѣ.

О Фабій! тогда я съ удовольствіемъ напоминаю о тѣхъ пріятнѣйшихъ минутахъ и о тѣхъ полезнѣйшихъ разговорахъ, коими ты посредѣ молчанія и мрака увеселялъ внимательный слухъ мой — Сверьхъ сего мнѣ кажется, что я вижу ту гордую страну, которая *величественно* простираясь къ морскому берегу, описываетъ на немъ естественный амфитеатръ, и наконецъ оканчивается при подошвѣ той славной горы, которая безпрестанно изрыгаетъ огни поздо ли, рано ли, вторичнымъ поглощеніемъ угрожающіе тѣмъ безразсуднымъ человѣкамъ, коимъ еще неизвѣстна участь нещастнаго Геркулана, и кои осмѣлились вторично себѣ построить жилища на развалинахъ сего нещастнаго города. Также я вижу вдали

вдали островъ *Капри* (*), славной прежде по пребыванію и роскошамъ Тиверія, но нынѣ рукою времени столь очищенный, что теперь почитается мѣстомъ увеселенія, и видъ его не дышетъ болѣе страхомъ и ужасомъ. Такъ Платонъ, при мызѣ Суніумъ, близь Минервина храма, училъ своихъ учениковъ, кои слушали его, стоя въ рядъ, съ благоговѣйнымъ молчаніемъ! Такъ и ты преподавалъ мнѣ тамъ великія истины природы и философіи, и предписывалъ простѣйшія правила къ достиженію дѣйствительнаго просвѣщенія и познанія истиннаго добра. Фабій! ты говорилъ: слова твои проницали во глубину моего сердца! Ты говорилъ, другъ же твой тебѣ удивлялся, и благодарилъ внутренно небо за ниспосланіе ему такого руководителя въ неизвѣстномъ пути жизни.

Такимъ образомъ, любезный другъ, самъ съ собою размышляя, стараюсь я произрастить во глубинѣ моего сердца плоды тѣхъ началъ, какія твоя дружба въ меня посѣяла. Но увы! воспоминаніе о тебѣ, мѣшаясь съ вос-

(*) Близь Италіи.

воспоминанiемъ о моей возлюбленной, переноситъ меня къ любви, отнявъ отъ дружбы цѣлую половину жертвы!

ПИСЬМО XLI.

Олд-кастль.

Нѣкоторой случай, нечаянно теперь вышедшiй, разлучитъ меня съ нею можетъ быть навсегда — Дрожащая рука мнѣ измѣняетъ; я не могу обстоятельно тебя о томъ увѣдомить; она отъѣзжаетъ — Мы возвратимся въ Лондонъ, и одинъ только Петерсбiй знаетъ причину столь скораго отъѣзда.

Греки изображали время подъ видомъ острой косы, песочныхъ часовъ, весла, ключа и змѣя грызущаго хвостъ свой: не думаешь ли ты, чтобъ сiя коса довольна была къ означенiю дѣйствiй сего слѣпаго и нечувственнаго Сатурна?

Конецъ первой Части.

СТЕЛЛИНО
или
НОВОЙ ВЕРТЕРЪ.

Часть Вторая.

ПИСЬМО XLII.

Лондонъ.

Фабій! еще блеснулъ мнѣ лучь надежды, или лучше сказать жизни, ибо что есть жизнь безъ надежды? Есть не что иное, какъ орудіе безъ души производящей въ немъ звукъ —

По прибытіи въ Лондонъ, Лордъ оставилъ меня у себя обѣдать. Возвратившись отъ Министра съ веселымъ видомъ, къ которому по возвращеніи его изъ Олд-Кастля приказано ему явиться, объявилъ онъ намъ ту новость, что Король назначилъ его въ Римъ Посланникомъ, и уже далъ от-

пускную грамоту, дабы завтра ѣхать непремѣнно. Къ щастію моему показавшаяся у всѣхъ на лицахъ радость весьма много споспѣшествовала мнѣ къ сокрытію удовольствія, какое я отъ того почувствовалъ, и которое Петерсбій безъ сомнѣнія приписалъ пользѣ, какую я отъ него могу получить. Въ то время былъ я до того восхищенъ, что самому себѣ измѣнилъ, сказалъ ему безъ памяти: „Крайне бы былъ я доволенъ, „естьли бы могъ надѣяться видѣть „васъ у себя въ моемъ домѣ.„ Изъ взора его узналъ я мою ошибку. Однако не позабылъ доложить ему, что хотя родился я въ Неаполѣ, но Римъ почиталъ завсегда моимъ отечествомъ, какъ по тому, что въ немъ жилъ долгое время, такъ и относительно къ разстоянію, въ какомъ мы отъ него пребываемъ. Наконецъ просилъ его взять меня съ собою. Онъ отвѣчалъ мнѣ на сіе со всею искренностію, и далъ знать, что моя компанія доставитъ ему тѣмъ больше удовольствія, чѣмъ скорѣе рѣшусь возвратиться съ нимъ вмѣстѣ въ Италію.

Фа-

Фабій! въ самомъ дѣлѣ приводитъ онъ меня въ великое замѣшательство. Поступки его въ разсужденіи меня уже въ первой разъ заставляютъ меня внутренно краснѣть. Краснѣть? да для чего же? развѣ я виноватъ, что люблю то, что достойно любви? — Нѣтъ, Фабій! я невиноватъ, или по крайней мѣрѣ не есть такой, какимъ смущенная мысль моя заставляетъ меня почитаться. — Правда, я люблю то небесное твореніе, которое судьба отдала въ руки другаго прежде, нежели еще глаза мои поражены были ея прелестями; но вотъ что, любезный другъ: я не нахожу причины винить себя въ томъ; клянусь тебѣ спокойствіемъ совѣсти, что я не долженъ обвинять себя въономъ. — И такъ, Фабій, поставляя все мое благополучіе въ томъ, что люблю, думаю, что сей невинной огнь, коимъ я къ ней пылаю, никогда не перемѣнится въ скотскую страсть, о которой одна мысль занимала бы непорочность души моей.

ПИСЬМО XLIII.

Лондонъ.

Сего дня поутру еще я неизъяснялся передъ ней въ любви. Сіе невинное твореніе, коего душа никогда не знала того, что могла; слушая слова мои, влекущія ее къ преступленію, отворило ко мнѣ внимательной слухъ свой; ибо отвѣтствовала мнѣ съ трогательнѣйшимъ простосердечіемъ: „что она думала обо мнѣ весь„ма неблагосклонно, страшася поня„тія той страсти, которая однако „въ честномъ сердцѣ была только „чувствіемъ столь же нѣжнымъ, сколь„ко и непорочнымъ:„ тогда, о Фабій! восхищенъ будучи отъ радости и любви, позабылъ я самъ себя и обнялъ ее нѣжно въ мои объятія — Послѣ того пришедши самъ въ себя, палъ къ ней въ ноги, прося прощенія сему дерзкому и безразсудному поступку, въ чемъ она мнѣ съ такимъ удовольствіемъ и благосклонностію простила, что я, Фабій, едва опять не повергнулся предъ стопы ея — Къ щастію моему въ ту минуту пришелъ слуга сказать намъ, что карета готова, и... — Прощай, любезный другъ! время

мя

мя позволяетъ мнѣ только сіе сказать тебѣ, что я тебя люблю и буду любить навсегда.

ПИСЬМО XLIV.

Дуверъ.

Фабій! двѣнатцать часовъ сидѣлъ я противъ самой ее, и во все продолженіе сего времени глаза мои были на нее одну устремлены. Нога моя касалась ея ноги; казалось, что самой чистѣйшій воздухъ служилъ моему дыханію, и что воображеніе перенесло меня въ тотъ міръ, которой сама она построила, и сама населила всѣмъ тѣмъ, что могло ее наиболѣе плѣнять. — Пріятное мечтаніе нещастнаго сердца! Увы! о чемъ мы безъ тебя не сожалѣли? Смотря на плачевныя игралища судьбы, мы ничего здѣсь на землѣ такъ ревностно не желаемъ, какъ мечтанія или глупости! Часто въ мірѣ находимъ такихъ нещастныхъ, которые въ самой вещи не глупы, и такихъ глупыхъ, кои въ самой вещи нещастливы.

ПИСЬМО XLV.

Кало.

Хотя мы въ полночь сѣли на корабль въ Дуврѣ: однакожъ ежели бы не было тумана разлившагося въ то время по всему морю, то бы я увидѣлъ ту комнату, гдѣ писалъ къ тебѣ письмо, равно и ту, гдѣ мы вчерась подъ вечеръ ужинали. О Фабій! я никогда не имѣлъ такихъ чувствованій, какія сокрывались во глубинѣ моего сердца во время пути сего. — Море, такъ какъ мое сердце, было тогда тихо; одинъ пріятный сѣверный вѣтерокъ дулъ въ наши парусы, и мы плылы безопасно по хребтамъ вѣроломной стихіи. Сіе зрѣлище не было удивительно тому, которому извѣстны берега морскіе, но страшно казалось нещастному, коему оно угрожало смертію. На мѣсто ужаснаго шума, происходящаго отъ яростныхъ волнъ, разбивающихся о корабль, съ величайшимъ стремленіемъ ударяясь въ его бока, и сокрушаясь съ шумомъ на мѣсто бѣловидной пѣны выходящей изъ ихъ яростныхъ устъ и покрывающей ужасную бездну, отворяющуюся подъ нашими ногами; на мѣсто

сто молніи, коея непріятной для насЪ свѣтЪ представлялЪ ежеминутно картину погибели нашей, и наконецЪ на мѣсто грома, которой раздавшись вЪ поднебесной приближился кЪ намЪ, и подЪ ногами нашими изчезнулЪ, по видимому вЪ томЪ намѣреніи, чтобы истребить души наши, обьятыя страхомЪ и трепетомЪ; на мѣсто всего сего, говорю, открылось намЪ другое прекраснѣйшее и поразительнѣйшее зрѣлище — Сь одной стороны на высотахЪ береговЪ ДуврскихЪ примѣтили мы одинЪ древній замокЪ, построенной ЮліемЪ ЦесаремЪ вЪ то время, когда онЪ еще присоединилЪ Великобританію кЪ процвѣтающей тогда Римской Имперіи, и славной по описанію, какое обЪ немЪ сдѣлалЪ *ШекеспирЪ* вЪ одной своей трагедіи. Оттѣнки лучей серебреной луны бросились вЪ него одною частію пріятнаго и величественнаго свѣта, между тѣмЪ, какЪ другая покрыта была густымЪ мракомЪ благопріятствующимЪ ночнымЪ вранамЪ, кои изЪ внутренности гнѣзда своего, вЪ которомЪ они укрылись отЪ сѣтей охотничьихЪ, и которое имЪ ископало время по причи-

нѣ разрушившейся одной половины древней башенки, заставляли внимать ихъ плачевному и страшному пѣнію; воздухъ, освѣжившійся туманомъ плавающимъ по неподвижной поверхности морской, доносилъ его даже до нашихъ ушей; и сіе печальное пѣніе, соединившись съ тишиною всея природы, повергло душу мою въ пріятную меланхолію.

Милордъ съ Нортомъ сидѣли на палубѣ, а мы противъ ихъ на скамейкѣ, стоящей близъ кормы корабля. Прекрасная Лора положила главу свою на руку, устремивъ взоры на небо. Мы удивлялись тогда красотѣ представлявшагося глазамъ нашимъ зрѣлища. Власы ея покрыты были шапочькою; однако вѣтерокъ, рѣзвяся въ воздухѣ, мало помалу ихъ изъ подъ оной вытащилъ и развѣялъ по ея плечамъ. О Фабій! разговаривая съ нею такимъ образомъ о всемъ томъ, что насъ окружило, душа моя утопала въ несказанномъ удовольствіи, которое я находилъ разсматривая ея душевныя и тѣлесныя качества; такимъ говорю, образомъ, взирая я на нее при сіяніи луны, коея сребреной лучь озарялъ пре-

прекрасное ея лице и уподоблялъ глаза ея двумъ маленькимъ сіяющимъ звѣздочькамъ: ибо очи мои возводилъ я къ тому величественному своду небесъ, которой Божественная десница поставила надъ нами, или лучше сказать вокругъ насъ, а разумъ утопалъ въ источникѣ отвлеченныхъ и между собою несоединенныхъ понятій возбужденныхъ въ душѣ моей симъ позорищемъ. Она говорила мнѣ о тѣхъ безчисленныхъ мірахъ, кои будучи поставлены, подобно и мы въ пространствѣ, обращаются въ ономъ и двигаются безпрестанно въ прямомъ кругѣ, какой начерталъ имъ превѣчный Геометръ, никогда изъ онаго не выступая, и повинуяся премудрымъ и непремѣняемымъ законамъ своего и нашего начальника. Весело было смотрѣть на нее въ то время, когда голосъ ея по природѣ пріятной оживлялся по мѣрѣ той, какъ высокія ея понятія колебали ея душу! — Съ какимъ жаромъ устремляла она глаза свои къ тѣмъ безчисленнымъ маленькимъ мірамъ, коихъ всѣхъ имена старалась привести себѣ на память! Сколь она безпокоилась о состояніи

жителей близь солнца обращающихся планетЪ Меркурія и Венеры: „КакЪ, „сказала она, могутЪ они снести „жарЪ происходящій изЪ сего неизмЪ„римаго очага! Нещастные! сколько я „объ васЪ сожалЪю! Никогда они не „имЪли удовольствія дышать свЪ„жимЪ и здоровымЪ сЪверныЪ возду„хомЪ; густая и горячая атмосфе„ра безЪ сомнЪнія содержитЪ души „ихЪ вЪ нечувствительности и без„престанномЪ изнеможеніи. Никогда „они не покоятся близь прохладнаго „источника осЪняемаго густотою дре„весЪ, вЪ простыхЪ но пріятныхЪ „хижинахЪ, гдЪ живетЪ сЪ удоволь„ствіемЪ какая нибудь небольшая фа„милія невинныхЪ твореній, поста„вляющихЪ все свое благополучіе вЪ „томЪ, чтобЪ любить вЪрное и мир„ное свое семейство, и воспЪвать ве„сну вЪ то время, когда десница из„торгаетЪ ихЪ изЪ объятій тихаго „Морфея, и кои такимЪ образомЪ „проходятЪ вЪ тишинЪ и спокойствіи „сердца щастливой кругЪ блаженнаго „своего существованія.„ — О Фабій! все сіе слушалЪ я сЪ нарочитымЪ вниманіемЪ; грудь моя высоко поднима-

лась

лась отъ вздоховъ, сердце сладостно колебалось, и я удерживалъ дыханіе нарочно для того, чтобъ не позабыть ни единаго слова, которыя румяныя ея уста произносили — Она долгое время говорила о томъ же самомъ, и все, что ни говорила, было для меня новое. Ахъ! я не думаю, чтобъ надутое краснорѣчіе какого нибудь Ритора могло пролить въ сердце мое такой источникъ истины и произвесть въ немъ столь живое впечатлѣніе!

ПИСЬМО XLVI.

Кало.

Все въ ней кажется Ангельское; часто я считалъ ее за небесное твореніе, снизшедшее на землю для благополучія и примѣра тѣмъ, кои ее не знаютъ! — Съ такими превосходными качествами души соединяетъ она столь простую наружность, что достоинство ея въ три краты превосходитъ достоинство насъ смѣшныхъ болвановъ ее окружающихъ. Она подобна тѣмъ безименнымъ медалямъ (anégyraphes), коихъ достоинство и пре-

превосходство работы остаются въ глубочайшемъ забвенiи только до тѣхъ поръ, пока глазъ знатока не оцѣнитъ ихъ надлежащею цѣною, не отдастъ имъ надлежащей чести, и вытащивши изъ грязи, въ какую повергло ихъ незнанiе людей, не выдастъ на удивленiе тѣхъ же самыхъ, которые завсегда бы ихъ презирали, естьли бы не показано было имъ *достоинство* и красота ихъ — О Фабiй! не часто ли встрѣчаются въ свѣтѣ подобныя симъ медали и подобные оцѣнщики? — Безъ сомнѣнiя есть дарованiя, которыя намъ извѣстны, стоющiя того, чтобъ были извѣстны; но можетъ быть *есть и такiя*, которыя бы болѣе стоили того, чтобъ были извѣстны, когда бы ихъ знали; но между тѣмъ ихъ еще .... Въ самомъ дѣлѣ приведи себѣ на память бѣднаго Карто. Сей молодой человѣкъ, родившiйся въ хорошемъ состоянiи, но къ нещастiю возмущенный страстiю къ игрѣ, имѣлъ высокiя дарованiя къ ученiю, которыя лѣта и обрабошыванiе разума довели бы въ послѣдствiи времени до самаго верьху совершенства; но онъ скоро по томъ до-

доведенъ былъ недостаточествомъ просить не помощи, а только покровительства у тѣхъ же самыхъ людей, кои болѣе всѣхъ способствовали къ его паденію, чтобъ они доставили ему посредственную должность въ щетной Канцеляріи, отъ которой бы по крайней мѣрѣ могъ онъ получать самое нужнѣйшее для продолженія своего существованія. Увы, любезный другъ! тебѣ это столько же извѣстно, какъ и мнѣ самому. Сіи презрѣнія достойные человѣки не велѣли его пускать къ себѣ въ домъ, или когда по неосторожности слугъ и доходилъ онъ до нихъ самихъ, однакожъ каменныя ихъ сердца ожесточались еще пуще, боясь сдѣлать помощь сему любви достойному юношѣ. Ты знаешь, что только подумать, къ отказамъ гораздо болѣе поноснымъ, для нихъ самихъ, увы! нежели мучительнымъ для него, присоединять величайшія неудобства препятствующія къ доставленію ему сей должности, есть такая вещь, которая въ тысячу разъ подлѣе, нежели самая ихъ нечувствительность, и которая еще въ сію минуту колеблетъ всѣ мои душевныя способности.

Такъ

Такъ, Фабій! сіи-то самые люди, умножая горесть въ семъ нещастномъ юношѣ, возымѣли такую дерзость или лучше сказать, такую оказали жестокость! — Наконецъ оставивши всѣ сіи безполезныя покушенія, соскучившись людьми, съ коими не могъ, увы! раздѣлять болѣе удовольствія, презирая сіи подлыя существа, стыдяся имѣть ихъ своими друзьями, удалился въ Римъ, гдѣ и жилъ, — сердце мое обливается кровію, когда пишу къ тебѣ сіе объ немъ — гдѣ онъ жилъ, Фабій! то промышляя себѣ насущный хлѣбъ собственными руками, то приводя въ сожалѣніе нѣкоторыя чувствительныя и благородныя души, прося у нихъ милостыни подъ вечеръ въ худомъ плащѣ, яко единственномъ остаткѣ отъ прежняго своего богатства. — Праведный и милосердый Боже! — къ щастію его призирая на его нещастія, положилъ имъ конецъ взявъ у него къ себѣ дыханіе жизни. Онъ умеръ почти тритцати лѣтъ, а жилъ щастливо только шесть ... — Тщетно и поздо смерть его возбудила въ сердцахъ тѣхъ, кои ей благопріятствовали, чувствіе сострадательности.

сти. Предали забвенію его погрѣшности (какъ обыкновенно случается) воспоминанія — одни добродѣтели, нещастія и конецъ его жизни. Между извѣстнѣйшими ему одинъ сыскался такой, которой вспомнивъ привязанность и охоту его къ свободнымъ наукамъ во дни щастія, и надѣясь найти у него какое нибудь сочиненіе, отъ котораго онъ будучи еще живъ, думалъ получить великую пользу, принялъ на себя маску благороднаго сожалѣнія и взялся похоронить его по надлежащему обыкновенію. Чего ради пошелъ въ маленькой его домикъ, и отдавъ послѣдній долгъ ему, сталъ рыться въ бумагахъ его, между которыми и дѣйствительно нашелъ одно весьма полезное сочиненіе. Онъ отнесъ его въ Римъ, гдѣ выдавши въ свѣтъ на свое имя, получилъ за него тысячу чекиновъ. Тотчасъ по томъ стала быть извѣстна исторія сего сочиненія. Прибытокъ вознаградилъ довольно за безчестіе, и сочиненіе мало помалу начало приходить въ большую славу — Къ стыду человѣчества, которое подобно неисправляющемуся юношѣ, безпрестанно наказываемо бываетъ

ваетъ розгами, не дѣлался однако ни лучше, ни умнѣе, случай сей отнесенъ быть можетъ ко многимъ другимъ людямъ.

ПИСЬМО XLVII.

Абевилъ.

При перемѣнѣ лошадей одна изъ сихъ мальчика близко подошедшаго къ ея заднимъ ногамъ такъ больно ударила въ ногу, что онъ упалъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Бѣдная Лади стольло испужалась, что мы думали было раздѣлять наши попеченія съ нею и мальчикомъ. Она выскочила изъ кареты вонъ, подбѣжала къ нему, велѣла отнести его къ аптепарю, которой къ щастію жилъ противъ самаго того мѣста, и перевязала ему сама ногу, намочивъ бинтъ водою смѣшенною съ нѣкоторыми лѣкарствами, весьма полезными для сего случая, повелѣвая ему божественнымъ своимъ голосомъ взять нѣсколько терпѣнія. Фабій! не льзя было мнѣ въ ономъ попрепятствовать, хотя я и предлагалъ ей мои услуги, то есть хотя я и хотѣлъ вмѣсто ее взять

на

на себя столь священную должность, которая однако такъ ей понравилась, что просила меня предоставить исполненіе ея одной ей. Клянусь тебѣ всѣмъ сердцемъ, что я два раза тогда покушался обнять ее въ мои объятія, и отереть чувствительныя слезы орошающія ея ланиты въ присутствіи ея супруга, Норта и проч.... — Однако надлежало было мнѣ поступить здѣсь поумѣреннѣе.

ПИСЬМО XLVIII.

Парижъ.

Она дала ему одинъ луидоръ, и не совѣтуя играть послѣ съ своими товарищами, сѣла въ карету въ сопровожденіи всѣхъ людей, коихъ любопытство, а можетъ быть и удивленіе собрало къ воротамъ аптекаря, при восклицаніи благодарностей и благословеній отъ всѣхъ добромыслящихъ людей, кои непорочность ея сердца еще болѣе сдѣлали нѣжнымъ.

Ангели небесные! вскричалъ я въ восторгѣ чувствія и любви: „Естьли „бы вы снизшли на землю, то бы „повсюду сопровождаемы были стопы

„ваши благодарностію и благослове-
„ніями!, — Фабій! душа моя погрузилась по томъ въ пріятное разсужденіе о семъ небесномъ твореніи. —

ПИСЬМО XLIX.

Парижъ.

Небесное? — Такъ, любезный другъ; клянусь тебѣ, что ежели бы я зналъ другое какое нибудь слово, которое бы лучше и больше выражало то почтеніе, какое она мнѣ внушаетъ: то бы я и его сталъ употреблять, будучи увѣренъ, что чрезъ то ни мало не оскорблю высочайшаго Существа, и ничего бы болѣе не сталъ дѣлать, какъ чтобы приносить чистѣйшую жертву благодарности Его всемогуществу; ибо какъ можно поносить такого художника, которой дѣлами своими превосходитъ всѣхъ прочихъ?

Дни, такимъ образомъ съ нею препровождаемые, написаны на маленькихъ дощечкахъ, яко дни благополучно протекшіе. Сказываютъ, что во Франціи есть такой Орденъ, коего Кавалеры клянутся никогда не снимать ленты, кромѣ что ночью. Естьли это

такъ,

такЪ, то бьюсь обЪ закладЪ, что основатель онаго получилЪ ленту отЪ своей любезной.

ПИСЬМО L.

Марсель.

Уже нѣсколько прошло дней, какЪ мы живемЪ вЪ семЪ городѣ, дожидаясь какого нибудь корабля вЪ Генуу, куда Петерсбій долженЪ немедленно ѣхать для отправленія нѣкоторыхЪ дѣлЪ, относительныхЪ кЪ его посольству, исполненіе коего правительство на него возложило. Но какЪ онЪ по природѣ нетерпѣливЪ, чтобы сіе отсрочиваніе препятствовало продолженію его пути, и поелику самЪ не знаетЪ, что ему вЪ семЪ случаѣ дѣлать, то и спрашиваетЪ у насЪ на то совѣта. КЪ щастію моему будучи не долгое время при дворѣ, научился я, что неправда есть любимая страсть знатныхЪ людей: почему совѣтую ему дожидаться ясной погоды.

ПИСЬМО LI.

Марсель.

Нортъ назначенъ Секретаремъ посольства. Сіе новое достоинство есть для него нѣкоторой родъ лѣстницы, по ступенямъ которой онъ восходитъ, смотря по обстоятельствамъ и людямъ. Признаться надобно, что изъ кучи вымышленныхъ карловъ ни единой столько не любилъ собственной своей заслуги и осанки, какую онъ долженъ показывать предъ проходящими мимо его людьми, какъ онъ.

Ты бы засмѣялся, когда бы посмотрѣлъ, какъ онъ говоритъ о должности новаго своего мѣста, важность котораго, по справедливости сказать, не знаетъ; умеръ бы со смѣху, когда бы посмотрѣлъ, какъ онъ гордо подходитъ къ зеркалу, со всею тою гибкостію, какую имѣетъ человѣкъ лѣтъ дватцати; умеръ бы, говорю, со смѣху, когда бы посмотрѣлъ, какъ важно ходитъ по комнатѣ, поправляя свой воротникъ и манжеты; загнувъ голову назадъ, и кашляя съ видомъ честолюбія, думаетъ, повторяя сіе нѣсколько разъ, что онъ есть важнѣй-

нѣйшій человѣкъ при посольствѣ, и можетъ быть лучшіи во всемъ свѣтѣ. — Фабій! сохрани меня Богъ, чтобъ я когда нибудь сталъ стараться подражать такому подлиннику! Удивляюсь, какимъ образомъ Петерсбій могъ обратить на него вниманіе и поручить ему столь важную должность; по крайней мѣрѣ сдѣлалъ онъ его такимъ для того, чтобъ имѣть всегда при себѣ, что въ дипломатическомъ штилѣ называется имѣть своимъ человѣкомъ. — Увѣряю тебя, любезный другъ, что сей Г. Нортъ ни въ какомъ случаѣ и никогда не могъ бы быть *моимъ*. Увы! здѣшніе Министры дѣлаются глупыми не чрезъ что иное, какъ чрезъ неискуство и неопытность тѣхъ людей, въ руки которыхъ происки и снисхожденіе слѣпо препоручаютъ драгоцѣннѣйшія выгоды, выгоды всея націи. Но я тебѣ говорю политически — Фабій! ты видишь, сколь тѣ бываютъ слабы и неразумны, кои разсуждаютъ о томъ, чего сами не понимаютъ.

ПИСЬМО LII.

Марсель.

Завтра рано поутру отправимся мы въ Генуу. Я право не понимаю, когда и чѣмъ то окончится мое путешествіе. Однако, Фабій, навѣрное могу сказать, что я подобенъ тѣмъ богатѣйшимъ купцамъ, кои сами собою ввѣривъ щастіе кораблю, положивъ на него все свое имѣніе, плаваютъ отъ одного края земли къ другому, чтобъ его или умножить, или всего лишиться, и наконецъ или возвращаются въ свое отечество, или совсѣмъ погибаютъ во глубинѣ морской — Все щастіе мое составляетъ она. Корабль, на которомъ она плыветъ, есть неизвѣстная надежда. Фабій! я на ней основалъ худое строеніе моего благополучія, которое случай можетъ разрушить въ одно мгновеніе ока и повергнуть навсегда въ бездну столь же глубокую, сколь глубока была та, въ которую Богъ Грековъ въ древнія времена низвергъ гордыхъ исполиновъ. О когда бы угодно было небу одного меня въ оную низвергнуть!

ПИСЬ-

ПИСЬМО LIII.

Генуа.

Фабій! какъ могъ ты себѣ вообразить, что сердце друга твоего не тоскуетъ о тебѣ? Друга? друга нещастнаго? какія наименованія! — Но довольно въ разсужденіи сего. Онъ о мнѣ чрезмѣрно сожалѣетъ; я это знаю. Ты отправился; ты уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцовъ въ Мальту, зная, что другъ твои. . . — Но я тебѣ повторяю: перестанемъ о семъ говорить. Прости, поѣжжай благополучно, будь веселъ; старайся о семъ какъ возможно — я оканчиваю здѣсь мои жалобы и слезы, и больше ничего къ нимъ прибавлять не стану; нѣтъ, Фабій! право ничего — совершенно ничего; вотъ и оканчиваю письмо мое по обыкновенію.

Я есмь и проч.

Гіованни Стеллино.

ПИСЬМО LIV.

Генуа.

Любезный другъ! клянусь тебѣ, что я отъ радости, съ какою читалъ твое письмо, писанное объ отъѣздѣ

твоемъ въ Мальту, пропустилъ тѣ строки, гдѣ представлялъ ты мнѣ онаго причины и доказывалъ необходимость. Сколь я безразсуденъ! Ты требуешь отъ меня поощренія къ предпріятію непріятнаго сердцу твоему путешествія, а я посылаю къ тебѣ хладнокровное и насмѣхательное письмо — Прости мнѣ въ *ономъ*, любезный другъ, и обвиняй только мою безразсудность. Прости, потому что такъ быть должно. Но что я говорю? безъ сомнѣнія ты уже близокъ къ тому. О наилучшій изъ друзей моихъ! щастіе весьма много нами играетъ! Ты, коего я надѣялся по возвращеніи въ *отечество обнять* прежде всѣхъ; ты .... — но потерпи, всему есть конецъ. Небо столь хорошее составило лѣкарство отъ нещастій, которыя мы должны претерпѣвать, что естьли слишкомъ его примемъ, вдругъ и навсегда отъ нихъ избавляемся — Я повторяю тебѣ, потерпи, потерпи! День тотъ еще долго не настанетъ, но въ ожиданіи его постараемся быть великодушными и непоколебимыми при нашихъ мѣстахъ.

ПИСЬ-

ПИСЬМО LV.

Генуа.

Я чаю, писалъ къ тебѣ, что посланнику препоручены такія дѣла, кои нѣсколько времени должны его здѣсь удержать. Какъ ему не льзя ходить съ своею супругою ко двору, то мы, Нортъ и я, пользуясь тѣмъ временемъ, когда онъ бываетъ у Дожа, прогуливаемся съ нею по гордому и величественному городу, разсматривая домы, коихъ здѣсь весьма довольно. Сія прогулка завсегда доставляетъ мнѣ облегченіе въ моихъ нещастіяхъ и печали, и пока могу ее видѣть, хотя въ публичномъ, хотя въ какомъ нибудь частномъ мѣстѣ, не стану почитать себя нещастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Сверьхъ сего она бываетъ всегда весела, и имѣетъ несказанное присутствіе духа для отвращенія примѣчаній Норта, которой въ самой вещи (такъ какъ я болѣе и болѣе увѣряюсь) легко бы могъ быть подущенъ Лордомъ, тайно присматривать за нею и за мною. Однако все сіе есть одно только подозрѣніе, безъ всякихъ доказательствъ могущихъ устрашить меня.

Между тѣмъ, Фабій! время умножающее со дня на день во мнѣ любовь къ ней, по видимому уменьшается по мѣрѣ той любви, какую имѣлъ ко мнѣ Петерсбій. Впрочемъ онъ не совсѣмъ ревнивъ: однако крайне опасаюсь, чтобъ не сдѣлался такимъ; ибо я примѣчаю его таковымъ особенно въ то время, когда мы разговариваемъ съ нимъ о его поступкахъ съ супругою, которые, какъ и прежде тебѣ о томъ писалъ, очень жестоки и несправедливы. Въ то время, любезный другъ, чело его наморщивается, глаза ужасно обращаются во лбу, а уста испускаютъ насильственные вздохи изъявляющіе язвительныя насмѣшки и такія понятія, кои онъ еще старается истреблять. — О Фабій! сколько бы онъ въ самомъ дѣлѣ ни любилъ сего Ангельскаго образа, однако бы я совѣтовалъ ему быть къ ней ревнивымъ! Я бы тогда сталъ уважать его страсть тѣмъ болѣе, чѣмъ бы моя была сильнѣе, и удаляяся отъ нее навсегда, изкореняя изъ раздираемаго мученіями сердца моего слабые и безполезные остатки той надежды, которая его доселѣ обманывая успо-

успокоивать не преставала, пошелъ бы въ другой свѣтъ искать спокойствія или смерти. Смерти! увы! будучи удаленъ отъ нее, не могу я ничего найти, кромѣ смерти. — Но онъ ее не любитъ. Нѣтъ, тебѣ я говорю, онъ ее не любитъ. Его ревность есть гордость, а попеченія объ ней не что иное суть, какъ хладнокровныя угожденія. Она одна могла меня въ истиннѣ сего увѣрить, хотя бы его поступки въ разсужденіи ея мнѣ того и не доказывали. Не спрашивай у меня того, какимъ образомъ онъ можетъ ее не любить? О Фабій! какой долженъ быть тотъ человѣкъ, которой избравъ ее своею супругою, открывъ ей свое сердце, и обладавъ всѣми ея прелестями, всѣми — ее не обожаетъ! — Праведное небо! для чего ты ввѣряешъ такое богатство тѣмъ существамъ, кои не знаютъ его цѣны, между тѣмъ какъ я, увы! я бы посвятилъ остатокъ дней моихъ на то, чтобъ одну минуту говорить объ ней въ радости моего сердца: „Она принадлежитъ ко мнѣ, никто кромѣ меня не можетъ имѣть „ее въ своихъ объятіяхъ, нѣжно при-

„жи-

„жимать къ сердцу, и называть сво-
„ею любезною; никто, кромѣ меня, не
„можетъ ее любить, разговаривать
„съ нею и возжигать огнь въ пла-
„менномъ ея сердцѣ; никто кромѣ
„меня„ .... — Милосердое небо! уже
ли я одинъ такой, коего слезы до
тебя не доходятъ, или хотя и дохо-
дятъ, но щастіе твоей твари тебя
не трогаетъ!

Но, Фабій! къ облегченію моей пе-
чали служатъ ли безполезныя сіи при-
зыванія Провидѣнія? безполезныя? Но
естьли бы было справедливо, что они
безполезны, и естьли бы излишество
печали лишило меня сей мысли, тогда
бы, о любезный другъ! что осталось
мнѣ дѣлать, чтобъ могло поддержать
слабыя ноги мои въ семъ многотруд-
номъ, далекомъ, неизвѣстномъ пути,
и гдѣ бы я нашелъ себѣ подпору? —
Нѣтъ, нѣтъ, о милосердое небо! про-
сти моему отчаянію. Я вижу и по-
знаю теперь, что во всѣхъ путяхъ,
по которымъ недовѣдомыя опредѣле-
нія твои заставляютъ насъ слѣдо-
вать, благость твоя умѣла располо-
жить въ разныхъ мѣстахъ роздыхи
(ſtations) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ

мы

мы возобновляли ослабѣвшія отъ печали силы, чтобъ могли отдохнуть, и наконецъ снова начать продолженіе пути нашего, съ новыми силами и при новомъ свѣтѣ, происходящемъ отъ луча надежды.

Любезный другъ! я довольно чувствую теперь то, о чемъ ты мнѣ очень часто напоминалъ, то есть, „что и изъ самаго зла небесное право„судіе извлекаетъ для насъ добро.„ Въ нѣкоторыхъ странахъ видимъ мы ядовитые кусты, растущіе на томъ же самомъ грунтѣ, на какомъ и спасительный антидотъ (*), уничтожающій всю его силу. Сколько мы неправы и глупы, естьли хотимъ благословлять Провидѣніе, бдящее невидимо о всемъ мірѣ, и слѣдовательно и о каждомъ нераздѣлимомъ въ особенности: то откроемъ хотя на одну минуту глаза наши и постыдимся слѣпоты своей. Пари, душа моя, и неси меня на крилахъ ночи среди тихаго ея мрака въ жилище нещастія! Представь глазамъ моимъ едва отворившимся нещаст-

(*) Лѣкарство отъ яду, противоядное лѣкарство.

щастнѣйшаго и наидостойнѣйшаго сожалѣнія; постой, вотъ я его вижу — Это человѣкъ! онъ стеная говоритъ: „Нещастная участь человѣка!„ Кажется, что онъ столько же обремененъ тяжестію лѣтъ, сколько и тяжестію нещастій. Погребенное въ нѣдрѣ земли и заключенное въ мрачной и глубокой темницѣ тѣло его полусгнившее отъ старости лежитъ распростерто на соломенной постели, а глава его на цѣпяхъ. — Сей нещастной старикъ, коего сѣдые власы не могли также избѣгнуть своенравія судьбы, вдругъ по томъ увидѣлъ себя удаленнымъ отъ любезнаго своего семейства заключеннаго въ темницу, подобно онъ, по одному простому подозрѣнію, по одному подозрѣнію такому, коего самое доказательство должно было отвратить мечь правосудія и заградить уста судьѣ готовящемуся произнести гнуснѣйшее опредѣленіе. — Великій Боже! Ты знаешь, что сего отца, сего старца обвиняютъ въ томъ, что онъ слабою и дрожащею рукою ударилъ въ грудь сына, сына ему наилюбезнѣйшаго! — Ты видишь его невинность; но Твое предвидѣніе хо-

четъ оставить вѣчный примѣръ колебанія и страха въ душахъ, чтобъ наказать преступленіе и защитить невинность. Ты попустишь умереть сему старцу; люди будутъ обвинять Твое правосудіе, но никогда не усмотрятъ, что Ты чрезъ сіе влiялъ въ душу его прохладительный бальзамъ надежды и вѣры. Они никогда не догадаются, что жертва непорочной и невинной жизни, которую должны вести какъ всѣ тѣ, кои существуютъ, такъ равно и тѣ, кои существовать имѣютъ, сторицею заплачена будетъ вѣчными наслажденіями, предоставленными Тобою дню правосудія и благости Твоей — Слабые смертные! одинъ изъ васъ нещастной заставляетъ всѣхъ обвинять того, отъ котораго вы имѣете все! Будучи подобны тому червячьку, коего существованіе истребила ваша нога, думаете, что все пропало, потому что вы сами червячьки, и разумъ вашъ въ безпрестанномъ послѣдствіи то печалей, то удовольствій, въ рожденіи и уничтоженіи совершенно не видитъ непремѣннаго плана превѣчнаго Архитектора. Обманывающійся и ограниченный человѣкъ

вѣкъ во злѣ ничего инаго не видитъ, кромѣ только самаго зла. Онъ никогда не вникаетъ во внутренность его и не изслѣдываетъ тайной причины, для чего оно бываетъ; разумный же человѣкъ, вникая въ неисчетныя кучи благъ, коими мы наслаждаемся, не возноситъ столь безразсудно главы своей, не обвиняетъ небо, но напротивъ того повергается предъ стопы его всемогущества, которымъ все движется, и которое онъ не могши понять, въ молчанiи токмо удивляется сей непроницаемой тайнѣ, не осмѣливаясь никогда ее поносить.

ПИСЬМО LVI.

Генуа.

Любезный Фабiй! съ того времени, какъ сiи великiя истины вкоренились въ моемъ сердцѣ, я сталъ гораздо спокойнѣе и похожу на неустрашимаго кормщика, при приближенiи опасности чувствующаго въ себѣ прiумноженiе бодрости; ибо корабль мой можетъ почесться теперь игралищемъ волнъ и вѣтровъ, ударяясь о камень нещастiя, сокрушаясь, подымаясь къ верь-

верьху и опять погружаясь въ волнахъ при глазахъ моихъ; я однако пребываю такимъ, каковъ теперь есть, то есть твердъ и спокоенъ въ своемъ мѣстѣ; а хотя и погибну, то по крайней мѣрѣ не стану обвинять небо и его поносить. Клянусь тебѣ въ истинѣ словъ сихъ — Увы! да не клянемся ничѣмъ; одна минута печали можетъ разрушить то великолѣпнѣйшее зданіе, которое заставила меня соорудить минута радости и спокойствія.

ПИСЬМО LVII.

Римъ.

Я опять узрѣлъ сей городъ давно уже сердцу моему любезной, и отъ котораго удаленіе твое весьма много отняло красоты. Я его опять увидѣлъ, и въ сію минуту переѣхалъ въ ту комнату, гдѣ ты прежде отъѣзда твоего въ Мальту нѣсколько дней жилъ. О любезный другъ! здѣсь всякая мебель, всякой камень и всякое мѣсто вливаетъ въ сердце мое сладостныя напоминанія. Сіе письмо пишу къ тебѣ на томъ самомъ столѣ,

на которомъ и ты нѣкогда ко мнѣ писалъ. Я собралъ нѣсколько твоихъ бумагъ, писанныхъ карандашемъ, которыя теперь у себя храню. На одной изъ оныхъ написано мое имя красными литерами, начертанными по видимому твоимъ сердцемъ, а не рукою. Ахъ! я точно знаю, что ты писалъ его, думая обо мнѣ, и самъ не зная того, что ты писалъ. Подобно и мнѣ часто случается называть тебя по имени во время глубокой ночи, когда о тебѣ думаю! — Бумажку сію я, рачительно и бережно согнувъ, привязалъ близь моего сердца. Такимъ образомъ, любезный Фабій! ношу ее подобно тѣмъ древнимъ людямъ, кои носили на шеяхъ драгоцѣнныя ладанки (emulette), заключающія въ себѣ, по суевѣрному ихъ мнѣнію, такія чудесныя дѣиствія, что будто бы могутъ предохранять ихъ отъ всѣхъ опасностей, отъ всякихъ золъ, и даже отъ самой смерти. Впрочемъ я не дошелъ еще до такой глупости, и клочекъ сей бумажки не что иное у меня значитъ, какъ всегдашній залогъ истиннаго и любезнѣйшаго сердцу моему друга.

Въ Римъ пріѣхали мы почти въ самую полночь. Видъ сего города сдѣлалъ живѣйшее впечатлѣніе въ прелестной Лорѣ. Въ сію минуту, любезный другъ, ощастливленъ я болѣе, нежели въ ту, когда родился въ его нѣдрѣ. Насъ проводили въ Посланничій домъ, гдѣ все было готово къ принятію его. Лора, единственно занимаясь прекрасными мѣстами, кои прежде глаза ея плѣняли, предпочла лучше итти прогуливаться по городу въ сію же самую минуту, нежели чтобъ взять покой, въ которомъ она дѣйствительно имѣла нужду. Петерсбій хотя и оставлялъ меня ночевать съ собою: однако я, примѣтивъ холодной видъ, съ какимъ онъ предлагалъ мнѣ о томъ, только его поблагодарилъ за сіе, сказавъ, что меня ожидаютъ теперь мои родители, и пошелъ отъ него домой, пожелавъ ему спокойной ночи.

Прощай, любезный другъ; отъ великой безсонницы глаза мои противъ воли моей закрываются, и я уже почти заснулъ.

ПИСЬМО LVIII.

Римъ.

Доселѣ пока все хорошо. Петерсбій кажется смотритъ на меня естьли не съ удовольствіемъ, то по крайней мѣрѣ безъ всякой скуки. Нортъ, будучи занятъ дѣлами въ кабинетѣ, уже не столь строго примѣчаетъ за нами, такъ что я вижу ее почти каждой день наединѣ, или по крайней мѣрѣ при глазахъ менѣе ясныхъ, нежели его.

Иногда, смотря на нее, погружаюсь я въ пріятныя размышленія: глаза наполняются слезами радости и удовольствія совсѣмъ мнѣ неизвѣстнаго. Въ самомъ дѣлѣ, Фабій! я прежде не вѣрилъ, чтобъ природа вливала ихъ въ сердце человѣка даже въ печали утопающаго. Иногда она спрашиваетъ меня о причинѣ моего смущенія; тогда я остаюсь въ неизвѣстности, и не осмѣливаюсь ей объявить оную, опасаясь показать себя предъ нею весьма предпріимчивымъ. Увы! весьма часто возвожу я мысли мои къ высочайшему Существу, прося его сдѣлать вѣчными дражайшіе и пріятнѣйшіе часы, въ которые я могу ее видѣть,

съ

съ нею разговаривать и обожать ничего отъ того не ожидая.

ПИСЬМО LIX.

Римъ.

Она явно велитъ мнѣ сожечь всѣ ея письма. Фабiй! какъ ты о семъ думаешь? — Я ихъ сожгу, но только тогда, когда ихъ всѣ выучу наизусть. Не сiе ли называется въ случаѣ споровъ *изъятiемъ*? Естьли ты подтверждаешь мои въ разсужденiи сего сомнѣнiя, то я ей откроюсь въ моей хитрости, говоря, что на сихъ условiяхъ могу сдержать договоръ.

ПИСЬМО LX.

Римъ.

Всѣ тѣ, которые какъ скоро ее увидятъ, становятся дураками. Можетъ быть не я одинъ ее люблю! — Нещастiе мое болѣе, нежели самая глупость, ибо отъ одного можно излѣчиться, а отъ другаго никогда.

ПИСЬМО LXI.

Римъ.

Какъ любовь увеличиваетъ сферу нашего воображенія; какъ она облагороживаетъ (ennoblit) наши мысли и поступки даже ничего почти не значущіе! Прежде сего, когда встрѣчался я съ нещастнымъ, вынималъ кошелекъ съ деньгами, и оныя ему отдавалъ, единственно послѣдуя побужденію человѣчества, безъ всякаго другаго намѣренія: а теперь одинъ его видъ меня смущаетъ и приводитъ въ сожалѣніе. Уже я не съ такимъ задумчивымъ видомъ, какой обыкновенно имѣлъ, вынимаю кошелекъ; во всѣхъ моихъ жилахъ царствуетъ теперь священное благоговѣніе къ высочайшему Существу, изображающее движеніе моего сердца; и ежели мое подаяніе есть слабо и не велико, то по крайней мѣрѣ оно вознаграждаетъ его убытки.

ПИСЬМО LXII.

Римъ.

Вчерась разставшись съ нею, былъ погруженъ я въ мрачнѣйшую, нежели

жели обыкновенно, меланхолію. Оплакивалъ я мои и ея нещастія. Она получила ту непріятную вѣсть, что мать ея при смерти. Мы смѣшали наши слезы. Но должно было мнѣ оставить ее.

Вышедши изъ Рима, пошелъ къ той древней гробницѣ (*), которая прежде была предметомъ нашего съ тобою удивленія и точкою прогулки. Однако въ то время я не намѣренъ былъ удивляться — Когда душа моя погружается въ черную меланхолію, тогда предметы представляются глазамъ моимъ подъ видомъ цвѣтовъ болѣе темныхъ и менѣе разновидныхъ, нежели когда она чувствуетъ удовольствіе: тогда хотя они и не перемѣняются, не могутъ однако представляться глазамъ нашимъ въ собственномъ своемъ видѣ. — Я сѣлъ при концѣ гробницы, въ самомъ полисадникѣ ее окружающемъ, и обратилъ лице къ той простѣйшей но трогательнѣйшей эпитафіи, которая ей придаетъ весьма

мно-

(*) Сія гробница, славная какъ по своему великолѣпію и красотѣ, такъ и по долговременному сохраненію, поставлена Крассомъ Цециліи Метеллѣ, своей супругѣ.

много красоты, и удерживаетъ на минуту скорыя ноги чувствительнаго прохожаго съ тѣмъ, чтобъ заставить его испустить каплю слезъ о смерти прекрасной Цециліи. Глава моя сокрыта была подъ густотою листвія. Впереди стояло нѣсколько розъ, издающихъ пріятнѣйшее благовоніе; глаза обращались то ко гробу, то къ той пространнѣйшей долинѣ, простирающейся даже до древняго *Тускулумъ*, что нынѣ Фраскати; ибо судьба человѣческая весьма подобна судьбѣ времени, все перемѣняющей и все разрушающей. Солнце уже готово было сокрыться за горы; румяной и *ложной* цвѣтъ его, состоящій *по видимому* изъ нѣсколькихъ огней, горящихъ на горахъ Восточныхъ, бросалъ издали блѣдные оттѣнки болѣе и болѣе украшающіе зеленость долины. Птица, предшествователь непогоды, удвояла свой полетъ, и въ косвенномъ и молніи подобномъ летѣніи по видимому касалась поверхности земли. Холодный и влажный Западный вѣтеръ колебалъ кедры, величественно возвышающіеся на несклоняемыхъ вершинахъ горъ, и приклонялъ къ землѣ гордыя ихъ главы.

Шумъ

Шумъ колеблющагося ихъ листвія долеталъ даже до меня на крилахъ аквилона, подобно согласному звуку лютны, на которой кто либо нѣжно играетъ во время глубокой ночи въ пустомъ и звонкомъ мѣстѣ. Дождь мало помалу умножался, и тотчасъ проникнулъ сквозь листы меня закрывавшіе такъ, что ни единая капля, ложася прежде на нихъ, плечь моихъ не миновала. Для сей причины рѣшился я оставить сіе убѣжище. Бѣжавъ нѣсколько времени по долинѣ, прибѣжалъ наконецъ къ той пещерѣ, при коей течетъ источникъ *Егеріи.* Здѣсь увидѣлъ я одну молодую дѣвицу, сидящую на пнѣ лежащаго дерева, и смотрящую на теченіе воды съ видомъ неудовольствія. Я узналъ, что единое препятствіе почерпнуть воды, находила она въ томъ, что опасалась, дабы не замочить ногъ. А поелику я былъ въ маленькихъ и уже замоченныхъ сапожкахъ, то взошедши въ воду по колѣни, и наполнивши ею сосудъ, данной мнѣ ея руками, возвратилъ ей оной назадъ, самъ еще стоя въ водѣ, и прося усердно нѣсколько воды оставить напиться. —

Дѣвица покраснѣла, можетъ быть сама не зная, для чего, и дала наконецъ воды съ такимъ простосердечіемъ, что сей напитокъ перемѣнился по томъ въ сладкій нектаръ. Зубы ея величественны, уста нѣжны и чисты наподобіе сей самой воды ихъ оросившей. Когда я пилъ воду, то сверьхъ моего чаянія уста мои попали въ то самое мѣсто сосуда, на которое и она, когда пила, свои уста полагала — Я почелъ было ее за Нимфу сего источника. Видъ ея благороденъ и простъ, по крайней мѣрѣ такъ объ ней заключить заставило меня нѣчто божественное въ глазахъ ея; наконецъ прекрасная моя Нимфа удалилась, презирая сильной дождь и вѣтръ развѣвающій тонкую ея юпку. — Я за нею слѣдовалъ нѣсколько времени, но по томъ совсѣмъ потерялъ изъ виду. Казалось, что она не бѣжала, а летѣла по влажной и грязной поверхности долины, и впечатлѣніе, какое ея бѣжаніе сдѣлало на мое сердце, уменьшалось по мѣрѣ того, сколь скоро она бѣжала. Такъ аквилонъ преклоняетъ дрожащее листвіе травы, не оставляя

вляя на ней ни малѣйшаго знака, что онъ тутъ шелъ.

Послѣ того сѣлъ я на то самое мѣсто, на которомъ она сидѣла прежде меня. Ноги положилъ на кремнистые камни, возвышающіеся изъ воды и препятствующіе мнѣ замочить ихъ. Столпъ служилъ мнѣ вмѣсто подпоры. Я вынулъ изъ кармана моего Вертера и положилъ его на поверхность столпа, подобно на налой.

Ктожъ была та, которая мнѣ его дала? Изданіе его не очень выработано, но весьма хорошо, а особливо чрезвычайно исправно. Я не разумѣю здѣсь тѣ новыя принадлежности, коихъ отдѣлка и чрезвычайная чистота притупляютъ глазъ на второй строкѣ. Вообще, любезный другъ, нахожу я великое различіе между нами и предками нашими, которое къ намъ сюда не принадлежитъ. Кажется, что науки имѣютъ, какъ и всѣ вещи, нѣкоторой степень совершенства, за которымъ ничего болѣе нѣтъ кромѣ безполезной глупости. И такъ я нахожу, что новая типографія имѣетъ весьма много участія въ сихъ трехъ качествахъ, и увѣряю тебя, что естьли

ли бы я былъ сочинитель какой книги, то бы я никакъ не позволилъ выдать ее въ свѣтъ, развѣ на семъ условіи, чтобъ ее не ввѣрять никому изъ новѣйшихъ нашихъ *Елзевировъ*.

И такъ эту книгу дала мнѣ она по пріѣздѣ моемъ въ Англію. Хотя она была переплетена, однако я вторично велѣлъ ее переплесть въ простой картузной бумагѣ, и сверьху обложить въ бумагу лазореваго цвѣта, а на краяхъ листовъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должна быть позолота, велѣлъ наложить маленькую зеленаго цвѣта кожицу весьма приличную цвѣту переплета такъ, любезный другъ, что я за нее, какова она есть теперь, не соглашусь взять впятеро дороже, нежели чего она въ самомъ дѣлѣ стоитъ. Сверьхъ сего простой сей переплетъ весьма приличенъ сочиненію такого рода, и никогда можетъ быть еще не бывало, чтобъ какая нибудь книга была столько принаровлена къ переплету, ниже переплетъ былъ когда принаровленъ къ книгѣ. Но какъ бы то ни было, только я началъ ее читать; прочиталъ письмо, другое, третіе и четвертое и нечувствитель-

но

но прочиталъ всю, такъ какъ нерѣдко со мною случается, когда открываю ее. Два раза прочиталъ я сie мѣсто:

„Пусть тотъ погибнетъ въ отча-
„янiи, которой смѣется немощному
„предпринимающему далекое путеше-
„ствiе къ цѣлительнымъ водамъ, умно-
„жающимъ по томъ его болѣзнь, и
„полагающимъ конецъ нещастной его
„жизни! Кто лучше того, которой ко-
„гда сердце его стѣсняется угрызенiя-
„ми совѣсти, и когда желаетъ онъ
„освободиться отъ оныхъ и положить
„конецъ мученiямъ души своей, пу-
„тешествуетъ къ С. гробу! Каждой
„шагъ, сдѣланной ногою его по неглад-
„кой дорогѣ, есть шагъ къ утѣшенiю
„обремененной печалiю души его, и
„въ каждой день, во время продолже-
„нiя пути засыпаетъ онъ, имѣя серд-
„це облегченное отъ части тяжести
„его угнѣтающей. — И вы осмѣли-
„ваетесь называть сie пустяками? вы
„пустомели, которые нѣжились на
„мягкихъ постеляхъ! пустяки! —
„О Боже! Ты видишь мои слезы! —
„Сотворивши человѣка столь бѣднымъ,
„надлежало ли дать ему такихъ со-
„братiй, которые бы его разграбляли

„и

„ и въ самой его бѣдности, лишая и
„ послѣдней довѣренности и упованія,
„ какое онъ въ тебѣ, въ тебѣ, коему
„ всѣ твари равномѣрно любезны, по-
„ лагаетъ! Въ самомъ дѣлѣ, что есть
„ его упованіе на спасительный корень
„ и слезы, естьли не упованіе на те-
„ бя положившаго во всемъ, что насъ
„ окружаетъ, лѣкарство и облегченіе,
„ въ которыхъ мы ежечасно имѣемъ
„ нужду? — О Отче! коего я прежде
„ не зналъ, Отче, которой прежде на-
„ полнялъ собою всю мою душу, и ко-
„ торой по томъ отвратилъ лице свое
„ отъ меня, воззови меня къ себѣ!
„ Я не стану болѣе молчать: жажду-
„ щая тебя душа моя не можетъ то-
„ го снести — и человѣкъ отецъ не
„ можетъ раздражиться, когда уви-
„ дитъ своего сына, котораго онъ не
„ ожидалъ, обнимающаго его выю, го-
„ воря: родитель мой! вотъ я возвра-
„ тился! Не прогнѣвайся, что я преры-
„ ваю описаніе путешествія, давно уже
„ мною предпріятаго въ угожденіе те-
„ бѣ. Міръ вездѣ одинаковъ, вездѣ
„ трудъ и болѣзнь, награжденіе и удо-
„ вольствіе. Но кто мнѣ сіе доста-
„ витъ? Я тамъ только щастливъ,

„ гдѣ

„ гдѣ ты; я хочу нещастія сносить
„ и удовольствіе вкушать только въ
„ твоемъ присутствіи — И Ты ли, пре-
„ благій Отецъ, можешь отринуть
„ твоего сына?„

О Фабій! въ какую бездну мрачныхъ и пустыхъ размышленій низвергло меня сихъ строкъ чтеніе. Будучи нечувствителенъ, подобно сему мрамору, на которомъ теперь покоится глава моя, я былъ долгое время въ печальномъ молчаніи, предавшись своенравію мыслей, пробѣгая съ ними глупое царство воображенія. — Послѣ того худыя мечтанія смутили спокоиствіе моего разума — Такъ въ древнія времена славный сынъ Фингала Оссіанъ, коего старость убѣлила власы и ослабила страшную руку, сидѣлъ во время печальнаго молчанія ночи на камнѣ разбиваемомъ свирѣпыми морскими волнами, и утѣшая самъ себя въ печали воспоминовеніемъ толико славныхъ Героевъ при глазахъ его погибшихъ, воспѣвалъ свои подвиги на настроенной арфѣ, между тѣмъ какъ море ужасно ревѣло при ногахъ его, и вѣтры развѣвали сѣдые его власы, показывающіе при сіяніи луны се-

серебреной видъ. — Послѣ того мало помалу пришедши самъ въ себя, удалился я отъ сего мѣста, показавшагося мнѣ весьма пріятнымъ, гдѣ нечувствительно нарисовалъ образъ печали. Возвращаяся опять зашелъ къ той гробницѣ, при которой прежде нѣсколько часовъ сидѣлъ. Сравнивая пріятную меланхолію, въ которую тогда была погружена душа моя, съ мрачною печалію, объявшую меня въ сію самую минуту, я о Фабій! воздохнулъ.

ПИСЬМО LXIII.

Римъ.

Я каждой день нахожу что нибудь такое, которое меня заставляетъ заниматься единственно ею; ибо естьли благоразуміе, нужда, благопристойность, или тысячи другихъ подобныхъ глупостей, не позволяютъ мнѣ видѣть ее въ которой нибудь день, то занимаюсь тогда тѣмъ, что она мнѣ велитъ сдѣлать. И такъ съ того времени, какъ началъ ее знать, сомнительно, рисовать ли я учусь, или переплетать книги? Вчерась подъ вечеръ про-

просила она меня прислать къ ней нѣсколько вещей моей работы. Я воспользовался симъ случаемъ, и послалъ къ ней полдюжины небольшихъ картушныхъ досчечекъ, пристойно обвернутыхъ въ зеленой пергаминъ, къ которымъ она, какъ послѣ того сама сказывала, приклеила свои образчики; ибо рисуетъ съ великою похвалою. Цѣлое утро занимался я клееніемъ и приведеніемъ въ порядокъ сихъ досчечекъ. Какъ я ихъ совсѣмъ отдѣлалъ, то смотрѣлъ по томъ на нихъ съ великимъ удовольствіемъ, разсматривалъ ихъ обвертку, и представлялъ то удовольствіе, какое они, когда ихъ получитъ, могутъ ей доставить. Такимъ образомъ удивляяся моей работѣ, удивлялся самому себѣ. Фабій! по окончаніи ихъ я крайне былъ собою доволенъ, и въ тысячу кратъ болѣе тогда гордился, нежели когда бы сочинилъ цѣлую книгу Одиссеи. Какое рабячество! Ахъ, господинъ философъ! посмотрѣлъ бы я на тебя, когда бы ты былъ на моемъ мѣстѣ. *Любезный* другъ! представь себѣ гордаго рыцаря, отваживающагося на все единственно для того, чтобъ заслужить

почтенiе и любовь у своей любезной, также и простаго пастуха, срывающаго въ зеленыхъ лугахъ цвѣты больше всего нравящiеся его любовницѣ, единственно для того, чтобъ сплесть вѣнокъ и за то получить отъ нее тысячу поцѣлуевъ! Разность между ими не такъ велика, какъ ты себѣ представляешь. Любовь обѣихъ ихъ равно одушевляетъ. Чтожъ касается до меня, то я знаю, кому изъ нихъ должно отдать преимущество.

ПИСЬМО LXIV.

Римъ.

Увы! любезный другъ! щастiе мое не перемѣняется, но всегда одно и такое же. Я теперь подобенъ юношѣ разсуждающему еще въ первой разъ о неизмѣримости моря, которой наконецъ входя въ самаго себя, спрашиваетъ у малопросвѣщеннаго своего разума, немогущаго довольно надивиться сему зрѣлищу: „Откуда и куда можетъ итти сiя ужасная масса?„ Подобнымъ образомъ и я прогуливаюсь теперь по извѣстному берегу, устремляю глаза мои на неизмѣримый океанъ

янѣ жизни сей, и вотще простираю руки, чтобѣ схватить воображаемое благополучїе, туда и сюда безпрестанно проходящее мимо сего мѣста, гдѣ я сижу, смотря на него, и выдумывая средства удержать его при себѣ. Ладья, на которой плыветѣ, легка и подобна вѣтру, разсѣкаемому ею сѣ невѣроятною скоростїю. Онѣ издали призываетѣ меня кѣ себѣ; когда же я кѣ ней приближаюсь, то изчезаетѣ. Одежда ея бѣлая, вышитая разными цвѣтами; глаза по видимому изъявляютѣ удовольствїе и веселость; изѣ устѣ безпрестанно выходятѣ тяжкїе вздохи. Она несетѣ вѣ рукахѣ корзину наполненную прїятнѣйшими глазу и вкусу плодами; однако тѣ изѣ нихѣ, кои она даетѣ, бываютѣ совсѣмѣ не такїе, какихѣ мы желаемѣ.

ПИСЬМО LXV.

Римѣ.

О Фабїй! никогда, никогда я столь живо не чувствовалѣ того несказаннаго удовольствїя, какое каждой день найти можно вѣ тайномѣ источникѣ чувствованїя, сокрывающемся

во внутренности сердецъ всѣхъ людей, какъ въ то время, когда почувствовалъ къ ней любовь! Увы! сію пріятную способность, сіе чистѣйшее и священнѣйшее удовольствіе, могущее почесться шестымъ чувствіемъ; поелику безъ него прочія пять суть ничто, не она ли мнѣ дала? Пріятнѣйшее чувствованіе, неизчерпаемый источникъ благополучія! заклинаю тебя соорудить въ сердцѣ моемъ храмъ, которой бы могъ долѣе существовать, нежели храмы состроенные изъ мрамора, которые время разрушаетъ, какъ скоро перестаетъ быть почтеніе къ нимъ людей. Но что я говорю! не всѣ ли способности бытія моего усовершенствовала она? Всемогущій Боже! Ты при сотвореніи вложилъ въ сердце мое сѣмя, медленно произрастающее плоды добродѣтели, кои угодно было Тебѣ вложить въ насъ!

ПИСЬМО LXVI.

Римъ.

Я ее оставляю и съ досады располагаю теперь временемъ, то есть что мнѣ должно будетъ препровести дват-

дватцать четыре часа безъ нее — Часы положилъ въ старой ящикъ на самое дно, а вмѣсто ихъ взялъ въ запасъ песочные, сдѣланные изъ эбеноваго дерева и украшенные небольшими полосками изъ слоновой кости. Когда я стою подлѣ ихъ, то они идутъ почертовски; какъ же скоро отойду прочь, то совсѣмъ бываетъ противное. Приставивъ къ чернилицѣ положилъ ихъ на столъ; бралъ по томъ въ руки и оборачивалъ разнымъ образомъ то къ верьху, то въ низъ. Часто они меня обманывали, и я не зналъ, которой подлинно часъ, потому что стрѣлки уходили впередъ. — Мои песочные часы болѣе мнѣ нравятся и болѣе приличны; не замѣчая ихъ исправности, беру иногда четыре часа за пять, не опасаясь, чтобъ они когда нибудь меня обманули. Естьли бы я узналъ неоцѣненнаго изобрѣтателя ихъ, то бы, клянусь тебѣ моимъ самолюбіемъ и лѣностію, превознесъ его похвалами до небесъ и поставилъ бы самъ посредъ Аркадской Академіи.

ПИСЬМО LXVII.

Римъ.

О Фабій! благополучный человѣкъ, поставляющій настоящее свое спокойствіе въ неизвѣстной надеждѣ непрерывнаго щастія, несравненно глупѣе такого отца, которой желая по смерти своей содѣлать щастіе своихъ возлюбленныхъ дѣтей непоколебимымъ, строитъ для нихъ великолѣпные чертоги на песчаной и зыбкой землѣ.

„Она просила меня, чтобъ я рѣже „посѣщалъ ее: ибо въ оправданіе сего „говорила, что супругъ ея весьма не-„годуетъ на наши частыя свиданія.„ Чортъ возьми! — А еще гораздо досаднѣе для меня то, что она по видимому не все мнѣ пересказала. — Я теперь только пришелъ домой; — мое сердце терзается. —

ПИСЬМО LXVIII.

Римъ.

Что я долженъ сказать тебѣ, Фабій? Такъ нашелся такой дерзкій человѣкъ, которой осмѣлился запретить мнѣ съ нею видѣться? — Какъ? уже

уже съ сихъ поръ я не буду столь часто съ нею видѣться? — Но со временемъ не принудитъ ли онъ меня и навсегда разлучиться съ нею? — Навсегда: сіе слово дѣлаетъ напряженіе въ моихъ жилахъ и производитъ сильнѣйшее движеніе въ сердцѣ! Я теперь въ чрезвычайномъ бѣшенствѣ. — Моя рука вострепетала, начертывая сіе; я принужденъ, по причинѣ величайшаго негодованія, съ досадою окончить сіе письмо.

ПИСЬМО LXIX.

Римъ.

Сіи желанія, сія всегдашняя съ нею разлука, уменьшаютъ мало помалу дни мои. Наподобіе перваго человѣка, пробѣгаю я неизвѣстными шагами по аллеямъ въ саду, въ которомъ природа меня помѣстила; вездѣ со взоромъ моимъ встрѣчаются цвѣты и плоды, которыхъ наружность хотя и прелестна, но ни мало не привлекаетъ смущенной души моей. Правда, одно изъ сихъ послѣднихъ во искушеніе приводитъ меня; но наслаждаться

онымъ какое-то сильное могущество запрещаетъ мнѣ. Прощай Фабій.

ПИСЬМО LXX.

Римъ.

Сего дня должно было мнѣ видѣть ее, но она лишила меня сея сладчайшія надежды. — О пагубная планета, притвожденная къ небесамъ для моего нещастія, долго ли еще будешь стоять надъ моею головою.

ПИСЬМО LXXI.

Римъ.

Я теперь только пришелъ изъ театра, въ которой ходилъ для разсѣянія своихъ печальныхъ мыслей. Казалось мнѣ, что всѣ актеры, не выключая и самаго Маффоли, пѣли очень непріятно. И такъ не уже ли хорошій вкусъ потерялъ я въ сей странѣ? — Я смѣюсь, размышляя сіе. Какъ мы бѣдны! наши чувства безпрестанно господствуютъ надъ душею. Бѣдный челобитчикъ, отверженный вельможею, выигралъ бы свое дѣло, естьлибъ самъ вельможа не былъ оставленъ

вленъ своею любовницею. — Почему часто отецъ мой говаривалъ мнѣ: „чтобъ „я никогда не ходилъ къ такимъ лю„дямъ, не освѣдомившись прежде у „камердинеровъ ихъ о томъ, каково „они препроводили ночь. — Сія сла„бость, любезной другъ, не однимъ „имъ предоставлена; всѣ мы оной или „болѣе или менѣе подвержены.„

ПИСЬМО LXXII.

Римъ.

Нортъ просилъ ее съ собою ѣхать посмотрѣть сраженія быковъ, которое происходило близъ гробницы Августовой. О естьли бы ты посмотрѣлъ, съ какимъ отвращеніемъ она приняла сіе предложеніе! — Сіе привело мнѣ на мысль оный гордый отвѣтъ, который одинъ Аѳинянинъ нѣкогда въ Ареопагѣ далъ Сенатору, предлагавшему ввести въ Аѳины, наподобіе Рима, сраженія шпажныхъ бойцовъ. „Разорите напередъ, вскричалъ онъ „въ величайшемъ изступленіи, разори„те тотъ олтарь, который отцы на„ши за тысячу предъ симъ лѣтъ воз„двигли милосердію!„ И сей варвар-

 ской

ской праздникЪ единодушно всѢми былЪ отверженЪ; но НортЪ не АѲинянинЪ; онЪ пошелЪ одинЪ.

ПИСЬМО LXXIII.

РимЪ.

О Фабій! возвратись, поспѢшай, Фабій, естьли хочешь вЪ послѢдній разЪ обнять своего друга. — Какія мрачныя мысли безпокоятЪ смущенную мою душу, навсегда предавшуюся размышленію собственнаго своего разстройства! Любезный другЪ! еще остается нѢсколько времени; возвратись, заутра можетЪ быть .... — АхЪ! по чему я знаю? каждой день увеличивается пагубное начало моихЪ золЪ; каждой день я это чувствую: о другЪ мой! умножаетЪ оно мои мученія, а отрады мало. — Увы! очень мало.

Вчерась былЪ я свидѢтелемЪ одной изЪ тѢхЪ сценЪ, которыя весьма часто Петерсбій по своенравному своему бѢшенству имѢетЪ сЪ своею женою. ОнЪ, какЪ увѢряютЪ меня вЪ томЪ сосѢди его, вкушаетЪ нѢкоторое варварское удовольствіе вЪ жестокихЪ

кихъ упрекахъ, дѣлаемыхъ ей при мнѣ. Я былъ въ отчаянiи, скрежеталъ зубами, кусалъ губы отъ ярости, и хотѣлъ было вступить съ нимъ въ драку. — Естьлибъ только я началъ оную, то бы его убилъ. Нещастная Лора не столько за себя, сколько за меня страдала; привычка къ такимъ гоненiямъ сдѣлала оныя сносными для нее. — Многократно просилъ я своей шляпы въ той надеждѣ, что мой выходъ откроетъ Петерсбiю глаза, и заставитъ его разсмотрѣть неблагопристойность своего поступка, а особливо сдѣланнаго при мнѣ, которому не должны быть извѣстны сiи домашнiе раздоры; но или по злости, или по замѣшательству онъ не принялъ никакой осторожности. Я принужденъ былъ, стоя опершись на каминъ, ударить въ барабанъ, въ которой столь громко застучалъ, что при выходѣ своемъ отъ нихъ примѣтилъ ихъ то краснѣвшихъ, то блѣднѣвшихъ отъ стыда. Наконецъ, любезный другъ, ея печаль столько умножилась, что я, по нѣкоторомъ времени, вмѣсто того, чтобъ ходить къ ней каждой день, какъ обыкновенно

но дѣлывалъ, принужденнымъ нашелся уменьшить свои посѣщенія; и теперь хожу къ ней только одинъ разъ въ недѣлю. Но при всемъ томъ въ мѣсяцъ не могъ я ни одного раза избѣгнуть, чтобъ не быть свидѣтелемъ подобныя вчерашней сцены. И естьли что болѣе страшитъ меня, то сіи Лорины слова, которыя она плача мнѣ говорила: „что по ея замѣчанію супругъ ея всегда наблюдаетъ то время, въ которое я бываю у нее, и „что она не сумнѣвается, чтобъ Петерсбій такимъ образомъ не принялъ „намѣренія меня удалить отъ нее навсегда.„

О Фабій! другъ мой! не лишай меня своихъ совѣтовъ! никогда, увы! не были они для меня столько нужны.

ПИСЬМО LXXIV.

Римъ.

О любезный другъ мой! надобно ее убѣгать, надобно оставить ее, или говорить съ душевнымъ соболѣзнованіемъ: „Сіе невинное твореніе „претерпѣваетъ за меня жесточайшія гоненія?„ Нѣтъ, Фабій, сія ужаснѣй-

снѣйшая мысль несносна моему сердцу! Я удалюсь отъ нее, но не не отмстивши измѣннику пріуготовившему мнѣ ядъ, которой долженъ я выпить. Понимаешь ли? — Бѣдной! вчерась онъ называлъ меня своимъ другомъ. — Своимъ другомъ! — Нортъ? — Великій Боже! и Ты еще терпишь такое вѣроломство!

ПИСЬМО LXXV.

Римъ.

Конечно Фабій, я не увижу ее болѣе. Она меня о томъ неотступно просила. Она осмѣлилась меня просить о томъ. — Я обѣщался ей, и при обѣщаніи не показалъ никакого печальнаго знака, и при глазахъ ея не поразилъ себя тысячью ударами шпагою! Но, клянусь тебѣ, не увижу ее болѣе. — Съ тѣхъ поръ, какъ сія идея вкоренилась въ мою душу, я сталъ гораздо спокойнѣе, и наподобіе больнаго, чувствующаго приближеніе своей смерти, и неищущаго средствъ удалить оную, обращаю глаза свои на все окружающее меня, и съ спокойствіемъ ожидаю

то-

шого часа, вЪ которой долженствую закрыть оные навсегда.

ПИСЬМО LXXVI.

РимЪ.

Она не знала, она не могла знать, что произнесла на меня смертный приговорЪ. — Я оной выслушалЪ, Фабій, и обЂщался ей повиноваться. — Да будетЪ такЪ! — Одна нерЂшимость еще нЂсколько удерживаетЪ меня; но скоро преодолЂю ее, и можетЪ быть изберу кратчайшую стезю для выходу изЪ сея трудныя дороги, на которой я заблудился. Прощай.

ПИСЬМО LXXVII.

РимЪ.

ДругЪ мой! я теперь имЂю совершенное понятіе о неслыханныхЪ мученіяхЪ, которыя претерпЂвали древніе Философы; они по великости своей души охотно умирали сЪ голоду, или для избЂжанія того, чтобЪ не попасться вЪ руки тиранновЪ, или для того, чтобЪ скорЂе прекратить сильную и непреодолимую болЂзнь. —

Я,

Я, распростершись, такъ какъ они, на смертномъ одрѣ, спокойно обращаюсь съ своими друзьями; а между тѣмъ непреодолимая нужда медленно разстроиваетъ мои уже ослабѣвшіе члены; ужасная сухотка изнуряетъ все мое тѣло, кровь портится, глаза теряютъ свою живость, и я вижу приближающійся конецъ печальнаго моего существованія, и притомъ не осмѣливаюсь, да и не могу продолжать онаго.

ПИСЬМО LXVIII.

Римъ.

Я вчерась видѣлъ ее, я видѣлъ ее, Фабій, въ послѣдній разъ! — Завтра ѣду въ Целано. Въ сихъ-то любезныхъ сердцу моему мѣстахъ, въ которыхъ нѣкогда наслаждался ты спокойствіемъ, я окончу свое бытіе.

Наконецъ столь долговременное мое подозрѣніе сбылось; Нортъ по Петерсбіевой прозьбѣ дѣлалъ надо мною разные поиски, и открылъ ему, что я до сихъ поръ скрывалъ свое имя и отечество. Петерсбій по причинѣ сихъ подозрѣній перетолковалъ

въ

вѣ худую сторону мои частыя свиданія сѣ его женою, и не велѣлѣ ей болѣе меня принимать кѣ себѣ. Почему я сыскалѣ Норта, и безѣ всякихѣ околичностей сказалѣ ему: „что какѣ „онѣ по наученію Лорда и другихѣ „особѣ дѣлалѣ надо мною обидные поиски, то не желая вѣ такомѣ слу„чаѣ никакого сѣ нимѣ примиренія, „буду ожидать его сегожѣ вечера внѣ „Рима вѣ назначенномѣ мѣстѣ.„ Послѣ того, какѣ я сказалѣ ему, что выборѣ оружія оставляю на его волю, онѣ отѣ изумленія сдѣлался неподвижнымѣ, и не могѣ сказать мнѣ вѣ отвѣтѣ ни одного слова.

ПИСЬМО LXXIX.

Римѣ.

Онѣ пришелѣ ко мнѣ вѣ назначенное мѣсто; сѣ нимѣ были два свидѣтеля, по видимому Агличане, а я былѣ одинѣ. Сіи двое господѣ зарядили пистолеты имѣ принесенные, но прежде отдаванія оныхѣ намѣ старались они помирить насѣ безѣ всякой ссоры: „Господа, сказалѣ я „имѣ, я отвѣчаю здѣсь только за са-

„ма-

„ маго себя; и мое намѣреніе, привед-
„ шее мея сюда, есть непремѣнно. „ На-
добно признаться, что Нортъ въ семъ
случаѣ поступилъ какъ самый отва-
жный человѣкъ. Мы взяли пистоле-
ты; Норту досталось два раза вы-
стрѣлить прежде меня; первый его
выстрѣлъ былъ недѣйствителенъ; во
второй разъ выстрѣлилъ по моей пук-
лѣ, не сдѣлавъ мнѣ никакого вреда.
Дошла до меня очередь. — О другъ
мой! можешь ли представить себѣ, что
тогда происходило въ душѣ моей? Сія
самая мысль, что я искуснѣе его, въ
ужасъ привела меня. — Моя рука
трепетала; я отвратилъ лице и вы-
стрѣлилъ. — Нортъ палъ отъ вы-
стрѣла. — Ахъ! тогда-то показалъ
я всю свою чувствительность, не стра-
шась чрезъ то подлымъ сдѣлаться или
глупымъ предъ очами свидѣтелей. —
Я закричалъ, побѣжалъ къ нему, счелъ
его мертвымъ, но онъ только слегка
былъ раненъ въ плечо. — Помогая ему
встать, возвелъ я очи свои къ всевы-
шнему Существу, благословилъ его бла-
гость, что оно сохранило меня отъ
такого ужаснаго злодѣянія, о кото-

ромъ бы принужденъ я былъ во всю свою жизнь воздыхать.

ПИСЬМО LXXX.

Целано.

Наконецъ оставилъ я Римъ, естьли не съ сердечнымъ удовольствiемъ, то по крайней мѣрѣ съ спокойствiемъ совѣсти; но оставляя его, Фабiй, обращалъ я на него свои взоры, и не могъ удержать слезъ текшихъ изъ очей моихъ. — Я, подобно добродѣтельной Энеи, везъ съ собою мучительныя воспоминанiя; я также терзался внутренно, какъ и сей герой, когда онъ оставлялъ спокойное свое жилище. Увы! я такъ же, какъ и онъ, оставлялъ свой домъ, никогда не надѣяся въ оной возвратиться; горестные вздохи пресѣкали послѣднiя мои прощанiя. —

О Фабiй! горе нечувствительному смертному, оставляющему безъ пролитiя слезъ тотъ низкiй кровъ, подъ которымъ онъ родился; тѣ руки, которыя его питали; то дерево, которое прiосѣняло его; горе тому человѣку, которой спокойно ѣдетъ по дорогѣ, и назадъ не обращаетъ своихъ

взо-

взоровъ съ тѣмъ, чтобъ въ румяныхъ вечернія зари облакахъ еще узнать острой шпицъ колокольни тоя церкви, коей почтенный пасторъ былъ ему наставникомъ и путеводителемъ въ юности; который не хочетъ ни начасъ совратиться съ пути съ тѣмъ, чтобъ слѣдовать за теченіемъ источника, толикократно во время знойныхъ лѣтнихъ жаровъ и по усталости отъ долгой ходьбы жажду его утолявшаго; накоценъ горе тому, въ душѣ коего сиповатый и несогласный звукъ пастушьяго рога не дѣлаетъ никакого впечатлѣнія, которой слышитъ оной въ послѣдній разъ, и разстается съ нимъ безъ всякаго внутренняго соболѣзнованія, и спокойно удаляется отъ тѣхъ любезныхъ и священныхъ мѣстъ, въ которыхъ проводилъ свою юность! — Фабій! видно онъ никогда не испыталъ того сладчайшаго удовольствія, которое вкушаетъ раздѣляющій свой хлѣбъ и воду съ заблуждающимся и изнуреннымъ отъ усталости и голоду странникомъ. — Нечувствительный! не знаетъ онъ, коликаго лишается чрезъ то удовольствія! Тотъ достоинъ бо-

лѣе сожалѣнія, нежели ненависти, косего жестокое сердце столь непреклонно къ сладчайшимъ побужденіямъ природы и благотворенія.

Я пріѣхалъ въ Целано по прекрасной долинѣ, ведущей въ сей небольшой городокъ; тогда было около осьми часовъ. Легкой мракъ уже разсѣялся по одной части обросшихъ древами и усыпанныхъ камнями холмовъ, окружающихъ обширное и тихое озеро; другая часть сихъ холмовъ совсѣмъ покрыта бъ.... густымъ туманомъ, поднявшимся даже на тѣ высокія мѣста, съ коихъ вода упадаетъ внизъ съ величайшимъ шумомъ. Къ Западу примѣтны были нѣкоторые острова, осѣняемые прекрасными древесными вѣтвями, коихъ листья еще удерживали въ себѣ слабые заходящаго солнца лучи; отъ сего зеленость ихъ премѣнилась въ огненный цвѣтъ, такъ что всякой считалъ ихъ за оныя славныя Гесперидскія дерева, на коихъ всѣ плоды были золотые. Сіи острова столь малы, что скорѣе можно счесть ихъ плавающими по поверхности воды, нежели стоящими на твердой землѣ. Я насчиталъ ихъ

до

до пяти; всѣ они различной величины и различнаго виду; они вновь простираются среди озера вѣ правильномѣ перспективномѣ расположеніи вѣ разсужденіи своихѣ оттѣнковѣ. На первыхѣ двухѣ островахѣ растутѣ величайшіе дубы, коихѣ темный цвѣтѣ удивительнымѣ образомѣ оттѣняетѣ листы другихѣ деревѣ, но притомѣ такѣ правильно, что и самый искусный живописецѣ не иначе бы расположилѣ сіи древа на своей картинѣ; столько-то удивительно природа соединяетѣ между собою простыя части своихѣ картинѣ. —

Рыболовова лодка стояла неподвижно между двумя послѣдними; онѣ несѣ на своихѣ плечахѣ тонкую мрежу, и намѣревался закидывать ее вѣ воду. Когда сѣлѣ онѣ на берегу, жена его сѣ другаго берегу смотрѣла на него, и утѣшала маленькаго дитя, сидящаго у нее на колѣняхѣ. Неподалеку отѣ нихѣ примѣтилѣ я небольшую хижину древами осѣняемую; я тотчасѣ узналѣ, что она принадлежала имѣ. — Изѣ сея хижины вышла молодая дѣвица тонкаго и величественнаго стана; она вѣ одной рукѣ несла кор-

 зину

зину съ салатомъ, а другою поддерживала большой глиняной кувшинъ, которой несла на головѣ. Все сіе придавало ей особенную пріятность. Я къ ней подошелъ поближе; она спустилась съ берегу, и наклонясь черпала воду въ томъ же самомъ озерѣ. Когда наполнила кувшинъ водою, то нѣсколько изъ онаго вылила на салатъ; я нѣсколько отошелъ отъ нее, чтобъ дать ей свободу хорошенько вымыть оной. Какъ она кончила сію работу, спросилъ я ее: „Любезная дѣвица! „кто будетъ кушать сей салатъ, „столь хорошо и такою любезною „особою вымытый?„ — „Батюшка съ „матушкою, государь мой,„ отвѣчала она мнѣ съ изъявленіемъ почтенія и показывая рукою на рыболова и на женщину, сидящую на берегу озера: „Но позволятъ ли они мнѣ съ собою „откушать? опять я спросилъ ее.„ „Изрядно! — говорила она. — „Вы на„смѣхаетесь сударь надо мною?„ — Нѣтъ, сказалъ я, — никогда не смѣюсь я надъ подобными себѣ; при сихъ словахъ она изъявила еще больше почтенія и закричала: „Вильгельмъ, Вильгельмъ!„ —

Сей

Сей по видимому старшій братЪ ея тотчасЪ выбѣжалЪ изЪ хижины, и пошелЪ прямо кЪ намЪ, играя сЪ маленькою своею собачкою, которая бѣжала подлѣ него и кусала ноги его. ВильгельмЪ, мальчикЪ доброй; мое присутствіе не привело его вЪ изумленіе; сестра его пособила ему на голову поставить кувшинЪ; собака понесла корзинку, а я пошелЪ вмѣстѣ сЪ сею дѣвушкою, и такимЪ образомЪ пошли мы вЪ хижину, вЪ которую рыболовЪ уже возвратился сЪ своею женою.

Сіи простодушные люди весьма хорошо приняли меня; они не только пригласили меня кЪ своему деревенскому столу, но и еще просили, чтобЪ я чаще посѣщалЪ ихЪ; когда я имЪ сказалЪ, что буду жить не подалеку отЪ нихЪ: рыболовЪ обѣщался со мною сдѣлать пріятную прогулку по озеру. О другЪ мой! мое сердце подвиглось, видя столь искреннее ко мнѣ расположеніе ихЪ! — ко мнѣ, который для нихЪ такой же былЪ чужестранецЪ, какЪ и житель КамчатскихЪ степей! „Какое наставленіе, сказалЪ я тогда „самЪ вЪ себѣ, для тѣхЪ хладнокро„вныхЪ сердецЪ, коихЪ пріемы осно-

„ваны на полученіи корысти или че„сти, которыя они надѣются пріоб„рѣсть оказываніемъ своихъ учтиво„стей.„ Другъ мой! непріятное вино, мнѣ подносимое ими въ глиняномъ сосудѣ, показалось слаще и вкуснѣе самаго Салернскаго, которое пилъ я нѣкогда изъ христальныхъ сосудовъ за столомъ великаго Султана. Сіе заставило меня думать, Фабій, что у богатыхъ людей гораздо бы рѣже были худые столы, естьлибъ чаще употребляли они при пиршествахъ своихъ природную простоту.

ПИСЬМО LXXXI.

Целано.

Любезный другъ! кажется мнѣ, что вся природа разрушается, но тѣмъ она прекраснѣйшею представляется глазамъ моимъ. Я взираю на нее, какъ на молодую вдову, получившую новое сіяніе красоты отъ печали начертанной на блѣдномъ и уныломъ челѣ ея. — Черное покрывало и нѣжная томность, разлившаяся по всему ея лицу, не отнимаютъ, но умножаютъ ея прелести.

О сладчайшее и благотворительное божество! какою я обязанъ тебѣ благодарностію! ибо ты вселило въ мое сердце сіе спокойствіе доселѣ ему неизвѣстное — Такъ другъ мой, я объявляю тебѣ о семъ съ истиннымъ чувствованіемъ сердечныя радости; я совсѣмъ сталъ другой съ тѣхъ поръ, какъ началъ обитать въ сихъ горахъ и пустыняхъ. — Всякой бы сказалъ, что созерцаніе оныхъ возвратило мнѣ нѣсколько разума. Я никогда не былъ столько увѣренъ, какъ теперь, въ истиннѣ сихъ господина Руссо словъ, „что сельской житель всегда благопо„лучнѣе городскаго„ по крайней мѣрѣ по тому, что сей послѣдніи лишенъ того душевнаго спокойствія, которое составляетъ единственное благо другаго. — О Фабій! простремъ руки свои на небо, станемъ молить, чтобъ оно укрѣпило духъ мой въ сихъ чистыхъ и нужныхъ для благополучія моего основаніяхъ; также проси, Фабій, проси милосердаго Бога, да простретъ онъ ко мнѣ свою всесильную десницу, которая будетъ споспѣшествовать мнѣ безбѣдственно совер-

 шитъ

шить остатокъ пути и достигнуть желаннаго конца.

Весь день пробылъ я въ лѣсу, такъ какъ мальчикъ запертый въ лавкѣ торгующаго игрушками купца; все желалъ я видѣть, вездѣ обходить, все узнать. — Я бѣгалъ задыхаючись, взлѣзалъ на самыя утесистыя скалы, въ надеждѣ сыскать на вершинѣ ихъ новую пищу для ненасытимыя души моея; перепрыгивалъ безъ ужаса чрезъ широкіе источники, и бѣгалъ весьма скоро, не думая о пропастяхъ, на которыя одно воззрѣніе заставило бы меня въ другомъ случаѣ трепетать! Въ одно мгновеніе стоялъ на высочайшихъ вершинахъ горъ, а въ другое находился на сто шаговъ ниже ихъ страшной подошвы; съ великимъ трудомъ ходилъ по песчанымъ рвамъ; безъ страху опускался въ подземныя глубокія пещеры, воднымъ стремленіемъ изрытыя. По томъ сѣлъ я на испещренную цвѣтами мураву при корнѣ одного стараго кедра, коего зеленыя иглы, отторгаемыя бурнымъ вѣтромъ, съ сильнымъ рвеніемъ, дующимъ съ высоты утесистыхъ горъ, падали въ шумя-

мящїй неподалеку отъ меня источникъ; словомъ, вездѣ, о другъ мой! вездѣ вкушалъ я несказанное и доселѣ неизвѣстное мнѣ удовольствїе.

Прощаи, Фабїй, ты найдешь болѣе въ моихъ письмахъ печальной картины изображающей страсти и глупости человѣческїя; одна природа, привлекшая на себя все мое вниманїе, будетъ занимать слабую мою кисть. Ахъ! естьли бы она всегда была предметомъ моихъ мыслей! о! естьлибъ истребила изъ оныхъ... — Но увы! ты живо представляешься мнѣ, о любезнѣйшая женщина! и я тебя долженъ позабыть — тебя позабыть!

ПИСЬМО LXXXII.

Целано.

Безъ сомнѣнїя, должно; — я того желаю, я рѣшился, должно мнѣ изгладить изъ мыслей своихъ образъ ея; надобно убѣгать всего, что можетъ ее привести мнѣ на память. Что я говорю! могу ли самаго себя убѣгать? Нечувствительный! человѣкъ былъ бы выше самаго себя, естьли бы всѣ способности его повиновались волѣ;

лѣ; естьлибъ онъ такъ могъ повелѣвать своею душею, какъ Превѣчный нѣкогда повелѣлъ собраться разсѣяннымъ въ хаосѣ стихіамъ, и не выходить имъ никогда изъ того мѣста, которое Божественное его провидѣніе каждой изъ нихъ назначило. О человѣкъ, въ какомъ классѣ созданныхъ существъ помѣстишь себя? Въ самой вещи, что это за существо, которое въ одно время и подло и гордо; которое безпрестанно говоритъ: *я хочу*, которое, наподобіе дрожащаго труса говорящаго, что ничего не боимся, съ трепетомъ чувствуетъ внутрь себя вопіющій гласъ: ты хочешь; но и я также захочу? и котораго оледенѣвшій отъ неизвѣстности и страха языкъ дѣлается неподвижнымъ и нерѣшительнымъ въ изъявленіи собственной своей воли? — О небо! ты видишь замѣшательство и ужасъ своего созданія!

Я еще прогуливался въ безмолвныхъ горахъ, окружающихъ озеро; тамъ, любезный Фабій, не можно ни одного шага ступить безъ того, чтобъ не быть пораженну какимъ нибудь новымъ зрѣлищемъ. Здѣсь величайшая

ка-

каменная гора начинается въ самыхъ водахъ, и представляетъ собою безплодный и какъ бы на картинѣ изображенный островъ; вся поверхность сея горы разсѣкается ужасными стремнинами, великіе отломки всюду разсѣяны, и считаютъ, что еще видится гора Осса, вознесенная гигантами на гору Пеліонъ съ тѣмъ, чтобъ достигнуть имъ жилища Юпитерова, которой всѣхъ ихъ раздавилъ подъ развалинами оныхъ горъ. Здѣсь съ шумомъ вытекаетъ изъ горъ источникъ; та пещера, изъ которой онъ беретъ свое начало, чрезмѣрно глубока, и сдѣлалась черною отъ долговременности; дикіе кустарники пріосѣняютъ входъ въ нее, и нѣсколько пріятнѣе дѣлаютъ зрѣлище ужасной пропасти, около которой они разстилаются и вмѣстѣ соединяются; сломленное бурнымъ вѣтромъ дерево преклоняетъ нѣкогда гордую, но теперь голую и изсохшую свою вершину на сухой и зеленоватой камень. Почти совсѣмъ отторгнутый отъ корня большой его пень, окруженный травою плющемъ, еще и теперь служитъ убѣжищемъ пастухамъ сихъ горъ, которые бѣ-

гутъ

гутъ къ оному, когда тучи и влажный западный вѣтръ предвозвѣщаетъ имъ близкую бурю. Я видѣлъ ихъ, о Фабій, видѣлъ ихъ съ своими женами, дѣтьми и вѣрными собачками, скорчившись сидящихъ въ семъ пнѣ, и раздѣляющихъ вмѣстѣ деревенской свой обѣдъ, услаждаемой простымъ и забавнымъ, какъ и сами они, пѣніемъ въ то время, какъ дождь наводнялъ пространныя поля, какъ густыя тучи медленно собирались на вершинахъ горъ, и совсѣмъ помрачали свѣтъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ; въ то время, какъ громъ гремѣлъ въ отдаленности, и эхо удары его повторяло въ горахъ, какъ молнія, сія предшественница страшныхъ метеоровъ воспламеняла скалы и воды; и какъ порывистый вѣтръ, колебля гибкіе верьхи то полевыхъ деревъ, угрожалъ каждую минуту симъ пастухамъ разрушеніемъ ихъ хижинъ и увлеченіемъ съ онымъ въ пѣнящіяся рѣчныя волны; — въ то время, какъ бурный аквилонъ, увлекая все съ собою, что ни противилось стремленію его, наконецъ встрѣтилъ величайшій отломокъ скалы, которой его вдругъ

ос-

остановилъ ; — онъ сокрушился и съ ревѣніемъ и воемъ еще покушался преодолѣть сію непреодолимую препону, и не могши прорваться сквозь оную, принужденъ былъ избрать для себя другіе пути, еще болѣе умножившіе стремленіе его ; но едва коснулся онъ къ водамъ неподвижнаго озера, какъ вдругъ утихъ. Такъ кровожаждущій завоеватель, ища себѣ славы, носитъ повсюду съ собою ужасъ и возмущеніе даже до того времени, какъ внезапная смерть удерживаетъ стремительное его теченіе, освобождаетъ землю отъ сего тягостнаго бремени, и погребаетъ имя и дѣла его въ могилѣ самимъ имъ ископанной.

ПИСЬМО LXXXIII.

Целано.

Иногда пробуждаюсь я во время безмолвной ночи и самъ себѣ говорю : увы! ты уже завтра не увидишь ее! — и потомъ полагаю отягченную свою главу на подушку, желая себѣ вѣчнаго сна.

ПИСЬМО LXXXIV.

Целано.

Какъ солнце поутру разсѣваетъ легкіе пары, поднимающіеся во время ночи съ поверхности земли, когда благотворные лучи сего свѣтила озаряютъ долину, и поднимаютъ на воздухъ покрывающую блестящія травы росу: такъ прекрасные взоры ея въ одно мгновеніе прогоняли всѣ печальныя мысли, помрачавшія мою душу. Любезный другъ! спокойствіе мое вмѣстѣ исчезаетъ съ разсѣвающимся ночнымъ мракомъ. Прелестное сіяніе любимой мною звѣзды вливало въ меня новую жизнь и одушевляло слабыя мои силы. — О сколько бы теперь восхитилъ меня яркій ея блескъ! въ какой мрачной ночи неизвѣстности и нещастій безъ нея заблуждаю! для чего она не озарила теперь меня благотворительнымъ свѣтомъ своимъ, и погрузила мою душу въ ужасный мракъ? Фабій! какой же надежды и какого утѣшенія должно мнѣ ожидать?

ПИСЬМО LXXXV.

Целано.

Вчерась я хотѣлъ было итти нарвать цвѣтовъ, но увидѣлъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, что скоро рвать будетъ нечего. Сухой и холодной сѣверный вѣтръ дуетъ по пустынямъ, и срываетъ цвѣты и древесные листы уже полуизсохшіе; рѣчная вода очень холодна; тростникъ окружающій рѣки весь позябъ; его гибкая и зеленоватая вершина уже покрылась легкимъ инеемъ. — Какая поразительная картина для моего положенія! Подобно оному носилъ я на гладкомъ своемъ челѣ любезное начертаніе молодости и бодрости, а теперь унылая глава моя стенаетъ подъ тягостною рукою нещастій; волосы отъ печали посѣдѣли, а лобъ обезображенъ морщинами. — Тростникъ, будучи одинъ безъ покрова, всегда подверженъ вреднымъ воздушнымъ перемѣнамъ и бурнымъ вѣтрамъ, все еще въ такомъ же состояніи имѣетъ изсохшій свой стебель, въ каковомъ оный былъ тогда, когда напоевался сладчайшимъ весеннимъ вліяніемъ; но когда животворный сокъ, текшій по

жиламъ его, густѣетъ, останавливается и замерзаетъ, то слабое сїе растѣнїе по маломъ оказанїи сопротивленїя вѣтрамъ, колеблющимъ его, сгибается, ломается съ трескомъ и вовсе сокрушается, будучи отягченно бременемъ плачевнаго своего опредѣленїя.

О Фабїй! какїя печальныя мысли вселяетъ въ мою душу сїя смерть природы! Холодъ, чувствуемый мною отъ приближенїя зимы, кажется, предзнаменуетъ мнѣ тотъ смертный мразъ, отъ котораго оледенѣетъ моя кровь и сердце! И хотя я желаю смерти, однако еще глаза мои устремляются на прекрасную долину; и слезы изъ оныхъ текутъ противъ воли моей, когда воображаю, что болѣе не увижу ее испещренною цвѣтами, на которые прежде столько любилъ я смотрѣть.

ПИСЬМО LXXXVI.

Целано.

О Фабїй! она подобна блистающей звѣздѣ, предшествующей во время ночи заблуждающемуся страннику; безпрестанно она представляется моему

ему мысленному взору. — При сладчайшемъ дыханіи зефира, производящемъ шумъ во влажныхъ древесныхъ листочкахъ, кажется мнѣ, будто бы отдаются звуки прелестнаго ея голоса; долгіе зимніе вечера провождаю въ задумчивости, сидя у камина, а между тѣмъ сильные вѣтры колеблютъ оконницы моей хижины, и покрываютъ оныя безчисленнымъ множествомъ снѣгу; которой наконецъ уносятъ и съ рвеніемъ разсѣиваютъ по бѣлой долинѣ; — я смотрю на зажженный дубъ, изъ котораго съ трескомъ выходитъ колеблющееся пламя; мой духъ погружается въ глубокую и печальную задумчивость; я воздыхаю, о Фабій, приводя себѣ на память тѣ прохладные часы, которые провождалъ вмѣстѣ съ нею, занимаясь удивленіемъ сіянія луны, которыя лучи дѣлали блѣднымъ румянецъ ея ланитъ, но не отнимая притомъ блеску отъ ея прелестныхъ глазъ. О другъ мой! безъ нее не могу самъ въ себя взойти; не увидѣвъ ее, не могу ступить ни одного шага! Нѣкогда, какъ нощь распростерла свое мрачное покрывало надъ спокойнымъ шаромъ земнымъ, какъ блѣдный свѣтъ

луны озарилъ воды неподвижнаго озера и привлекъ на оныя взоры усталаго путешественника, лежащаго при корнѣ дуба. Я, сѣдши подъ шумящею отъ вѣтру ивою, смотрѣлъ на блистающую звѣзду; питался чистымъ воздухомъ, и сказалъ самъ въ себѣ:
„Такъ-то я съ нею провождалъ время, душа моя терялась въ ономъ
„воздухѣ, коимъ питалась она; я вдыхалъ въ себя изходящіе изъ нее пары, чистѣйшіе и благоуханнѣйшіе
„самыхъ розъ и другихъ полевыхъ
„цвѣтовъ, изъ коихъ трудолюбивая
„пчела съ великимъ раченіемъ тогда
„высасываетъ сокъ, когда теплые весенніе зефиры одушевляютъ ихъ оледенѣвшіе стебельки. Но теперь (поелику душа моя не соединяется съ
„ея душею) тщетно воздымается стѣсненная моя грудь; она не удерживаетъ въ себѣ ни малѣйшей частицы таковаго воздуха; будучи сама
„лишена нужной для себя пищи, и
„тѣлесныя части приводитъ въ разслабленіе; и тако наподобіе больнаго,
„мучимаго сильною грудною болѣзнію,
„дышу безпрестанно, не находя для
„легкаго полезнаго воздуха.„

ПИСЬ-

ПИСЬМО LXXXVII.

Целано.

Конечно, я не увижу тебя болѣе, о дражайшій мой другъ! и несправедливая участь произнесла на меня столь страшный приговоръ? тебя не видѣть болѣе, тебя, на котораго по любезной Лорѣ, для коея охотно оставляю исполненную горести свою жизнь, всегда взиралъ я съ таковымъ же удовольствіемъ, съ каковымъ молодая супруга смотритъ на своего любезнаго мужа. — О Фабій! сія-то мысль раздираетъ мое сердце, и упоеваетъ горестію послѣднія минуты моего существованія! любезныя и драгоцѣнныя минуты, которыя вмѣстѣ съ тобою провелъ я въ тишинѣ и взаимной другъ къ другу довѣренности. — Теперь любезный другъ! — пойду безъ взаимнаго объятія и безъ облобызанія съ тобою! О небо! о нещастнѣйшій изъ смертныхъ! — И такъ что? ни одинъ сострадательный человѣкъ не придетъ утѣшить меня при моемъ послѣднемъ часѣ? никто не придетъ подать сладчайшую надежду душѣ моей, оставляющей сіе бренное тѣло? никакое твореніе не будетъ предстоять

сему смертному одру, на коемъ буду я лежать разслабленъ и почти бездыханенъ? ни одинъ благочестивый мужъ не пролiетъ обо мнѣ утѣшительныхъ при смерти молитвъ? ни одна рука не отретъ съ синяго моего чела хладнаго смертнаго поту, и не закроетъ глазъ моихъ при приближенiи смерти? О всемогущiи Боже! неуже ли оставишь бѣдное свое творенiе, всѣми оставленное, при послѣднемъ концѣ! Попустишь ли великiй Боже! чтобъ слабыя и слезъ исполненныя очи его, навсегда заключаясь, еще не могли насладиться созерцанiемъ такого существа, которое бы сострадало объ участи его! допустишь ли, чтобъ послѣднiй вздохъ его пресѣкся слезами горести и отчаянiя? — Праведный Боже! Боже благотворительный! ты не произнесешь на меня столь грознаго приговора.

ПИСЬМО LXXXVIII.

Целано.

Сей рыболовъ, о которомъ я писалъ къ тебѣ, съ своею женою составляетъ всю мою компанiю. Правда, могъ

могъ бы я и съ знатными въ семъ городѣ людьми завести знакомство, но теперь-то оно мнѣ и несносно. — Иногда вижусь съ твоею старою кормилицею; она всегда о тебѣ говоритъ; — мы сидимъ съ нею возлѣ камина; и наговорившись принимаемся плакать и сами не зная о чемъ. — Бѣдная старуха, какъ мать любитъ тебя. Я всегда разстаюсь съ нею съ сожалѣніемъ. О Фабій! слезы, вмѣстѣ нами проливаемыя, нѣсколько облегчаютъ мое сердце отъ бремени, угнѣтающаго оное.

ПИСЬМО LXXXIX.

Целано.

Холодная погода принудила меня оставить любезное свое убѣжище и удалиться въ городъ. При всемъ томъ, не взирая на туманы, хожу я туда каждой день. И какъ озеро отсюда разстояніемъ на полмили, то сіе и не мало усталости причиняетъ мнѣ. Мои силы уменьшаются сообразно съ перемѣною времени, и естьли всегда таковъ я буду, то перестану ходить прогуливаться, будучи не въ

силахъ сносить зимній холодъ, но надѣюсь . . . —

О Фабій! гдѣ будетъ другъ твой, когда робкая и еще отъ хладу дрожащая птичка вылетитъ изъ своего гнѣзда и будетъ воспѣвать на сухой вѣточкѣ возвращеніе весны? —

ПИСЬМО XC.

Целано.

Всѣ добродушные жители горъ чрезвычайно любятъ меня, ибо я въ хорошую погоду съ удовольствіемъ участвовалъ въ ихъ забавахъ и деревенскихъ обѣдахъ. Одна зима прервала сію пріятную и тихую нашу компанію; сколь многоразличныя причины въ каждую минуту прерываютъ оную между свѣтскими людьми! — При всемъ томъ мы еще собираемся каждое Воскресенье въ небольшую церковь, однимъ старымъ пустынникомъ построенную на вершинѣ высочайшей скалы, наклонившейся къ сторонѣ озера. Видъ сея горы пріятенъ; о любезный другъ! какъ восхитительно смотрѣть на сухіе и утесистые камни по-

покрытые снѣгомъ, коего бѣлизна кажется будто споритъ съ ужасною чернотою впадинъ ихъ; также и на рѣку, съ шумомъ изъ оныхъ вытекающую, и низвергающуюся въ пропасть, изрытую среди льдинъ, покрывающихъ поверхность озера; сколь пріятно смотрѣть на солнечные лучи, удвояющіеся въ кипящихъ водахъ, изображающихъ въ себѣ многоцвѣтныя радуги! какъ восхитительно видѣть сей влажной и легкой паръ, которой выходя изъ водъ, отъ сильнаго оныхъ паденія, съ стремленіемъ возвышается на удивительную высоту, и въ воздухѣ раздѣляется на безчисленные маленькіе шарики, по томъ тихо упадаетъ, изображая въ себѣ чрезъ отраженіе лучей множество звѣздъ, — видѣть сію безчисленную кучу камней, скрывающую гордые верьхи свои въ облакахъ; — сей снѣжный покровъ, который покрываетъ оную; — сію узкую и мрачную тропинку, сдѣланную перпендикулярно, и оканчивающуюся при самой церкви; — сіи сломленныя и разбросанныя по широкимъ и глубокимъ стреминамъ дерева; — сію древнюю башню, на коея почернѣвшемъ отъ

 долго-

долговременности шпицѣ обитаютъ враны, и съ оной поднимаются на воздухъ для исканія себѣ пищи; а между тѣмъ вѣрная пастухова собака тщательно наблюдаетъ быстрой ихъ полетъ, съ осторожностію собираетъ свое стадо, изъ коего разбѣжавшіяся по горамъ козы, кажется, будто висятъ на наклоненныхъ камняхъ, на кои съ трудомъ вскакиваютъ для того, чтобъ найти тамъ нѣкоторыя сухія растѣнія, еще не совсѣмъ мразомъ истребленныя!

О Фабій! клянусь тебѣ, что въ сихъ-то дикихъ мѣстахъ найду я конецъ всѣмъ своимъ горестямъ.

ПИСЬМО XCI.

Целано.

За нѣсколько предъ симъ дней старая твоя кормилица принудила меня отобѣдать у себя; я сначала отказывался было, опасаясь подать ей случай къ безполезнымъ издержкамъ, могущимъ причинить ей убытокъ, въ разсужденіи небольшаго имущества ея; но она столь неотступно

но просила меня и столь живо представила мнѢ то неудовольствіе, которое бы могЪ я причинить ей своимЪ отказомЪ, что наконецЪ принужденЪ я былЪ на прозьбу ея согласиться.

По приходѢ моемЪ кЪ ней я за первый долгЪ сочелЪ сказать, чтобЪ она не забывала своего обѢщанія, даннаго вЪ томЪ, дабы не дѢлать для меня никакихЪ расточительныхЪ пріуготовленій; она увѢрила, что вЪ угодность мою сего никакЪ не перемѢнитЪ.

Когда я сидѢлЪ возлѢ камина, то она занималась пріуготовленіемЪ стола; и какЪ все было собрано, то посадила меня напротивЪ себя. ХлѢбЪ ея вкусенЪ, а супа ею сдѢланнаго не промѢнялЪ бы я и на самое лучшее вЪ свѢтѢ кушанье. Но вниманіе и безпрестанный страхЪ ея вЪ разсужденіи того, чтобЪ не показалось мнѢ противнымЪ кушанье; также стараніе узнать изЪ моихЪ глазЪ, чтобы для меня было пріятно, еще большую сладость придавали кушанью.

По

По окончанiи обѣда она сняла со стола скатерть, и покрыла оной широкими виноградными листьями, нарочно на сей случай ею сохраняемыми, которые столь же были свѣжи, какъ и среди весны; по томъ принесла вкуснаго сыру и полную тарелку превосходнаго *пиноккiо*; напослѣдокъ съ позволенiя моего принесла бутылку вина, называемаго lacrimæ Christi, которое она, получивъ отъ тебя, долго берегла. Безъ сумнѣнiя, пришло ей на мысль, что сiя идея воспрепятствуетъ мнѣ отказаться отъ онаго, въ чемъ и не обманулась. Лишь только началъ я брать въ руки стаканъ съ симъ виномъ, какъ она сказала мнѣ: „Милостивый государь! примите сей „стаканъ, въ немъ прекрасное вино; „изъ сего стакана пилъ въ своемъ „младенчествѣ дражайшiй мой Фабiй.„ О любезный другъ мой! я принялъ его и поднесъ къ устамъ съ чувствованiемъ величайшаго удовольствiя. —

Весь вечеръ проговорили мы о тебѣ; я разстался съ нею очень поздо, и шелъ домой гораздо тише обыкновеннаго. Моя радость обратилась въ печаль; ужасныя размышленiя безпокоили

коили меня. Я спокойную и пріятную жизнь, которою бы могъ наслаждаться, живучи вмѣстѣ съ сими честными людьми, естьлибъ рожденъ былъ въ равномъ съ ними состояніи, не безъ соболѣзнованія сравнивалъ съ своими мученіями, раздирающими мою внутренность, которыя таковая разность состоянія мнѣ приготовила.

ПИСЬМО XCII.

Целано.

Вчерась я опять ходилъ смотрѣть на оную ужасную пропасть, въ которой хочу умереть. — Будучи одинъ и преданъ печальному разстройству заблуждающаго своего разсудка, безъ ужаса облокотился я на слабую преграду, отдѣляющую входъ въ оную. Глаза мои устремлены были на кипящія воды, которыя ударялись объ острые концы скалъ, и по томъ поглощаемы были навсегда; я вдыхалъ, такъ сказать, съ исходящими изъ пропасти парами въ себя самую смерть, и при всемъ томъ сердце мое было спокойно. Я безъ содраганія могъ ки-

нуть-

нуться въ сію бездну! Ахъ! для чегожъ не сдѣлалъ сего? для чего желаніе съ тобою еще говорить, удерживаетъ на землѣ мои стопы, наподобіе нещастныя Дафны! —

О Фабій! сего дня переходилъ я чрезъ худой мостъ, сдѣланной надъ пропастью, и мое серцце оледенѣло отъ ужаса; волосы поднялись на головѣ, и хладный потъ выступилъ изъ всего тѣла при одномъ только шумѣ ярящихся волнъ.

ПИСЬМО XCIII.

Целано.

Любезный другъ! — увы! — я это чувствую. — Жестокой мразъ объемлетъ все мое тѣло, когда идея смерти представляется моему воображенію — Въ мои лѣта? умереть! — и притомъ узнавъ только одни житейскія горести! — Но конечно, Фабій, должно тому быть, еще одинъ разъ! — Увы! какъ бѣдной олень стонетъ, воздыхаетъ и испускаетъ печальныя мыченія, видя приближающійся оной конецъ: такъ и я съ безпокойствомъ

ствомъ ожидаю своей смерти, и часто также страшусь оныя, какъ и сїе слабое животное.

ПИСЬМО XCIV.

Целано.

Прости, прости легкое весеннее дыханїе, прощайте густые лѣса, любезная пустыня, въ которой я столь часто проливалъ слезы и безъ страха погружался въ глубокую задумчивость! прости любезное пѣнїе птичекъ; слабые ваши тоны не будутъ меня веселить при моемъ пробужденїи! сонъ въ которой я намѣренъ погрузиться, есть вѣченъ! прощай прозрачный источникъ, въ которомъ я столь часто утолялъ жажду; съ тобою прощаюсь я въ послѣднїй разъ; — уже не буду болѣе пить твоея прохладныя и спасительныя воды. — Въ царствѣ мертвыхъ пьютъ одну горькую и мутную воду изъ печальнаго Флегетона. А особливо прости ты, о прекраснѣйшая женщина! для тебя я охотно умираю; — о съ какимъ бы удовольствїемъ сталъ жить

для

для тебя! — Но конечно я тебя болѣе не увижу; уже не буду нарушать домашняго твоего спокойствія, никогда не услышишь говорящаго съ тобою нещастнаго Стеллина! онъ удаляется, и ничего не беретъ съ собою, кромѣ твоего портрета, твоего портрета, о божественное твореніе! — О небо! сокрывай далѣе отъ нее сіе мое ужасное намѣреніе! пекись о ея вѣчномъ благѣ.

ПИСЬМО XCV.

Целано.

По возвращеніи твоемъ домой найдешь ты у себя пакетъ, къ тебѣ надписанной; въ немъ копіи твоихъ и моихъ писемъ; еяжъ писемъ очень мало; онѣ сложены по порядку и особливо запечатаны. — Вручи ихъ ей, когда ... — Тамъ не ищи портрета ея; какъ можно тебѣ подумать, чтобъ я съ нимъ разстался въ сію страшную минуту? — По крайней мѣрѣ хочу по смерти мысленно съ нею соединиться; ибо судьба ... Но все это повторять будетъ безполезно; не надобно ничего болѣе думать о томъ; нѣтъ! —

Про-

Прости, прости, любезнѣйшій другъ! я до послѣдняго издыханія жизни сохраню къ тебѣ нѣжное чувствованіе дружества! прости! — прости; завтра? болѣе? о небо! —

ПИСЬМО XCVI.

Въ полночь, на рѣчномъ берегу.

Другъ! — я пишу къ тебѣ при самомъ концѣ своей жизни; долгъ требуетъ, чтобъ о споспѣшествовавшемъ мнѣ провождать сію несносную жизнь: испустилъ я послѣдній вздохъ изъ издыхающихъ устъ своихъ. — Не надѣюсь, чтобъ сіи таблички когда нибудь дошли до тебя, по крайней мѣрѣ по тому, что добродушные люди, сожалѣющіе о плачевной участи нещастнаго Стеллина, не придутъ искать меня въ нѣдрахъ сихъ пустынь; пагубное предчувствованіе не влечетъ ихъ къ устью сей ужасной пропасти, гдѣ останутся сіи таблички. Я одинъ; — тишина и мрачность окружаютъ меня; — луна, закрытая густыми облаками, кажется не хочетъ проливать на меня сребряновиднаго своего свѣта;

я хотя не вижу, но слышу шумъ неистовыхъ волнъ, кои поглотятъ меня. Глаза мои съ трудомъ узнаютъ знаки, дрожащею моею рукою теперь начертаваемые. — Прости, любезнѣйшій другъ мой, Фабій, прости на вѣки! —

Конецъ.

